

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

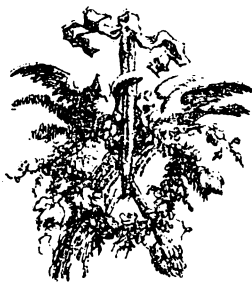
Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ ІХ.

М О С К В А.

ВЪ Унивѣрситетской Типографіи,

у Н. Новикова,

1787.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ВЕЧЕРА.

I.

Господинъ Добролюбовъ, опѣвзжая въ армію, съ прискорбіемъ прощался съ супругою своею, пещею и према дѣшьями. Онъ посадилъ къ себѣ на колѣни сына своего, которой жаловался на то, что по малолѣтству своему не могъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Не выпуская его изъ объятій своихъ, Г. Добролюбовъ всталъ; двѣ дочери съ плачемъ обнимали его колѣни, а супруга, омоченная слезами, бросилась къ дверямъ, чпобы въ послѣдній разъ просишьяся съ нимъ. . . . Ахъ, батюшка! произнесъ сынъ его тихимъ голосомъ, положивши голову свою на плечо къ нему: возмите меня съ собою. . . . Добролюбовъ съ нѣжносшію опдалъ его на руки его родительницы. Онъ дѣлалъ нѣкоторое сопровивленіе: надобно было силою разжать рученку его, которой ухватился онъ за кафшанъ опца своего. Обнявши еще дѣпей и супругу, вырвался

Часть IX. Но 1. А 2 Добро-

Добролюбовъ изъ объяшій ихъ, и поспѣшно уѣхалъ. Госпожа Добролюбова, угнетенная печалію, пошла съ матерью своею въ кабинетъ, и какъ уже тогда было восемь часовъ по полудни, то и послала дѣшей спать.

Во всемъ домѣ было движеніе: попому что Госпожѣ Добролюбовой на другой день надобно было ѣхать въ деревню, довольно отъ Москвы отдаленную. Она брала съ собою изъ служителей своихъ нѣкоторую только часть, а прочихъ оставляла въ городѣ. Слуги, ѣхавшіе съ нею, были въ такомъ же неудовольствіи, какъ и шѣ, которые къ Москвѣ оставались.

„Какое дурачество ѣхать за шѣмъ,
 „чтобъ заключить себя въ дальней дерев-
 „нѣ, въ которой никогда не жилали, и
 „ѣхать опять въ самое холодное зимнее
 „время, вмѣсто того, чтобы жить въ
 „Москвѣ, гдѣ бы госпожа наша по край-
 „ней мѣрѣ могла находить случаи къ раз-
 „сѣянію! Какъ могутъ дѣши, изъ кото-
 „рыхъ самому старшему десятой годѣ,
 „снести трудность такой дороги?... Въ
 „генварѣ переѣхать чепыреста верстѣ!...
 „Развѣ необходимо надобно сдѣлаться
 „пустынницею и бѣжать на край міра,
 „когда мужъ ѣдетъ въ армію?“

Таково было разсужденіе Анны, одной изъ дѣвушекъ Госпожи Добролюбовой; съ грустью собираясь въ дорогу, написала она спроки сіи къ Федору, которой въ домѣ у нихъ имѣлъ надзираніе надъ столомъ, и которому также прискорбенъ былъ отъѣздъ въ деревню и разлука съ Анною.

Съ другой стороны дочери Госпожи Добролюбовой, Елисавета и Катерина, слушали такія же жалобы. Нашалья, другая дѣвушка, которая ихъ раздѣвала, не могла скрыть мыслей, наполнявшихъ ея голову. Она никогда изъ Москвы не выѣзжала, и непреодолимое имѣла отъ-вращеніе отъ уѣзда.

Елисавета и Катерина со вниманіемъ слушали жаркія Нашальины рѣчи; а особливо Катерина, которая отъ природы была очень любопытна: порокъ, извинительной по ея малолѣтству! ибо ей было еще только семь лѣтъ. Впрочемъ видны были въ ней хорошія свойства; и хотя показывала она болѣе легкомыслія, нежели сестра ея, которая была ее старѣе слишкомъ осьмнадцатью мѣсяцами: однако же чрезвычайною своею искренностію и чувствительностію сердца своего достойна была любви.

Петръ былъ разсудительнѣйшій изъ всѣхъ дѣшей Госпожи Добролюбовой; правда и то, что ему минуло уже девять лѣтъ, и что въ семь возрастѣ начинающѣ выходить изъ перваго дѣшства. Онъ уже могъ управлять и собою. Не лзя быть всегда одинаковымъ образомъ прудолубиву: но когда Петръ чувствовалъ, что онъ въ худомъ расположеніи, то умѣлъ принуждать себя и побѣждать сіе преходящее опвращеніе. Онъ отъ природы любилъ ученіе, и имѣлъ сильное желаніе къ приобрѣтенію полезныхъ знаній. Онъ былъ чувствителенъ, поняшенъ, искрененъ и живъ; любилъ родителей своихъ, былъ исполненъ нѣжности къ своимъ сестрамъ и благодарности къ учителямъ, а особливо къ Господину Своемыслову, пожилому студенту, хотя послѣдній сей и былъ нѣсколько строгъ и упрямъ, а особливо, когда дѣло шло о ѣздѣ въ деревню; ибо онъ очель жалѣлъ о Москвѣ, газетахъ и шахматной игрѣ, кошорая лѣтъ уже десять была первымъ его упражненіемъ.

Наконецъ все съ печалью улеглось въ домъ Госпожи Добролюбовой; проходилъ ночь, показывается день. Въ половинѣ седьмага часа разбудили дѣшей, одѣлись,

одѣлись, позавтракали на скорую руку и въ восемь часовъ сѣли бабушка, мать, Своемысловъ, Петръ, Елисавета и Кашерина вмѣстѣ въ Англійскую карету и поѣхали въ деревню.

Въ полдень ошановились обѣдать. Госпожа Добролюбова, у которой въ прошедшую ночь глазъ съ глазомъ не сходился, бросилась на постелю, а прочіе заняли ближнюю комнашу. Между шѣмъ, какъ люди на постояломъ дворѣ ошправляли дѣло свое, накрывали на столъ и приготавливали на сковородѣ кошлешы и рябчиковъ, господа расположились прошивъ печи; Своемысловъ подкладывалъ дрова и наблюдалъ глубокое молчаніе, а дѣши сидѣли вокругъ Госпожи Правосудовой, своей бабушки. Тутъ начинается разговоръ, предлагающся бабушкѣ вопросы; ибо шомность и глубокая печаль Госпожи Добролюбовой заславляла дѣшей удерживать въ каретѣ всякое любопытство.

За чѣмъ же мы ѣдемъ въ деревню? спросила Кашерина. Когда человекъ служащій, жизнь моя, ѣдетъ въ армію, то онъ принужденъ бываетъ много издерживать; въ такомъ случаѣ должна жена его, ештли она разсудительна, благо-разумнымъ хозяйствомъ предупредить шу

разспройку, которую чрезвычайныя сіи издержки могутъ произвеси въ его состояніи: для этова-то маць ваша Москву оставляетъ . . . . А! теперь ужъ знаю, перервала ея рѣчь Каперина: говорятъ только, что деревня, въ которую мы ѣдемъ, очень дурна, очень скучна . . . . Я боюсь, чтобы мапушкѣ не сдѣлалось шамъ грустно . . . , Естли въ шебѣ нѣтъ другога страха, отвѣчала Госпожа Правосудова, то будь спокойна; маць швоя находить пакое удовольствіе въ исполненіи своихъ должностей, что конечно никакое мѣсто не можетъ для нее теперь быць пріятнѣ села Уединеннаго. Для меня эшо понятно, сказалъ Пепрѣ: во время ученья хотѣлось бы мнѣ иногда играть, но вспомнивши, что исполняю должность свою; и что мною будутъ довольны, естли я выучу урокъ свой, получаю охоту и прилѣжность. А когда, спросила бабушка, ты наиграешься и нарѣзвишься, то бывають ли пріятныя мысли въ головѣ швоей? О нѣтъ, отвѣчалъ Пепрѣ: тогда бываетъ мнѣ только тяжело. — „А когда ты хорошо учился?“, Тогда мнѣ весело. Я думаю тогда, что Господинъ Своемысловъ скажетъ эшо мапушкѣ, что меня будутъ ласкать, любить; что

что всё люди меня хвалишь спанушь, . . . Не забывай эпова никогда, сказала Госпожа Правосудова: съ холодностью воспоминающя шѣ удовольствія, копорыми мы наслаждались; съ восхищеніемъ приводяща на мысль шѣ хорошія дѣла, копорыя мы сдѣлали. Послѣ сихъ словъ пошла она садиться за столъ. Въ концѣ обѣда пришла Госпожа Добролюбова къ матери и дѣтямъ своимъ, а черезъ четверть часа послѣ того осшавили постоялой дворъ, и поѣхали.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхали въ село Уединенное, въ старой вѣшхой домъ, окруженной прудами, копорому зимнее время, снѣгъ и иней придавали еще гораздо угрюмѣйшій и суровѣйшій видъ. Непривлекательная для глазъ простота домовыхъ приборовъ болѣе всего удивила дѣшей. Стулья и креслы въ залѣ обипы черною кожею! въ изумленіи сказала Елисавета. . . . Какія большія печи! . . . Какія маленькія спекла! . . . Любезныя дѣши! отвѣчала Госпожа Правосудова: въ молодости своей проводила я въ году восемь мѣсяцовъ въ шакихъ деревняхъ, въ копорыхъ находятъ болѣе забавы, болѣе истинной радости, нежели въ шѣхъ домахъ, копорые видѣли вы при выѣздѣ изъ Москвы;

вѣ ашихъ блестящихъ домахъ, вѣ кошорыхъ нѣшъ ни удовольствія, ни свободы, и вѣ кошорыхъ разспривается здоровье и состояніе. Не смотря на разумное бабушкино разсужденіе, внучки нѣсколько жалѣли о Москвѣ. Своемысловъ, опѣ природы знобкой, мучился опѣ жестокости чрезвычайнаго холода, кошорой былъ вѣ цѣломъ домѣ; ибо окна и двери были вѣ самомъ дѣлѣ худы. Вѣ самой еще первой день онѣ простудился, и простуда сія очень увеличила его прискорбіе и неудовольствіе; но ничшо не могло сравняшься съ печалью двухъ горнишныхъ дѣвушекъ, Анны и Натальи. Анна объявила первая, что она не намѣрена шочно разсказывать, а особливо при Елисаветѣ и Катеринѣ, истинныя причины своей скорби и грусти; однако же хотѣла она показывать свое неудовольствіе. И такъ разговоръ свой на другой день поушру начала она шѣмъ, что сказала, будшо бы страхъ опѣ воровъ не далъ ей заснуть во всю ночь. Опѣ воровъ! вскричала Катерина. „Да развѣ думаете вы, сударыня, что мы совсѣмъ вѣ безопасности, живучи вѣ опкрытомъ домѣ, среди водѣ и лѣсовѣ, да еще и сѣ такимъ малолюдствомъ? Все бы еще лучше было, ешъли бы мапушка
ваша

ваша взяла съ собою всѣхъ людей, копорыхъ она оставила въ Москвѣ. „ — Прибавь еще къ этому, перервала слова ея Нпшалья, что въ здѣшнихъ мѣстахъ и волковъ не менѣе воровъ. . . . „Волковъ! „ . . . Да, сударыня, да и все еще голодныхъ волковъ. . . . „Ахъ, Боже мой! . . . эши ужасъ наводитъ. „ . . . Разсказывающъ пакія исторіи. . . . Видите, что всѣ эши пруды замерзли. . . . „Что же? „ . . . То, что волки всякую ночь полпами черезъ нихъ ходящъ. . . . „Боже мой! и эшо пакъ опъ насъ близко? „ . . . Подумайте, естли жильцы внизу ненарочно оставящъ окно опкрыто; подумайте полько. . . . „Да ночьюя нынѣшнее время не оставляющъ окно опворенное. „ . . . Можно и позабышься. . . . Естли мѣсто хуже здѣшняго!

Такой разговоръ сдѣлалъ великое впечатаніе въ Елисаветъ и Каперинъ. Въ страхъ и печали грустили онѣ о Москвѣ, и какъ вошли въ комнату Госпожи Добролюбовой, то она пошчасъ примѣшила, что онѣ были не въ обыкновенномъ своемъ положеніи. Елисавета, приспально допрашиваемая своею матерью, призналась во всемъ и подробно разсказала разговоръ горнишныхъ дѣвушекъ. Госпожѣ Добролюбовой не прудно было дока-

доказать ей, сколько страхъ ея отъ воровъ и волковъ былъ пущъ и неосновашеленъ; да развѣ, продолжала она, не запретила я вамъ входить во всякіе разговоры съ дѣвками? . . . „Въ другое время, мапушка, мы никогда не говоримъ съ ними; но съ того времени, какъ няня моя больна лихорадкою, и одѣваетъ насъ Нашалья, . . . Такъ развѣ надобно вамъ слушать ея вранье, когда она васъ одѣваетъ? . . . „Вишь она часто говоритъ не со мной, а съ Анной, . . . Естли вы не будете всступаться въ разговоры ихъ и слушать ихъ спанете равнодушно и холодно, по онъ конечно не будущъ говорить при васъ; естли же, напрошивъ того, онъ съ болшаньемъ своимъ будущъ вамъ нравиться, по и разумъ и сердце ваше отъ этова испоршятся. — „Да вишь вы, мапушка, часто миѣ говорили, что всѣ люди брашья, и что, . . . Конечно; намъ должно по возможности своей всѣхъ ихъ любить, помогать и служить имъ. Знашность рода есть преимущество воображаемое; только одно воспитаніе производитъ между людьми истинное различіе; дѣвушка разумная, наученная и просвѣщенная никакъ не потерпитъ въ числѣ искренныхъ своихъ пріятелей невѣжду, грубіяна, чловѣка безразсуднаго и исполненнаго предраз-

разсужденій. Для эпова-шо не вступила бы она въ пріятельскіе разговоры съ своею горнишною дѣвкой, естли она не пребуешъ отъ нее услугъ; попому что мы должны тогда слушать слугъ своихъ со вниманіемъ, когда они имѣюшъ въ насъ нужду и пребуюшъ отъ насъ совѣша....

„А естли бы горнишная дѣвка была *Хороша, очень хороша*, такъ развѣ бы не лзя ее было почипать другомъ своимъ, хопя бы она была и не учена и не хорошо воспишана? „ — Скажи мнѣ, Лизанька, что пакое *Почитать кого нибудь другомъ своимъ*? — „Что пакое? . . Любипь эпова человекъ всѣмъ сердцемъ, мапушка. „ — Госпожа Благо-разумова, вамъ знакомая, *Любитъ всѣмъ сердцемъ дочь свою*, кошорой минуло полько еще два года, хопя эпомѣ ребенокъ и не *Другъ ся*. — „Эпо точная правда; между друзьями надобно бышь не одной полько *Дружбѣ*. „ — Конечно, надобно бышь и довѣренности; не лзя пребовать совѣша отъ горнишной своей дѣвки; не лзя получить отъ нее хорошаго наставленія; не лзя имѣть съ нею основательнаго и пріятнаго разговора, даже и о самыхъ не важныхъ дѣлахъ. И такъ не благоразумно бы было имѣть къ ней до-
вѣрен-

вѣренность ; надобно ее любить , есѣли она честна и хороша , а *Другомъ своимъ* почитать ее не возможно . Скажу еще и то , что искренное обхожденіе съ людьми шакого рода было бы очень странно для челоуѣка моихъ лѣтъ , а для ребенка было бы оно опасно . Вы эшо и сами видите ; пошому что два , или при разговора съ Нашальей и Анной могли вселить въ васъ пустые страхи , и заспавить васъ роптать на волю вашей мапери , вмѣсто шого , чшобы одобришь шо хорошее намѣреніе , для кошораго она сюда пріѣхала . И шакъ впредь спарайшесь убѣгать всякаго рода пріятельскаго и короткаго обхожденія съ слугами вообще и со всѣми шѣми людьми , кошорые дурно были воспитаны ; но имѣйте къ нимъ при шомъ и всякое снисхожденіе . Безразсудно бы было презирать ихъ за шо , что они лишены шакой выгоды , кошорую пріобрѣсти не могли они по своей воль ; сожалѣйте о нихъ , когда увидите ихъ безразсудные , или смѣшныя пошупки ; прилѣжно штвердите шогда : есѣли бы не было у меня разумныхъ и нѣжныхъ родственниковъ , шо конечно бы были во мнѣ всѣ сіи пороки , а можеть быть еще и большіе . — „ Да я слышала , мапушка , что шешушка наша ,

ша, которая очень хороша и разумна, почитаетъ Надежду, свою служанку, вѣрнымъ себѣ другомъ. „ — Правда; но Надежда эша не изъ обыкновенныхъ служанокъ. Она была совершенно хорошо воспитана для женщины своего сословія. Родственники ея не могли ее научить многому, однако же подавали они ей очень хорошіе примѣры, и вкоренили въ нее честныя правила. А послѣ, когда на семнадцатомъ году взяла ее къ себѣ невѣстка моя, она выпрашивала у госпожи своей книги и училась; у нее былъ хорошій смыслъ и благородныя чувства, и разумомъ своимъ, своею привязанностію, добрымъ своимъ поведеніемъ и склонностію своею къ работѣ и чтенію скоро приобрѣла она и заслужила уваженіе и довѣренность госпожи своей. — „Иванъ, слуга братцовъ, любитъ по же, что и Надежда. Господинъ. Свсемысловъ говоритъ, что онъ очень хорошо знаетъ правописаніе и исторію. У него всегда въ карманѣ книга; да онъ же еще и очень хорошаго поведенія. „ . . . Вы видите, съ какимъ уваженіемъ я обхожусь съ нимъ; знаете опять и то, что я никакъ не запретила брату вашему входить съ нимъ въ разговоры. Но такіе примѣры споль-

ко рѣдки, что ихъ можно только почи-
пашь за исключеніе изъ правила.

Послѣ сего разговора не входили уже
обѣ сестры въ рѣчи дѣвокъ своихъ, и
скоро почувствовали, что деревня можетъ
быть пріятною и среди самой зимы; онѣ
привыкли къ холоду, такъ какъ Петрѣ,
копорою находилъ великое удовольствіе бѣ-
гать по саду, дѣлать изъ снѣгу кубари
и кашаться на льду. Елисавета и Катери-
на, ободренныя примѣромъ брата своего,
рѣшились также итти на ледъ, хотя сперва
и не безъ всякаго страха; но привыкнувши
къ тому въ короткое время, также спали
онѣ смѣлы, какъ и Петрѣ. Онѣ бѣгали безъ
всякаго опасенія, и возили другъ друга
въ маленькихъ санкахъ, копорыя прытко
кашались по льду, и копорыми управляли
онѣ безъ труда и усилія. Частое пада-
ніе, копорое никогда не бывало опасно,
увеличивало только забаву ихъ: падали
легко, а вспавали съ великомъ смѣхомъ.
Госпожа Добролюбова вмѣшивалась сама
въ игры ихъ. Хотя и не видно было въ
ней природной ея веселости, однако же
показывала она прежнюю крепость свою
и все свое равнодушіе. Ее не видали уже
печальну, плачущу и наблюдающую глу-
бокое молчаніе; а когда приходила на нее

минутная поспка, она поспчасѢ оставляла комнапу, уходила вѢ кабинетѢ свой и чрезѢ нѢсколько минутѢ возвращалась сѢ довольнымѢ и веселымѢ лицомѢ.

ВѢ одинѢ день, когда она шакимѢ образомѢ оставила вдругѢ дѢшей своихѢ, Елисавета пошла ее искапѢ. Она не нашла ее вѢ горницѢ своей, но ей показалось, что она говоритѢ вѢ своемѢ кабинетѢ, изѢ копораго дверь была нѢсколько ошворена. Елисавета поспихоньку шуда вошла, увидѢла мамѢ свою на колѢняхѢ и вѢ слезахѢ, и услышала ее проиꙗносящую сѢ слова: *Боже, Боже мой! даруй мнѢ болѢе мужества и преданности кѢ волѢ Твоей.* Елисавета упала на колѢни, прижала кѢ груди руки свои, и поднявши ихѢ кѢ небу, говорила перерывающимся голосомѢ: исполни, Господи, мамушкину прозѢбу! . . . При сихѢ словахѢ Госпожа Добролюбова, обернулась назадѢ, вспала и обняла свою дочѢ, которая сѢ слезами бросилась вѢ ее объѢпїя. ОбѢ сѢли на канане, и, по минутномѢ молчанїи, Госпожа Добролюбова начала говорить: шебѢ надобно изѢяснить по, что шы видѢла. СѢ нѢкопораго времени могли вы примѢшить, что меня не перзаетѢ уже болѢе ша несказанная печаль,

копорую чувствовала я по приѣздѣ на-
шемъ сюда; однако же причина этой пе-
чали все еще не испребилась. Я разлу-
чена съ отцомъ вашимъ и имѣю пошлѣ
же самой поводъ къ беспокойствію; но я
искала утѣшенія въ законѣ, которое
было для меня очень нужно, и печаль
моя уменьшилась. Моляся Богу, чувство-
вала я, что надежда моя и бодрость
возобновлялись. Богъ утѣшаетъ и под-
крѣпляетъ сердце мое: отъ Божественнаго
покрова ожидаю я всего. Ахъ, мамушка!
сказала Елисавета, обнимая мать свою:
позвольте, чтобы всегда, когда вы бу-
дете молишься за башюшку, я также
съ вами молилась; молитва моя будетъ
отъ чистаго сердца. . . . Хорошо, другъ
мой, отвѣчала Госпожа Добролюбова: но
не забывай никогда, что безъ истинной
и усердной молитвы, не лзя быть ни-
кому щасливымъ.

Между тѣмъ село Уединенное день
отъ дня становилось пріятнѣе для сво-
ихъ жителей. Дѣшамъ казалось уже по
совсѣмъ не понятно, какъ онѣ о Москвѣ
сожалѣть могли. Самъ Своемысловъ при-
выкалъ къ *сельской жизни*; горницу его
хорошенько законопалили, порядоч-
но напостили, вспавили двойныя окончи-
ны

ны и послали на полъ сукно ; сверхъ того одинъ небогашой дворянинъ , человекъ обходительной и доброй , копорой жилъ только въ верспъ ошъ Уединеннаго , довольно хорошо игралъ въ шашки , и Господинъ Своемысловъ нечувствительнo спалъ по прежнему веселъ . Уговорились , чтобы госпожѣ Добролюбовой и Правосудовой рассказывать для забавы послѣ ужина сказки , ошъ половины девяшаго часа до половины десяшаго . Такое общаніе произвело великую радѣсть въ дѣтяхъ . О исполненіи онаго просили онѣ споль усиленно , что Госпожа Добролюбова въ шопѣ же еще вечеръ удовольствоввала ихъ любовьюшшо . Расположились во кругѣ большаго камина ; дѣпи сѣли подлѣ мапери , копорая привлеки къ себѣ глаза и вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ , начала рассказывать слѣдующую повѣсть .

II. ДЕЛЬФИНА;

или

Щастливое излѣченіе.

Дельфина, однородная дочь и богатая наследница, была знашной фамилии, приятна собою, разумна и имѣла доброе сердце. Мелиша, мать ея, несказанно ее любила; но привсемъ помѣ была она сполько слаба и легкомысленна, что не могла никакъ хорошо воспитать дочь свою. Хотя на девятомъ году и было уже у Дельфины множество учителей, однако же она ничему не училась, а любила сполько танцовать. Въ часы другаго ученія была она чрезвычайно лѣнива и обыкновенно въ половину ихъ сокращала, жалуясь на усталость свою, или на головную боль. „ Я никакъ не „ хочу, чтобы ей чтонибудь вопреки „ дѣлали, беспрестанно швердила Мели- „ ша. Она нѣжнаго сложенія; прилѣж- „ ное упражненіе въ ученіи было бы вред- „ но для ея здоровья. Сверхъ того, съ „ гордостію продолжала она, думаю, „ что и безъ великихъ дарованій могла „ бы она вышши за хорошаго мужа. . . : „ И такъ напрасно, кажется мнѣ, му- „ чишь ее. „

Тутъ

Тутъ Петрѣ пожалъ плѣчами, и оказалъ: „у Госпожи Мелипы ума было не много. Развѣ не надобно шому спараться бышь доспойнымъ любви, кшо богашъ и знашенъ? „... Надобно сказашь еще и шо, что человѣкъ, женящійся на молодой дѣвицѣ шолько для богашства ея, не будешъ имѣшь къ ней почшенія и и довѣренности, и испинно шаспливою сдѣлаешъ ее единшвенно сполько, сколько она любви доспойна. Однимъ словомъ сказашь, плоды хорошаго воспитанія, равнодушное и шхое свойство, ученіе и дарованія дѣлаюшъ общество наше пріятнымъ и для самихъ насъ открываюшъ неисшощимой испочникъ ушѣшенія и шасшія; худо же воспитанные люди всегда другимъ вѣ шягость, и ощуцаюшъ всю шу непріятность и скуку, шопорую раждаюшъ невѣжесшво, празднось, недосшашокъ разума и пороки сердца. Какъ Дельфину ни ласкали, какъ ни льстили ей и какъ ее во всемъ ни шѣшили, однако же была она ребенокъ самой нешасшной. Примѣшно было, что естешвенныя ея добрыя дарованія всякой день уменьшались, а нравъ поршился. Она спала упряма, шщеславна, не покорна; она не могла сносишь и шѣни прошиворѣчія.

Скоро не удовольствовалась она и тѣмъ, что никого не слушалась: она захошла всемъ повелѣвать. Въ домѣ раздавала она приказы, самовластно поступала съ слугами, часто вводила ихъ въ брань, а иногда находила удовольствіе разговаривать съ ними. То была горда, то подла, смѣшная, высокомеріе съ благопристойностію, а подлость съ снисхожденіемъ и благосклонностію; была надушала дѣшью, и не могла жить безъ нее; была наполнена мечтами, не имѣя никакого истиннаго вкуса; скучала своими куклами и игрушками, завидуя въ то же время всему тому, что имѣли другіе, по тому что въ ней не было ни справедливости, ни умѣренности. . . . Какое описаніе! закричала Катерина, Описаніе испорченнаго ребенка, отвѣчала Госпожа Добролюбова, на которое бывающъ похожи и многія дваццатилѣтнія женщины. . . . „Дваццатилѣтнія женщины,“! . . . Дваццатилѣтнія! Кто худо воспитанъ, тотъ будетъ имѣть, въ какія бы лѣта не пришелъ, всѣ тѣ же пороки, какія имѣлъ въ дѣтствѣ. Въ мірѣ найдешь множество такихъ большихъ дѣтей, которыхъ лѣта не могли сдѣлать разсудительнѣе, и которыя то забавляющъ, то

по мучашъ общества. — Возвратимся къ Дельфинѣ. Она не менѣе достойна была и сожалѣнія. Будучи не въ состояніи управлять собою, была она вдругъ и жестока и своенравна: два порока, часто соединяющіеся вмѣстѣ! Самыя бездѣлки приводили ее въ злобу, и она сердилась безъ всякой причины; послѣ же того грустила она опять о томъ, что была несправедлива и слаба. Она плакала, чувствовала просупки свои, но не имѣла силы исправить себя. Въ прибавокъ къ спраданіямъ своимъ была она еще и не очень здорова. Она любила сладкое, не употребляла здоровой пищи, а ѣла только конфекты, пирожное и сахаръ; отъ чего и чувствовала безпрестанно боль въ сердцѣ и желудкѣ. Мать же ея хотѣла, чтобы она очень крѣпко спягивала себя шнурованьемъ. Сама Дельфина радовалась, когда хвалили спройность и спонкость ея спана; и смѣшное сіе щеславіе было причиною того, что она никакъ не роптала, когда ее спягивали, хотя ей съ нуждою и дышать было можно. Снося такое мученіе безъ огорченія, иногда была она и до чрезвычайности нѣжна. Очень рѣдко прохаживалась она пѣшкомъ, а зимою и никогда. Въпрѣ, холодъ,

солнце и пыль ее устращали. А чтобы дать вамъ понятіе о всѣхъ ея слабостяхъ, скажу, что въ каретѣ она блѣднела, а увидѣвши мышъ, или паука, падала въ обморокъ.

Вмѣсто того, чтобы укрѣпляться въ силахъ, здоровье ея со дня на день ослабѣвало; и Мелиша, наполненная страхомъ, скоро должна была прибѣгнуть къ Доктору, который сказалъ, что состояніе Дельфины никакъ не было опасно, но что всячески надобно ее веселить и разсѣивать. Дельфину осыпали игрушками и подарками. Всѣ ея желанія предупреждали. Ее возили въ театръ, изъ котораго привозила она съ собою шаковую шляпосъ и грусть, что ее уже ничѣмъ развеселить не могло. Всякой день приходило ей въ голову около дюжины странныхъ мыслей, которыя всегда одобряли, и которыя одна другой были чудеснѣе; на примѣръ, однажды захошлось ей чтобы первой въ городѣ парикмахеръ убралъ голову ея куклы. Ее старались уговорить. Она сердилась, изорвала куклу и отъ досады плакала такъ, что всю ее сшибали терзавшъ ужасныя судороги. Нравъ ея часъ отъ часу становился хуже, и отъ ужасной своей жестокости, своенравія

вія и упрямства сдѣлалася она вѣ самомѣ дѣлѣ несносною. Все ея сердило или огорчало, и она почувствовала, что ошѣ собственнѣхъ пороковѣ самѣ человекѣ терпитѣ еще гораздо болѣе, нежели другіе. Наконецѣ несчастная Дельфина, несносная для всѣхъ окружавшихъ ея, впала вѣ нѣкошорой родѣ чахошки, кошорая привела вѣ опасность ея жизнь. Тогда было ей двенадцать лѣтъ. Призвали на совѣтъ многихъ Медиковѣ, но они всѣ сказали, что болѣзнь Дельфины смертельна.

Мелиша, бывши вѣ опчаяніи, прибѣгла къ одному славному Нѣмецкому Медіку. Онѣ съ великимѣ вниманіемѣ разсмашривалѣ Дельфину, и нѣсколько времени примѣчалѣ за нею во всемѣ. Наконецѣ сказалѣ онѣ, что опвѣчаетѣ за жизнь ея, ешѣли ея препоручатѣ ему. Мелиша не усомнилась ни на минушу, опвѣчая Докшору, что дочь свою опдаешѣ на его руки. Послушайте, сударыня, говорилѣ Медікѣ: надобно, чтообы вы совершенно ея мнѣ во власць опдали; а безѣ шого я ни во что не вмѣшаюсь. Надобно позволитѣ мнѣ взять ея съ собою вѣ мою деревню. . . . „Какѣ? . . . Дочь мою? „ — Да, сударыня; грудь ея начинаетѣ слабѣшь, и первое лѣкарство,

которое я ей пропишу, будетъ состоятъ въ томъ, чтобы она восемь мѣсяцовъ прожила въ коровьемъ хлѣвѣ (*) —

„Да у меня самой есть хлѣвы.“ — Нѣтъ, сударыня; я возмусь лѣчить ее только съ тѣмъ условіемъ, чтобы она жила въ моемъ домѣ и была подѣ сморрѣніемъ моей жены. — „Однакожъ, государь мой, вы конечно позволите, чтобы надзирательница и горнишная ея дѣвка съ нею къ вамъ побѣхали.“ . . . —

Нѣтъ, сударыня; да если вы вѣрите ее мнѣ на восемь мѣсяцовъ, такъ надобно еще вамъ согласиться и на то, чтобы во все это время съ нею не видались, потому что я хочу быть полнымъ повелителемъ дочери вашей и не намѣренъ терпѣть никакого прошиворѣчія. При сихъ словахъ закричала Мелиша, что такая жертва превосходитъ силы ея. Она называла Доктора свирѣпымъ и упрямымъ; но онъ не хотѣлъ переменить рѣшенія своего, и оставилъ ее не пронувшись, какъ казалось, ея упреками. Между тѣмъ Мелиша скоро одумалась, вспомнивши, что всѣ Медики отказались отъ Дельфины,

---

(*) Сіе лѣкарство отъ груди очень извѣстно, и часто употребляемо было съ успѣхомъ.

ны, и что Нѣмецкой Докшорѣ отвѣчалъ за ея жизнь. Она пошчасъ за нимъ послала. Докшорѣ пришелъ, а Мелиша ошдала ему дочь свою, хошя и не безъ пролишя мндгихъ слезъ. Я не вѣ сошпоянїи описашъ вамъ гореснь и досаду Дельфины, когда сказали ей, что она поѣдетъ одна съ женою Докшора, за кошпорою онѣ послалъ, къ нимъ вѣ деревню.

Сперва не осмѣлились сказаць ей ни шого, что она ошпавляетъ городъ на вошь мѣсяцовъ, ниже шого, что будешъ живъ вѣ хлѣвѣ. Но не смотря на сїю предосшорожность, впала она вѣ великое ошчаянїе, и силою надобно ее было посадиць вѣ коляску къ Докшорщѣ, кошпояная взяла ее на руки, посадила къ себѣ на колѣни, и велѣла кучеру ѣхашъ, чему пошчасъ онѣ и повиновался.

О бѣдная Дельфина! сказала Катерина, у кошпояной вѣ глазахъ слезы нашь вернулись: какъ ее жаль! она покидаешъ машъ свою на вошь мѣсяцовъ! . . . Печаль ея была ешпешвенна, говорила Госшпоя Добролюбова; однакожь всякая излишность дурна, а законѣ съ разсудкомъ должны всегда предохраняць насъ ошъ ошчаянїя. Но болѣе всего обвиняло Дельфину

ну сердце ея и по непростительное презрѣніе, съ копорымъ обошлась она съ новою Докпоршею; ибо она не удостоивала ее даже и опвѣща.

Около шести часовъ вечера пріѣхали въ не большую докпорскую деревеньку, копорая опъ города была въ припцапи верспахъ, и вошли въ низерькой домикъ. Предспавше себъ свирѣбую досаду повелишельной и гордой Дельфины, когда повели ее въ опредѣленную для нее комнату.

„Куда вы меня ведете? закричала она. Чпо? въ хлѣвъ? Какая скверность! какой несносной духъ! Выведите меня опсюда.“

— Этомъ духъ, сударыня, опвѣчала съ пихоспію Докпорша, очень здоровъ; а особливо для васъ. . . — „Какой вздоръ! поидемъ опсюда, говорю. . . Поведите меня въ шу горницу, копорая будешъ моею спальною.“

— Вы спать будете въ этомъ хлѣвъ, сударыня. . . — „Какъ? Здѣсь?“

— . . . — Точно такъ; вопъ ваша постеля, а вопъ моя: попому чпо я опъ васъ опходинъ не буду. . . — „Я, я буду спать здѣсь? въ хлѣвъ? въ скверномъ шалашъ? на такой постелѣ?“

— . . . — Хопя эша постеля и не очень мягка, однако же хороша. . . — „Вы конечно

но шуките., . . — Никакѣ, сударыня : я вамѣ говорю почную правду. Эпошѣ духѣ, копорой, кѣ нещастью, вамѣ не нравился, очень полезенѣ вѣ вашемѣ состояніи ; онѣ вамѣ возвратитѣ здоровье. Для того-то почно мужѣ мой и положилѣ, чшобы вы вѣ хлѣвѣ провели большую часть того времени, копорое у насѣ проживете.

Докпорша могла бы говоритѣ гораздо болѣе, пошому чшо Дельфина не вѣ состояніи была перервать ее. Бѣдная дѣвушка, задыхаясь опѣ сердца, упала на постелю свою, не могли выговоритѣ ми одного слова. По красшому ея лицу и распухлой шеѣ увидѣла Докпорша, чшо она давилсяя. Она сняла у нее сѣ шеи перевязку и распегнула шнурованье. Дельфина опдохнула, но облегченіе свое употребила на то, чшобы кричать во все горло, пакѣ, чшо всякой бы иной человекѣ, безѣ хладнокровія. Докпоршина, пришелѣ вѣ ужасѣ ; но она наблюдала вѣ семѣ случаетѣ глубокое молчаніе. Наконецѣ черезѣ четверть часа, видя, чшо Дельфина не унималась, сказала она ей : я взялась, сударыня, имѣшь смешрѣніе за дѣвучкою больною, а не за бѣшеною ; и пакѣ прошише : я приду тогда, когда эшопѣ припадокѣ

падокъ совсѣмъ пройдетъ. . . — „Какъ?
вы меня одну оставяете? „. . . — Нѣтъ,
съ вами останешся моя дѣвка. . . —
„Дѣвка? „. . . — Да, дѣвка очень хо-
рошая, смиренная. . . Марья! Марья! . . .
Марья тотчасъ вошла, Докшорша вышла
изъ хлѣва, а Дельфина съ глазу на
глазъ осталась съ большою и полстою
Нѣмкою, которая кромѣ природнаго
языка своего ни по каковски не говорила.

Какъ скоро Дельфина ее увидѣла,
тотчасъ бросилась къ дверямъ, чтобы
выбѣжать вонъ. Марья уничтожила ее
намѣреніе, заперши двери и положивши
ключъ въ карманъ. Дельфина съ досадою
требовала у нее ключа. Она не могла
отвѣчать, потому что не знала языка
Дельфинина; однако же смѣялась злобыми
ее шлодвиженіямъ, и посмопрѣвши нѣ-
сколько времени на маленькую, смѣшную
и комическую ее фигуру, спокойно сѣла
и спала вязяшь чулокъ. Такое хладно-
кровіе увеличило досаду Дельфины. Лицо
у ней горѣло, а глаза блискали; при-
ближившись къ дѣвкѣ, осыпала она ее
тысячью ругательствами. Марья въ из-
умленіи приподняла голову, посмопрѣла
на нее, пожала плѣчами и продолжала
работу

рабѣшу свою. Такая презришельная ужимка совершенно взбѣсила гордую Дельфину; озлобясь и забывши себя, немогла она найши словѣ для изображенія того, что чувствовала; она стояла подлѣ дѣвки, но дѣвка спокойно сидѣла, на нее не смотрѣла, и дѣлала свое дѣло. Дельфина, поперявшая совсѣмъ разумъ, опступила назадъ, подняла руку и дала нѣмкѣ шапку пощечину, которая еще болѣе зарумянило румяную ея щеку. При шакомъ нечаянномъ нападеніи она нѣсколько позамѣшалась, но потчасъ рѣшилась, что дѣлать: положила свой чулокъ, схватила Дельфину и связала ей руки. Дельфина кричала и билась, но руки были у нее опняшы. Тутъ начала она чувствовать, что противъ силы дѣлать нечего. Хотя въ сердцѣ и злобилась, однако же кричать перестала и сѣла на стулъ, ожидая возвращенія докторши, и надѣяся, что она согласится прогнать отъ нее безсловесную ишолсную дѣвку.

Госпожа Правосудова перервала шумъ повѣсть дочери своей, сказавши, что десятой часъ уже въ половинѣ; дѣшамъ было очень неприяшно ишши спать, не дослушавши конца Дельфининой исторіи. На другой день ни о чемъ другомъ онѣ

онѣ не говорили, а въ вечеру Госпожа Добролюбова начала рассказывать такимъ образомъ.

Мы оставили Дельфину съ связанными руками и одну съ дѣвкой, въ ожиданіи Докторши, которая наконецъ и пришла, приведши съ собою любезнѣйшую свою дочь, Генріетту, лѣтъ шринаццати. Какъ скоро Дельфина ее увидѣла, поспѣшась къ ней бросилась, и показывая ей свои руки, жаловалась на грубость дѣвки ея; однако же забыла она сказать о пощечинѣ. Докторша обернулась къ Марьи, и требовала у нее отвѣта, которая и оправдала себя двумя словами, отвѣчая, къ великому ужасу Дельфины, по-нѣмѣцки. Докторша стала выговаривать Дельфинѣ за необузданность ея. Видишь, сударыня, продолжала она, до чего доводитъ насъ гордость и сердце. Вы во зло употребили то преимущество, которое надъ этою дѣвкою даетъ вамъ родъ вашъ, и вы принудили ее позабыть все почтеніе, которое она къ вамъ имѣть должна. Если бы вы хотѣли, чтобы такіе люди никогда не забывали надлежащаго къ вамъ уваженія, то поступайте съ ними всегда ласково и человѣколюбиво. Говоря сіе, развязывала Докторша Дельфиныны

руки

руки, которая съ удивленіемъ слушала споль новсй для себя языкъ. Хотя такое благоразумное наставленіе болѣе ее усмирило, нежели пронуло, однако же не могла она не чувствовашь справедливости онаго; но будучи испорчена лицемеріемъ и лестію, была она еще не въ состояніи любить благоразуміе и правду. Докторша представила Дельфинѣ дочь свою, копорую приняла она довольно холодно. Скоро гоповъ былъ ужинъ. Въ десять часовъ раздѣла Марья печальную Дельфину. Она уложила ее на постелю, и упомленная Дельфина узнала по опыту, что и на жесткой постелѣ въ хлѣвѣ можно спать очень спокойно.

На другой день ноушру пришелъ Докторъ посмѣрѣшь Дельфину, и приказалъ ей всегда часа полшора передъ завтракомъ прогуливашься. Такое приказаніе показалось Дельфинѣ очень жестокимъ: она прошиворѣчила, но наконецъ надобно было повиновашься. Ее провели въ пространной садъ. Хотя погода была тогда самая лучшая, какая шолько въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ быть можешь, однако же Дельфина жаловалась на холодъ и непогоду, увѣряла, что у нее боляшъ ноги, и во все время прогулки

плакала; однако же она шла. Ее опшвели
 опять въ хлѣвѣ, гдѣ ѣла она сѣ шакимѣ
 вкусомѣ, сѣ какимѣ уже она сѣ годѣ не
 ѣдала. Послѣ завтрака отперла она
 уборной свой ларчикѣ, думая, что Док-
 шорша и дочь ея будущѣ имѣшь кѣ ней
 великое почшеніе, когда увидятѣ всѣ ея
 сокровищи. Наполненная шакимѣ вообра-
 женіемѣ, сѣ гордостію вынула Дельфина
 изѣ ларчика прекрасное жемчужное оже-
 релье и повязала на шею, надѣла изум-
 рудныя серьги, и вошкнула въ голову
 брилліаншовую звѣзду. Помомѣ сѣла она
 чопорно прошивѣ Генріешты, кошорая под-
 лѣ машери своей что - то шила. Генріеш-
 ша подняла глаза, когда Дельфина про-
 шивѣ нее сѣла, и холодно на нее по-
 смошрѣвши, продолжала шить. Дельфина,
 удивленная слабымѣ дѣйствіемѣ своего
 наряда и горѣвшая жаланіемѣ привлечь
 кѣ себѣ вниманіе Генріешты, вздумала
 пошчивать ея конфекшами, для шого
 шолько, что коробочка, въ кошорой онѣ
 лежали, была сдѣлана изѣ чистаго хру-
 шталя и по краямѣ осыпана маленькими
 брилліаншами. Генріешша хоша и взяла
 нѣсколько сахарныхѣ кусочковѣ, однако
 же коробочку хвалить совсѣмѣ не дума-
 ла. Дельфина не могла ушерпѣшь, что
 бы

Бы не спросить у нее, *какова кажется ей коробочка?* Кажется, что она очень тяжела, отвѣчала Генріешта: соломенная гораздо лучше. — „Соломенная?“ — Да, такая, какъ у меня: посмотрите, сударыня, какъ она хороша. — „Да знаете ли вы ея цѣну?“ — Что за нужда до цѣны! лишь бы только хороша была. — „А работа?“ — Ваша коробочка работою лучше; въ лавкѣ покажется она красивѣе моей, а моя за то въ карманѣ лучше. — „Да развѣ вы совсѣмъ не смотрите на то, что прекрасно ошдѣлано?“ — Не смотрю, естъли такая вещь неловка въ употребленіи. — „А брилліанты любите ли вы?“ — Мнѣ кажется, что молодой дѣвушкѣ лучше приспалъ сплешенной изъ цвѣштовъ вѣнокъ, нежели брилліаншоваѣ нишка. А когда соспарѣшесь, примолвила Докшорша, то нарядъ уже не поможетъ. — При сихъ словахъ Дельфина задумалась. Она почувствовала въ себѣ нѣкошорую печаль, какой прежде никогда не чувствовала. Между шѣмъ Докшорша произвела въ ней словами своими такое дѣйствіе, что она уже могла себя удерживать; а какъ не хошѣлось ей показатъ свою досаду, то и рѣшилась она молчать. Чрезъ нѣ-

сколько минутъ сказала Докторша Дельфинъ: ешъли вы любите коробочки, сударыня, такъ я вамъ покажу хорошія. Ахъ! перервала слова ея Генріетта: у мапушки ешъ самыя прекрасныя коробочки. У нее ешъ и Дендрипы. „Дендрипы? спросила Дельфина: что такое дендрипы?“ — Такъ называюшъ, отвѣчала Генріетта, шъ камни, на которыхъ нечаянность и игра природы изобразила растѣнія или живошныхъ. Послѣ сего короткаго изъясненія Генріетта замолчала, а Дельфина погрузилась опять въ прежнюю свою горесъ. Въ первой еще разъ въ жизни своей она нѣсколько разсуждала. Генріетта, говорила она сама съ собою, родилася опъ лѣкаря; нѣшъ у нее ни дорогихъ камней, ни игрушекъ; она никогда не бываетъ въ праздности; она безпрестанно занимается работою: опъ чего же кажется она веселою и спокойною? опъ чего кажется она щасливою, а я съ самаго начала жизни моей никогда довольна не бывала?

Такое размышленіе заставило Дельфину вздохнуть. Она казалась себъ жалкою, хопя было ей тогда и не такъ скучно, какъ въ городѣ. Разговоры ея съ Докторшею и Генріеттою были для нее
пріят-

пріятны. Невольнымъ образомъ возбуди-
лось въ ней почтеніе къ первой, а къ
молодой Генріетшѣ почувствовала она въ
сердцѣ своемъ нѣжнѣйшую склонность.

Около вечера вздумалось ей спросить
о своихъ куклахъ и игрушкахъ. Док-
торша отвѣчала ей, что ихъ забыли въ
городѣ, но что черезъ чепыре или пять
дней она ихъ получитъ можешъ. Дель-
фина, не смотря на свое къ ней уваже-
ніе, была шѣмъ не довольна; но Генріет-
ша обѣщала ей сыскашь такую вещь,
которая съ пріятностію займешъ ее цѣ-
лой вечерѣ. Она вышла изъ хлѣва, и
черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ
Марьею, которая несла связку Эспам-
повъ, представлявшихъ разныя Турецкія
моды. Генріетша такъ хорошо умѣла
показывать и изъяснять Эспампы, что
Дельфина дѣйствительно занималась ими
съ великимъ удовольствіемъ. Раздѣваясь,
обняла она мать и дочь, сказавши по-
слѣдней: я надѣюсь, что вы завтра мнѣ
опять что нибудь покажите.

Дельфина безъ всякаго упрямства
лѣгла на постелю; она спала совершен-
но покойно, а проснувшись, позвала къ
себѣ Генріетшу, которая пошчасъ и
вошла къ ней, бывши уже совсѣмъ одѣта.

Увидѣвши, что Дельфина пропянула къ ней руки, бросилась она къ ней на шею. Дельфина пошчасъ вспала. Не надобно было принуждать ее къ прогулкѣ; взявши за руку Генриетшу, пошла она съ радостію изъ хлѣва. Когда онѣ пришли въ садъ, Генриетша спала бѣгать; сперва удивлялась она ея проворству, а потомъ и сама начала бѣгать съ нею. Генриетша увидѣла бабочку, которая была вся въ розовыхъ и черныхъ полосочкахъ. Ей захотѣлось поймать ее: Дельфина согласилась. Дѣвушки пустились бѣжать; Генриетша, будучи очень легка, въ одну секунду опередила Дельфину, и взяла на себя перехватить у бабочки дорогу, естли Дельфинъ не удастся поймать ее на правкѣ, на которой она сидѣла. Дельфина въ самомъ дѣлѣ неоспорочно къ ней подбѣгала, шакъ что бабочка слетѣла. Онѣ гнались за нею до шѣхъ поръ, какъ она сѣла наконецъ на розовомъ кусту. Дельфина приближалась уже осторожниѣе, руки подняла вверхъ, голову выправила впередъ, ноги чуюшь персдвигала — наконецъ подошла она къ самому кусту. Сердце у нее билось; она старалась не дышать, что бы не привести въ движеніе листочковъ; она

она прощянула препенущую руку, думая, что добыча уже ея — но бабочка улешъла, проскользнувши у Дельфины между пальцевъ, такъ что и слѣды полеша своего пушъ оставила.

Дельфина вздохнула, увидѣвши у себя на рукѣ нѣкошорую часть тной блестящей пыли, кошорая укращала бабочкины крылья. Хопя она и такъ уже устала, однако снова опяшь погвалася за бабочкою. Наконецъ привела она ихъ съ Генриешпою ко рву, кошорой ошдѣлялъ садъ ошъ превеликой рощи. Она перелешъла шуда. Генриешша перескочила шопчасъ черезъ ровъ. Дельфина, кошорая не умѣла прыгашъ, должна была ошановишься. Между шѣмъ, какъ она о шомъ грустила, Генриешша догнала бабочку, и закричавши въ радости: *поймала! поймала!* перескочила въ шуже минушу назадъ, держа шихонько бабочку за кончики крыльевъ; какъ она ни мошала своими ножками и какъ ни спаралась получишь свободу, однако же вырвашься не могла.

„Ахъ какъ эшо весело! „вскричала Кашерина: „какъ не перпѣливо дождаюсь я весны, что бы шакже ловишь бабочекъ! „

— Такъ бы ты желала, спросила Госпожа Правосудова, что бы зима уже миновалась? — „Желала бы, бабушка; мы бы увидѣли бабочекъ съ розовыми крыльями, — За то не имѣли бы вы уже удовольствія кашаться на пруду, возишь санки свои по льду и играешь въ снѣжки. — „И то правда; мнѣ бы жаль было съ эшимъ расстаться, — Ты не будешь жалѣшь, естли до конца зимы спанешь пользуеться ея удовольствіями. Все расположено наилучшимъ образомъ; естли бы во весь годъ видѣли мы одни цвѣты, одну зелень, однѣхъ розовыхъ бабочекъ: то на все бы это спали мы наконецъ сморѣть равнодушно. Помните, дѣти, что кино хочетъ бытъ щастливымъ, тому надобно заниматьса болѣе шѣмъ добромъ, которое имѣетъ, нежели шѣмъ, которое еще впредь имѣть надѣетса. Истребите же свою неперпѣливостъ, а желанія свои умѣрайте: естли не будетъ въ васъ умѣренности, то вы никогда и ни въ чемъ не найдете истиннаго удовольствія. Ожиданіе весны произведетъ въ васъ отвращеніе отъ зимы, а воображеніе осеннихъ плодовъ отниметъ пріятность у цвѣтовъ и другихъ произведеній лѣта. И такъ никакое время въ году не будетъ васъ прель-

прельщаешь; въ такомъ же странномъ расположеніи разума не найдешь удовольствія ни въ свѣжныхъ кубаряхъ, ни въ бѣганьи за бабочками. — „Правда, бабушка, правда; теперь даю вамъ слово, что никогда уже небуду съ неперпѣніемъ ожидать весны. „

Въ дядюшкиномъ саду видалъ я бабочекъ, сказалъ Петръ, но ни одной не могъ поймать для того, что онѣ летаютъ не прямо, а все вертятся. — „Правда что онѣ летаютъ совсѣмъ особливимъ образомъ, отвѣчала Госпожа Добролюбова: то поднимаются, то опускаются; то въ лѣво повертываются, то въ право. А причина этому та, что онѣ не могутъ разбивать воздухъ обоими крылышками вмѣстѣ; отъ чего, можетъ быть, одно крыло машетъ не такъ сильно, какъ другое. Такой полетъ для нихъ выгоденъ; пошому что онѣ спасаетъ ихъ отъ птицъ, которыя за ними гоняются: птица летитъ прямо, а бабочка виляетъ изъ стороны въ сторону и всегда отъ нее увертывается. „ — А гдѣ, машушка, самыя лучшія бабочки? спросила Елисавета. „ Кишайскія и Американскія бабочки, а особливо на Амазонской рѣкѣ, болѣе прочихъ достойны примѣчанія по своей величинѣ, прекрасному

цвѣшу и складу. (*) Вѣ Кипаѣ посылаютъ самыхъ лучшихъ бабочекъ ко Двору Императора. Ими украшаютъ Дворецъ. Для ловли ихъ употребляютъ маленькую шел.

(*) Всякая бабочка была прежде червячкомъ, превратившимся въ Кризалиду или Нимфу, а наконецъ уже въ бабочку. Часто мѣшаютъ Кризалидъ съ Нимфами, хотя онѣ въ нѣкоторомъ отношеніи и различны. Нимфами называютъ собственно по состоянію насѣкомыхъ, когда онѣ бываютъ покрыты прозрачною, очень тонкою и гибкою кожицею, сквозь которую видны уже весь основъ будущаго насѣкомаго. Всѣ мухи проходятъ состояніе сіе, въ которомъ онѣ съ мѣста на мѣсто передвигаются и собираютъ для себя пищу. На Кризалидахъ кожа гораздо толще, и онѣ не имѣютъ продолжительнаго движенія.

Физики означаютъ словомъ Ларвы нѣхъ насѣкомыхъ, которыя находясь въ первомъ своемъ состояніи, выползши изъ яйца.

Въ Миеологіи, по суевѣрію язычниковъ, Ларвы были души злыхъ людей, которыя повсюду бродили въ гнусныхъ видахъ; мнимыхъ сихъ нощныхъ привидѣній называли они еще и другимъ именемъ *Lemures*.

шелковую сѣпочку (*). Сказываютъ , что любопытство заставляетъ нѣкоторыхъ Кишайцовъ примѣнять жизнь насѣкомыхъ эшва рода (**). Они берутъ шѣхъ червячковъ, которыхъ уже надобно покрыться кожицею, запираютъ ихъ множествомъ вмѣстѣ въ коробочку, наполненную маленькими пружинами, и услышавши бѣшеніе ихъ крылошекъ, выпускаютъ ихъ въ такую комнату, въ которой стѣны составлены изъ спеколь, и которая вся укладена цвѣтами. „ — — Тушъ всѣ дѣти вдругъ начали просить позволенія подражать Кишайцамъ: *примѣнять родъ жизни бабочекъ*, сдѣлать шелковыя сѣпочки, спекляныя комнаты и проч. Мать ихъ обѣщала имъ доставить сіе удовольствіе, но естъ, снабдитъ ихъ къ тому всѣмъ нужнымъ, только съ шѣмъ дого-

---

(*) Сія сѣпочка, говоритъ Г. Бомаръ, имѣетъ въ ширину восемь дюймовъ; она повѣшена на проводокъ съ легкою деревяною рукояшкою.

(**) Вообще называютъ насѣкомыми шѣхъ живошныхъ, которыхъ шѣла состоятъ изъ колець и насѣчекъ. Но онѣ различаются и многими другими знаками. Одинъ изъ первыхъ естъ тошъ, что у нихъ нѣтъ ногатей,

договоромъ, что бы онъ все сами дѣлали, и чтобы въ семъ случаѣ принимали полько отъ другихъ совѣты. На договоръ сей дано было согласіе съ величайшимъ удовольствіемъ.

Дѣти просили Гжу. Добролюбову продолжать исторію Дельфины. Она исполнила ихъ прозьбу. Генріешпа и Дельфина, сказала она, остались у насъ въ саду. Около девяти часовъ позволила имъ Докторша вмѣстѣ завпракать въ комнатѣ у Генріешпы. Дельфина нашла шупъ все новые для себя предметы : шупъ были высушенные цвѣты подъ стеклами, раковины, бабочки, избражавшія прекрасныя карпинки, и проч. На вопросы Дельфины отвѣчала Генріешпа съ обыкновенною всею пріятностію. Она показывала ей все въ подробности, и сказывала, что раковинъ раздѣляютъ на три степени (*-), и что сіи три степени составляютъ двацать семь семействъ, копорыя заключаютъ въ себѣ всѣ различные роды извѣстныхъ раковинъ. Дельфина слушала Генріешпу съ великимъ удив-

---

(*) На одночерепныя, или состоящія изъ одной части, на двучерепныя, или состоящія изъ двухъ частей, и на многочерепныя, или состоящія изъ многихъ частей.

удивленіемъ и любопытствомъ. „Какъ много знаете вы!“, вдругъ вскричала она. Кто? я? говорила Генріетта: нѣтъ, я еще ничего не знаю; а что и знаю, такъ знаю безпорядочно и неосновательно. Однакожь мнѣ очень хочется учиться, и я очень люблю читать. — „Читаетъ? что очень странно.“ „Странно? а мнѣ кажется, что всякой читаетъ любитъ. — „Эпова я не думала.“ — „Если угодно вамъ, такъ берите у меня книги. — „Хорошо, пока еще не привезутъ моихъ игрушекъ.“ — Я вамъ принесу очень хорошую книжку, переведенную съ Нѣмецкаго языка. — „Съ вашего языка?“ — „Да, сударыня. — „Я не могу увѣрить себя, что вы Нѣмка. Нашимъ языкомъ говорите вы чрезвычайно хорошо. Вы спарѣ меня только однимъ годомъ, а знаете опытно много.“ „Увѣряю васъ, что я нахожу себя очень еще несвѣдущею; однако же я много читала, иногда одна, а иногда съ мапушкой. Я никогда не бываю въ праздности, и года уже два совсѣмъ за куклы не принималась. — Генріетта вынула изъ маленькой своей библіотеки книжку и подала ее Дельфинѣ, которая подарокъ сей приняла съ довольнымъ равнодушіемъ.

Докторша проводила ее опять въ хлѣвѣ и оставила одну подъ надзираниемъ Марьи, сказавши ей, что возвратишься часа черезъ два, или черезъ три.

Тутъ Госпожа Добролюбова посмотрѣла на часы, вспала, и послала дѣтей ложиться на постелю, хотя онѣ и никакъ спать не хотѣли, будучи увеселены повѣствованіемъ ея. Надругой день Елисавета и Каперина неопшупно просия Анну выучить ихъ вязать филе, чтобы къ Апрѣлю мѣсяцу вывязать сѣточку, кошорою бы можно было переловить въ селѣ Уединенномъ всѣхъ бабочекъ. Петрѣ съ своей стороны старался узнать подробно, какимъ бы образомъ сдѣлать прочно и безубыточно стеклянную комнашу. Иванъ, слуга его, далъ ему въ томъ самыя лучшія наставленія, какихъ онъ только пожеласть могъ. Студентъ подарилъ ему *Зрѣлище Природы*, и послѣобѣднее упражненіе состояло въ чтеніи сей книги. Однако же ничто немогло ослабить желанія знать конецъ Дельфининой исторіи, и въ обыкновенное время Госпожа Добролюбова начала рассказывать.

Дельфина, будучи одна съ Марьею и безъ игрушекъ, вздумала искать въ книгѣ лѣкарства отъ скуки. Она развернула

нула ее съ великимъ равнодушіемъ и съла чипашь. Упражнение сіе очень скоро показалось ей пріяшнымъ. Книга, копорую она чипала, была писана собствено для дѣшей возраста ея. Она съ изумленіемъ увидѣла, что чненіе можешъ занимашь мѣсто множества другихъ забавъ. Размышляя о сей новости, услышала она у дверей хлѣва спукъ. Марья опворила двери, а Дельфина увидѣла спарую крестьянку, копорую вела дѣвушка лѣпъ пяпнашцаши или шешпнашцаши. Не пы ли, сударыня, Генріешша? спросила у Дельфины дѣвушка. — „Нѣпъ, душинька; однакожь она скоро сюда придетъ. „ Спаруха спала просить, что бы ей позволили шупъ дождашья Генріешшы, сказавши, что ей необходимо надобно говоришь съ нею. Въ сію минушу Дельфина примѣшила, что спаруха была слѣпа; отъ чего и пришло ей въ голову спросить у нее, не за шѣмъ ли она пришла, чтобы посовѣшовашья съ Докпоромъ въ разсужденіи своей болѣзни. „ Сама бы собою я никогда не пришла сюда: за мною посылала Генріешша. „ — Какъ эшо? — Тупъ спаруха разсказала ей, что она живешъ отъ Докпоровой деревни въ вершѣ, и что уже она слѣпа три года. „ По шому

тому болѣе тяжела мнѣ эта болѣзнь, говорила она, что внука моя, копорая меня сюда привела, была любима заживочнымъ молодымъ крестьяниномъ изъ здѣшней деревни, но не пошла за него для того, что бывши замужемъ и заботившись о домѣ, не надѣялась она имѣть времени ходить за своею слѣпою бабушкою, соповариществовать ей, служить и повсюду водить ее, и что она не хотѣла ввѣрить ее никому другому. „Дѣвушка вошла сама въ рѣчь, говоря, что мысли ея въ семъ случаѣ очень справедливы; потому что лишась отца и матери въ самомъ еще своемъ ребячествѣ, была она воспитана бабушкою. „Для того-то не хочетъ, эшотъ милой ребенокъ меня и покинуть, сказала старуха. Генріетта все про насъ узнала и прислала за мною съ шѣмъ, чтобы попросить лѣкарства у бабушки ея, копорой многихъ людей сдѣлалъ съ глазами, хотя они прежде не видали ни сянго волоса. „

Въ ту же самую минушу вошла Генріетта. Съ величайшею нѣжностію обняла она и старуху и дѣвушку, дѣлала имъ разные вопросы, принимая искренное участие въ судьбѣ ихъ, и ошвѣты ихъ слушала съ чувствительностію. Наконецъ

взяла

взяла она старуху за руку, и сказала, чтобы она шла съ нею къ отцу ея, которой только что прїѣхалъ изъ города. — Она принудила старуху опереться о плѣчо свое, а другою рукою взявши ея внуку, пошла съ ними изъ хлѣва.

Такое явленіе произвело сильное впечатлѣніе въ Дельфинѣ. Никогда еще Генріешта не была въ глазахъ ея такъ любезна, такъ разумна. Съ восхищеніемъ приводила она себѣ на мысль разговоръ ея съ крестьянками, а особливо погдашній видъ лица ея. Такое воспоминаніе, представляя ей Генріешту въ прекраснѣйшемъ образѣ, умножило ея къ ней любовь и вселило въ нее желаніе бытъ ей подобною: желаніе, котораго она прежде еще не чувствовала.

Черезъ четверть часа Генріешта возвратилась, будучи внѣ себя отъ радости. „Благодарю Бога, сказала она Дельфинѣ, что я вздумала послать за этою женщиною! бабюшка надѣется возвратитъ ей зрѣніе. Черезъ восемь дней хочешъ онѣ снятъ у нее съ глазъ бѣльма, и по моей прозбѣ продержитъ ее здѣсь до того времени, какъ она совсѣмъ будетъ здорова. Подумайте, сударыня, какъ я щаслива! когда старуха получитъ зрѣніе, внуку ея можно будетъ

выпши за того богатаго крестьянина, кошорой за нее свашался; бабушкѣ не будетъ уже нужды въпомѣ, чшобы внука ее водила. Любовь вшой добродѣтельной дѣвушки кѣ воспитательницѣ своей не заставитъ уже ее отказываться отъ самаго выгоднаго для нее замужства. „ — Чувствую, сударыня! съ жаромѣ произнесла Дельфина: чувствую, какѣ вы щасливы, и сколько вы достойны бытъ всегда щасливою! . . Ахѣ, дражайшая Генриетта! . . .

Приходѣ Доктора съ женою перервалѣ разговорѣ. Докторѣ по обыкновенію своему спросилѣ у больной о состояніи ея здоровья. Миѣ гораздо лучше, отвѣчала она: я шолько лишь чувствую нѣкоторую усталость отъ давшняго бѣганья; однакожѣ эта усталость не наводитѣ на меня шого уныніа, съ которымѣ возвращалась я въ городѣ съ баловѣ, или изѣ театра. Для меня это никакѣ не чудно, сказавѣ Докторѣ съ усмѣшкою: городскіе прыжки производяшѣ лихорадку, а деревенскіе, вмѣсто всякой опасности, производяшѣ аппетитѣ, сонѣ и шощѣ здоровой румянецѣ, которой покрываетѣ щеки у Генриетты — Докторѣ пощупалѣ у Дельфины пульсѣ, и велѣлѣ ей исполнятьшѣ прежніа предписанія. Вѣ

Въ тотъ же день получила Дельфина письмо отъ матери своей. Она показала его Генриештѣ, которая, погодя не много, пошла и принесла ей чернильницу и бумагу. Вы можете теперь оповѣщать вашей мамушкѣ, сказала она Дельфинѣ. Дельфина покраснѣлась и пошупила глаза къ землѣ, сказавши: да вить я, къ несчастію своему, и писать не умѣю. Какъ! совсѣмъ не умѣете? спросила Генриешта. — „Я пишу только однѣ большія буквы, да и все шупѣ.“ — Генриешта, увидѣвши, что такое признаніе очень усмирило Дельфину, почувствовала къ ней жалость, и сказала: не удивительно, что при болѣзни вашей воспитывали васъ не такъ, какъ бы должно было; но будучи теперь въ лучшемъ состояніи, можете вы награждать потерянное время. — „Ахъ! какъ бы я была рада, если бы здѣсь ктонибудь могъ меня учить писать!“ — Я пишу не совсѣмъ худо; и если вы позволите, то я готова быть вашею учительницею. — — — Вмѣсто отвѣта Дельфина бросилась къ Генриештѣ на шею; уговорились, чтобы въ слѣдующій же день быть первому уроку.

Дельфина начала стыдиться чрезвычайнаго своего невѣжества. Она люби-

ла Генріетшу и удивлялась ей, а сія употребляла всю свою надѣ нею власшь полько на шо, чшобы ее чѣмѣ нибудѣ занимашь и научашь; она представляла ей такіе хорошіе примѣры, и казалась споль щасливою, что Дельфина не могла пропивишься желанію ей подражашь. Сверхѣ того находила она великое удовольствіе вѣ разговорахѣ сѣ нею и сѣ Докпоршею: удовольствіе, кошорое со дня на день лишь полько умножалось. Иногда изѣясняла ей Докпорша Ботанику или Минералогію (*), иногда рассказывала примѣчанія

до-

(.) Ботаника есть часть Натуральной Истории, кошорая имѣетѣ предметомѣ познаніе всего Царства Растѣній. Наука сія занимается также и правами, равно какѣ и всемѣ шѣмѣ, что имѣетѣ непосредственное сношеніе сѣ шѣлами организованными. Она раздѣляется на три главныя части: одна часть касается до наименованія правѣ, другая до ихѣ питанія, а третія до ихѣ свойствѣ. Нѣкопорые примѣчатели полагають отѣ 18 до 20000 родовѣ растѣній, щитая всѣ шѣ, кошорыя найдены были вѣ старомѣ и новомѣ мірѣ. Думають, что неизвѣстныхѣ растѣній находится около 25000 родовѣ.

Чшо-

достойные случаи изъ Исторіи; иногда же говорила съ нею о Германіи, о полез-

Чтобы получить въ короткое время ясное понятіе о Ботаникѣ, надобно читать Французскую книгу, подъ заглавіемъ : *les Démonstrations élémentaires de Botanique à l'usage de l'Ecole Royale Veterinaire 2 Vol.*

Натуральная Исторія есть Исторія всѣхъ вещей, вселенную составляющихъ : исторія неба, атмосферы, земли и всѣхъ феноменъ въ мірѣ; даже и самая исторія чловѣка принадлежитъ къ Истории Натуральной,

Слово Минералъ означаетъ обыкновенно все то, что вынимается изъ земли. Натуральную Историю раздѣляютъ на три части, которыя называютъ Царствами : Царствомъ Минеральнымъ, Царствомъ Растѣній и Царствомъ Животныхъ. Зоологію называютъ ту науку, которая сообщаетъ познаніе о животныхъ. Наука сія также раздѣляется на столько частей, сколько есть родовъ животныхъ, а именно : на Антропологию или исторію чловѣка, Тетропологию или исторію четвероногихъ, Орнитологию или исторію птицъ, Амфибіологию или исторію Амфибій, Икhtiологию или исторію рыбъ, Ентомологию

ныхъ заведеніяхъ и рѣдкостяхъ въ Вѣнѣ; о великолѣпномъ собраніи картинъ въ Дрезденѣ и Диссeldorfѣ; о славныхъ садахъ въ Нейвалдекѣ, Верлицѣ и Швецингенѣ, до котораго отъ Мангейма 4 часа ѣзды, гдѣ находятся прекрасныя бани, великолѣпныя развалины водянаго замка и храма Аполлонова, славная мечеть

гію или исторію Насѣкомыхъ, Зоофитологію или исторію Зоофитовъ. Зоофитами называютъ морскія шбля, которыя имѣютъ натуру или естество животноаго, а образъ растѣнія; для того-то называютъ ихъ животноными растѣніями или расписительными животноными.

Кто хочеть читать Натуральную Исторію, тому нужно знать значеніе всѣхъ сихъ различныхъ именъ. Но тотъ будетъ великимъ педантомъ, кто спанеть употреблять ихъ въ разговорахъ: на прим. очень бы смѣшно было, естли бы кто нибудь сказалъ, что онъ занимается Тетраподологіею или Иксіологіею, вмѣсто того, чтообы сказаъ: я занимаюсь исторіею четвероногихъ животноныхъ, или исторіею рыбъ; ибо надобно говорить вразумительно для всѣхъ, естли не хочешь показатъ невѣжество своего въ наукѣ жиши и своего малоразумія.

чешь и великое множество рѣдкихъ деревь-евъ. Она описывала ей Рейнсбергскіе сады въ Пруссіи и прекрасный храмъ дружбы, созданный Героемъ и великимъ Королемъ, и находящійся среди садовъ въ Сан-суси-Сей примѣчанія достойный памятникъ сдѣланной изъ мрамора, заключающій въ себѣ Мавзолею Графини Барейпской, сестры Королевской, и основанъ на великолѣпныхъ сполкахъ, на которыхъ начертаны имена славнѣйшихъ друзей древности: Тезей и Пирипона, Ореста и Пилада, Эламинонда и Пелопида, Цицерона и Апшика, и прочихъ Героевъ, достойныхъ жить всегда въ памяти людей: ибо они были и велики и чувствительны, и щастіемъ своимъ, своею славою и честію обязаны единственно добродѣтели и пріятностямъ дружбы. — Дельфина слушала все сіе съ великимъ вниманіемъ. Непримѣпнымъ образомъ почувствовала она великую привязанность къ Докпоршѣ, начала понимать цѣну ея наставленій и просить сама объ оныхъ; она повиновалась ей добровольно, любила ей угождать и ощущала великую радость, когда Докпорша бывала ею довольна.

Между шѣмъ и Генріешта и Дельфина несказанно радовались приближенію

шого дня, въ которой надлежало снять бѣльма съ глазъ старой крестьянки. Боташой поселянинъ, болѣе еще прежнего влюбленной во внуку ея, приходилъ просить Генріешу и Докторшу о покровительствѣ въ разсужденіи своей любви. Отговорка ея, ясно показавшая любовь ея къ бабушкѣ своей, представила ее въ глазахъ его гораздо еще прелестнѣйшею. Докторша говорила съ нею, и она призналась, что *молодой поселянинъ достоинъ всякаго почитенія.*

„Однакожъ я надѣюсь, сказала Каперина, что она не согласится итти за мужъ, естли бабушкѣ ея не возвратитъ Докторъ зрѣнія, — Ты надѣешься? спросила Госпожа Добролюбова: по себѣ ли ты судишь о ней? — О нѣтъ, мамушка! отвѣчала Каперина: тогда бы надобно было мнѣ сказать, что я *убѣрена.*„ — Госпожа Правосудова прогнула къ Каперинѣ руку; она вскочила и бросилась обнимать свою бабушку, а потомъ мать. — Нѣсколько секундъ помолчавши, Госпожа Добролюбова продолжала повѣсть свою.

Молодая крестьянка рѣшительно обѣщалась выйти замужъ за вѣрнаго своего любовника, естли бабушка спанетъ по
пре-

прежнему видѣшь, и естли онѣ согласи-
сися взять ея къ себѣ въ домѣ. Съ
величайшимъ удовольствіемъ согласился
онѣ на предложенное условіе; будучи ис-
полненъ къ дѣвушкѣ истиннаго почтенія
и нѣжнѣйшей любви, ожидалъ онѣ назна-
ченнаго для операциіи дня со страхомъ и
надеждою, съ беспокойствомъ и нерпѣ-
ніемъ.

Наконецъ сей день насталъ. Дельфи-
на получила позволеніе бытъ въ числѣ
зришелей. Около обѣда пошла Генріеш-
ша за старухою и привела ея къ Докшо-
ру въ кабинетъ. Въ чувствительнѣйшихъ
выраженіяхъ изъясляла она благодарность
молодой своей благодѣтельницѣ, и пожи-
мая ея руку, сказала, что естли Богъ
возвратишь ей зрѣніе, то она съ такимъ
же почти удовольствіемъ будетъ смош-
рѣшь на Генріешшу, съ какимъ и на
внуку свою. Докторъ велѣлъ всѣмъ мол-
чать. Добродушная старуха сѣла на
кресла, желая, чшобы внука ея и Генріеш-
ша подлѣ нее были. Пламенной любов-
никъ блѣднелъ и шрепешалъ, стоя подлѣ
стола, а внука закрывши лицо свое перед-
никомъ, чшобы не видѣшь операциіи, взя-
ла бабушкину руку и омывала ея слеза-
ми своими. Докторша и Дельфина, сидя

опѣ нихъ вѣ нѣкошоромѣ разстояніи, съ чувствительностію смотрѣли на карпину сію. Докторъ началъ операцію, и спаруха мужественно ее вытерпѣла. *Все сдѣлано*, сказалъ Докторъ. Вѣ ту же секунду спаруха закричала: Боже мой! я опять вижу! — я вижу тебя, любезная дочь! . . . гдѣ же Генріешта? — Внука ея, проливая слезы, бросилась къ ней вѣ объятія. Генріешта вѣ восхищеніи спала ее обнимать, а молодой поселянинъ кинулся къ ногамъ своей возлюбленной, сказавши: *теперь ты моя*. — При семъ прогательномѣ зрѣлищѣ Дельфина, будучи вѣ себя, вдругъ вскочила, бросилась къ Генріештѣ и одними только слезами могла изъяснить шѣ сладчайшія ощущенія, кошорыя исполняли ея душу.

Петръ, проливая слезы, сказалъ: я увѣренъ, что Дельфина будетъ съ эпова времени не хуже Генріешты. Ты не обманываешься, продолжала Госпожа Добролюбова: Дельфина уже узнала, что рожденіе и дорогіе камни не могушъ насъ сдѣлать щасливыми, но что только одно доброе сердце доставляетъ намъ благополучіе вѣ жизни. Будучи свидѣтельницею невинной радости Генріешты, видя усерднѣйшую благодарносшь, кошорую приносили

силы ей старуха и чета любящихся, и чистая въ глазахъ Доктора и жены его то щасііе, которое доставляла имъ дочь, столь доспойная ихъ нѣжности, завидовала Дельфина благополучію подруги своей, чувствуя при томъ въ сердцѣ своемъ и умноженіе къ ней любви. Послѣ сихъ первыхъ безпокойныхъ и шогашельныхъ минутъ просилъ Докторъ вылъченную имъ старуху, чшобы она назначила день свадьбы; послѣ чего и положено было, чшобы черезъ три недѣли щаспливые любовники содѣлались щаспливыми супругами. Докторъ и жена его взяли на себя готовишь для невѣсты приданое, а Генріетта просила позволенія подарить ей кусокъ хорошаго полотна, которой она за день передъ шѣмъ получила въ подарокъ отъ матери своей. Во весь день Дельфина не слыхала ничего, кромѣ похвалъ Генріеттѣ. Старуха называла ее *милою своею благодѣтельницею*. Благодаря Доктора, всегда приговаривала она сіи слова: *Генріетта сдѣлала меня щаспливою; она присылала за мною; она была причиною того, что меня приняли въ эдѣшнемъ домѣ; она навѣдывается о всѣхъ страждущихъ; она узнаеть ихъ, посылаетъ за ними и дѣлаеть ихъ щастливыми.*

ливыми. — Между шѣмъ внука ея цѣловала у Генріешпы руки. Женихъ не смѣлъ говорить, но глаза его возведены были на небо; взоры его изъявляли живѣйшую благодарность. Всѣ люди въ домъ перевозносили молодую свою Госпожу похвалами и рассказывали другъ другу множество разныхъ добрыхъ дѣлъ ея. Родители Генріешпины не могли нарадоваться своею дочерью. Всѣ похвалы принимала она со скромностію и чувствительностію, относя ихъ къ матери своей. Она говорила ей: безъ васъ, безъ нѣжныхъ попеченій вашихъ не могла бы я имѣть шакого удовольствія. Ахъ, мамушка! искорените всѣ шѣ пороки, которые еще остались въ сердцѣ моемъ, чтобы я была достойна моей родительницы и могла бы ее сдѣлать совершенно щасливою!

Такія рѣчи не безъ пользы доходили до ушей Дельфининыхъ. Ославшись вечеромъ одна съ Докторшею въ хлѣвъ, сѣла она къ ней на колѣни и посмопрѣвши на нее съ нѣжностію, сказала: ахъ, сударыня! какъ могли вы до эпова часа перпѣть меня, меня, совсѣмъ непохожую на Генріешпу! какою негодною должна была я казаться вамъ! — Довольно уже и того, говорила Докторша, что

что вы чувствовали недостатки свои; сверхъ того, съ нѣкопорого времени ведете вы себя гораздо лучше прежняго: всѣ примѣчаютъ въ васъ хорошую перемену. Какъ еще далека я отъ любезнѣйшей Генріетты! перервала слова ея Дельфина: вчера еще неперпѣливостію своею заставляла я васъ два или три раза пожимать плѣчами. Даже и нынѣ сердилась я на Маріанну и очень желала того, чтобы вы Марью побранили — Ахъ! я еще позабыла просить у Марьи прощенія за пощечину, которую я, къ несчастію своему, дала ей по пріѣздѣ сюда. Какъ ее жаль! Она такъ мила, чтобы рукъ моей и податься на нее было не должно. Ахъ, сударыня! позовите ее: пусть узнаетъ она, какъ я раскаяваюсь. — Докторша призвала Марью. Дельфина подошла къ ней съ самымъ покорнымъ видомъ, прося Докторшу переводить ей то, что она говоритъ спанетъ; послѣ чего и начала она искренно и чувствительно извиняться. Съ восхищеніемъ пріятностію кончила Дельфина рѣчь свою слѣдующими словами: ешьли ты, душа моя, простишь меня, то позволь мнѣ поцѣловать ту щеку, по которой я себя въ бѣшенствѣ своемъ ударила. Докторша перево-

дила

дила на Нѣмецкой языкѣ всѣ слова ея. Марья, будучи чувствительна и пронута, не смѣла изъ почтенія подойти къ Дельфинѣ; однакожь она сама къ ней бросилась и обняла ее опѣ всего сердца, чувствуя, что такимъ поступкомъ поправляешь она прежнее свое худое дѣло. Марья пошла вонъ, осушая глаза свои, копорые у нее наполнены были слезами, и сказавши по Нѣмецки, что Дельфина была *самая любезная дѣвушка*. Когда она ушла, Дельфина отперла ларчикъ свой и вынула кисейной плапокъ, говоря, что она назначила его въ подарокъ Марьѣ. Для чего же, спросила Докторша, вы его теперь не подарили ей? Она бы подумала, отвѣчала Дельфина, что я подаркомъ хочу ей заплашить за пощину; вмѣсто удовольствія, сдѣлалъ бы онъ ей обиду. Я думаю, что деньгами никакой дурной поступокъ загладить не можно. Просила ли бы мнѣ Марья съ такимъ чистосердечіемъ, ешьли бы я видомъ своимъ показала ей, что прощеніе хочу получить опѣ нее за деньги? — Вы очень хорошо разсуждаете, сказала Докторша: вы доказываете шонкость свою. Думайте шакъ всегда: такимъ образомъ щедрость ваша будетъ для всѣхъ гораздо драгоценнѣе,

нѣе, да и всѣ дѣла ваши будущѣ вообще вдвое лучше.

Тутѣ пришли сказать, что Мелиша прислала къ Дельфинѣ нарочнаго Онѣ принесѣ ей письмо, въ которомѣ просила Мелиша дочь свою увѣдомлять ее о всемѣ шомѣ, чего ей только захочется, и описать къ ней, какія игрушки будущѣ для нее пріятнѣе. Прочитавши письмо, Дельфина вздохнула, и прося Докторшу написать за нее письмо къ матери ея, сказывала ей слѣдующее:

„ Благодарю васъ, матушка, за вашу
 „ милость; а что касается до игрушекъ,
 „ то я ихъ уже не люблю. Однакожь волю
 „ вашу я исполню и скажу вамъ, что бы
 „ теперь могло мнѣ сдѣлать великое
 „ удовольствіе. Здѣсь есть бѣдная кре-
 „ стьянка, старуха очень добродушная;
 „ правда, что внука ея выходитъ за
 „ мужъ за богатаго крестьянина: но какъ
 „ деньги будущѣ у мужа, то онѣ, можетъ
 „ быть, и не дастъ бабушкѣ того, чѣмъ
 „ бы внукъ захотѣлось наградить ее;
 „ по крайней мѣрѣ я боюсь этого, а мнѣ
 „ хочется, чтобы старуха не имѣла ни
 „ въ чемъ недостатка. Я ее люблю не
 „ за то только, что она праводушна, но
 „ за то, что она мать; чувствую, что
 „ добро-

„ добросердечную мамъ предпочла бы я
„ всякой иной добросердечной женщи́нѣ.
„ Милая моя хозяйка и надзирашельница
„ говоришь, что пятьдесять рублей еже-
„ годнаго дохода сдѣлають бѣдную спа-
„ руху щаспливою. И такъ прошу васъ,
„ машушка, прислашь мнѣ вмѣсто обѣщан-
„ ныхъ игрушекъ пятьдесять рублей,
„ копорые я потъ же часъ опдамъ
„ добринькой спарушкѣ. Мнѣ бы хотѣлось
„ подарить ей еще кусокъ бѣлаго шканья,
„ изъ копораго бы могла она сдѣлать
„ себѣ къ внукиной свадьбѣ новое плашье.
„ Просшите, машушка! желаю вамъ
„ покойной ночи. Здоровье мое со дня
„ на день поправляется. Хозяйка моя
„ чрезвычайно меня любить, и я почла
„ бы себя теперь очень благополучною,
„ ешьли бы не лишена была щаспїя ви-
„ дѣшь любезную мою машушку. По
„ крайней мѣрѣ порпретъ ея никогда не
„ выходишь изъ рукъ моихъ. Всякой
„ день я его цѣлую, желая ему и *добра-*
„ *го утра* и *добраго вечера*. Сердце у меня
„ всегда отъ грусти сжимается, когда я
„ вспомню, сколько верстъ раздѣляетъ
„ меня съ вами; что мнѣ всегда на
„ мысль приходишь, когда я цѣлую
„ порпретъ вашъ. Ешьли бы не это,
„ такъ

„шакъ бы мнѣ было здѣсь очень весело ;
 „здѣшняя деревенька наполнена пріятно-
 „стями, а говорятъ, что въ нынѣшній годъ
 „и вишенъ родится множество. Скажите,
 „мамушка, нянѣ моей, что я выкармливаю
 „для нее скворца, хомя ей и угодно было
 „написать къ Докторшѣ нашей, что она
 „увѣрена, будто бы я уже развѣ десять
 „схватывалась браниться съ Генріеттою.
 „Эпо было мнѣ очень прискорбно. Ахъ
 „естъли бы вы знали, мамушка, какое злое
 „надобно имѣть сердце, чшобы бранить-
 „ся съ Генріешшою! — Впрочемъ я на-
 „дѣюсь, что и во всю уже жизнь свою
 „не захочу ни съ кѣмъ браниться. —
 „Простите, мамушка! отъ всего сердца
 „обнимаетъ васъ дочь ваша

Дельфина.

На шрешій день по утру получила Дельфина самой пріятной отвѣтѣ отъ своей машери, и вмѣсто пятидесяти рублей сто, съ обѣщаніемъ присылать спарухъ такое число денегъ ежегодно; новое плашье къ свадьбѣ шакже забыто не было.

Дельфина, будучи внѣ себя отъ радости, потчасъ побѣжала съ подаркомъ своимъ къ спарухѣ, и шастіе ея сдѣлала совершеннымъ. Бабушкина и внукина благо-

дарность, похвалы Докторшины и нѣжныя ласки Генріетты, вліяли въ Дельфину такое удовольствіе, о которомъ до того времени имѣла она очень еще несовершенное понятіе; потому что не лзя знать такое непорочное удовольствіе во всемъ его пространствѣ, естли самъ никогда не наслаждался онымъ. Возможно ли, говорила Дельфина, возможно ли, чтобы сто рублевъ ежегоднаго дохода могли составить чье нибудь щастіе? Этова мнѣ никогда и на мысль не приходило. За хрустальную мою коробочку заплачено гораздо болѣе денегъ. — А утѣшаетъ ли она васъ? спросила Докторша. Ничего, отвѣчала Дельфина: роза дѣлаетъ нынѣ мнѣ гораздо болѣе удовольствія. Теперь я совсѣмъ не могу понимать того, какъ можно покупать брилліанты и другія мѣлочи, когда самымъ небольшимъ числомъ денегъ можно извлечь навсегда изъ бѣдности несчастнаго, лишеннаго всякой помощи; я ненавижу теперь всѣ свои дорогіе камни.

Чрезъ два дни послѣ сего разговора молодой поселянинъ женился на добродѣтельной дѣвушкѣ. Свадьба была у Доктора въ домѣ. Столы накрыты были въ саду, подъ тѣнію большихъ вѣшви-
стыхъ

стныхъ вязовыхъ деревъ , копорыя безъ всякой соразмѣрности росли на зеленомъ лугу , покрытомъ полевымъ шминомъ и фїалками. Человѣкъ придцашъ изъ поселянъ сидѣло за столами , а Докторша была на пиру у молодыхъ супруговъ хозяйкою. Послѣ обѣда начались пляски , и продолжались до самаго вечера. Городскіе балы никогда въ самомъ дѣлѣ меня не веселили , сказала Докторшѣ Дельфина , бравшая участіе во всеобщей радости : но теперь кажутся они мнѣ совсѣмъ скучными. Увѣряю васъ , сударыня , опвѣчала ей Докторша , что истинное удовольствіе всего скорѣе найти можно въ сельской жизни ; а насладившись ею , увидишь , что всѣ утомительныя и шумныя городскія забавы имѣють для благоразумнаго человека немного пріятностей.

Въ Іюль мѣсяцѣ деревня показала Дельфинѣ гораздо еще прелестнѣе. Она по нѣскольку часовъ гуляла по полямъ , а иногда съ Докторшею и Генріешшою прохаживалась при сіяніи луны. Нашедши удовольствіе въ работѣ , никогда не чувствовала она скуки. Она читала , писала , шрудилась и училась у Генріешшы рисовать цвѣты и сушить растѣнія , прося ее сказывать себѣ имена и свой-

ства ихъ. Она употребляла на благо-
дѣнія шѣ деньги, которыя помѣсячно
присылала къ ней Мелиша для ея удо-
вольствія. Будучи любима всѣми окру-
жавшимъ ее и довольна сама собою, вся-
кой день, казалось, щастіе ея умножа-
лось. Не видно уже было на лицѣ ея
шѣхъ признаковъ скуки и унынія, кото-
рыя спсаль долгое время зашмѣвали ея
прелести. Глаза ея стали живы и бли-
стательны; краска розы покрыла ея ще-
ки. А привыкнувши много ходить, бѣ-
гать и прыгать, вѣ четьре мѣсяца при-
обрѣла она такую пріятную легкость,
которой бы не могли ей дать и всѣ го-
родскіе танцмейстеры.

Вѣ Августѣ позволилъ ей Докшорѣ
выйти изѣ хлѣва. Ей отвели маленькую
горницу, прекрасно убранную и пригото-
вленную точно для нее. Дельфина радо-
валась, перешедши жить вѣ такую хоро-
шую комнату. Изѣ оконѣ видна была
пространная долина; пріятность вида и
чистота комнатныхъ приборовъ приводи-
ли се вѣ восхищеніе. Располкуйте мнѣ,
говорила она Докшоршѣ, для чего малень-
кая эта горница кажется мнѣ такою
прекрасною? и для чего такѣ скучны бы-
ли для меня комнаты, вѣ которыхъ я
жила

жила въ городѣ, хотя онѣ гораздо прос-
страннѣе и гораздо великолѣпнѣе шепе-
решней моей горницы? Впервыхъ для
того, отвѣчала Докторша, что городскія
комнаты ваши окнами были въ такой
садѣ, въ которомъ искусство совсѣмъ не
подражало природѣ; въ которомъ все ра-
спешѣ по принужденію; мнимая краса
его не могла долго веселить васъ: чѣмъ
болѣе вы его разсматривали, тѣмъ менѣе
находили въ немъ пріятностей, а нако-
нецъ спалъ онѣ вселяшъ въ васъ уныніе.
Ввторыхъ для того, что пріѣхавши
сюда, извѣстны были вамъ однѣ только
ложныя забавы, но есть тѣ только,
которыя можеть доставлять щеславіе,
пышность и другія пружины городской
жизни; а какъ онѣ состояшъ въ одномъ
воображеніи, то и могушъ скоро наску-
чить. Онѣ уже вамъ и наскучили: не
имѣя же понятія о истинныхъ увеселе-
ніяхъ, скука ваша болѣе и болѣе увели-
чивалась; таково было ваше положеніе.
Вы жили въ такомъ изобиліи, что не
умѣли цѣнить тѣхъ пріятностей, кото-
рыя доставляешъ намъ умѣренность въ
наслажденіи; ни что не приносило вамъ
удовольствія, потому что удовлетворяли
всякому вашему желанію. Самыя пріят-

нья вещи будутъ непріятны, даже и ош-
 врашисельны, естли спанешъ употреб-
 ляшь ихъ безъ всякой мѣры: я вамъ по-
 кажу это примѣромъ. Вы любите цвѣ-
 ты; срывая фіалку, чувствуете вы ве-
 ликое удовольствіе. Для чего этошъ цвѣ-
 точикъ болѣе другихъ нравится вамъ,
 равно какъ и всѣмъ молодымъ людямъ?
 Для того, что фіалка скрывается подъ
 листочками; для того, что она рѣже
 василька; для того, что ее искашь на-
 добно. Естли бы поля были усѣяны
 фіалками; естли бы на всякомъ шагу
 находили вы ихъ, то конечно бы преста-
 ли вы ихъ любить; вы бы ихъ также
 не стали уважать, какъ и подорожникъ.
 Произведенія искусства безъ всякаго со-
 мнѣнія должны уступить первенство про-
 изведеніямъ природы; онѣ еще скорѣе на-
 скучить могутъ. Но при всемъ томъ и
 онѣ имѣютъ свою пріятность; и онѣ мо-
 гутъ приносить удовольствіе, естли бу-
 дешъ соблюдать умѣренность. Естли
 весь домъ свой наполните вы фарфоромъ,
 фарфоръ скоро не будешъ веселить васъ;
 естли всякой день будете вы въ театрѣ,
 театрѣ вамъ наскучишъ; естли вы бу-
 дете долго сидѣшь за столомъ и всякой
 день вымышляшь самыя вкусныя кушанія,
ско-

скоро не будете чувствовать пріятности ихъ. Вотъ слѣдствіе всякаго злоупотребленія. Стараюсь совершенно удовольствоваться вкусомъ свой, скоро его лишишься. И такъ помните, что чрезмѣрное наслажденіе погубляетъ счастье наше. Помните, что излишняя пышность ослѣпляетъ только однихъ глупцевъ и не доставляетъ никакого истиннаго наслажденія; пышность всего опягошительна. Бриллианновыя серги растягиваютъ уши; вышитое золотомъ платье притнѣшаетъ насъ къ землѣ и царапаетъ руки. Дорогие камни и великолѣпное платье причиняютъ множество заботъ: боимся изломать дорогую коробочку, боимся изорвать пышной нарядъ. Если бы вчера былъ на васъ передникъ богатой, вы бы конечно не осмѣлились итти за полевыми розами въ средину терновыхъ кустовъ, за которые зацѣплялись вы платьемъ, и прогулка ваша не столько бы для васъ была пріятна. Пышность въ домовыхъ приборахъ также налагаетъ на насъ принужденіе. Что касается до меня, то я скорѣе бы согласилась жить всегда въ томъ хлѣвѣ, изъ котораго вы теперь вышли, нежели въ такихъ великолѣпныхъ комнатахъ, въ которыхъ надобно ходить и садиться съ осторожностію, чтобы

не разбишь какой нибудь мраморной доски, не содрать блистающей позолоты, или не уронишь чайнаго столика съ фарфоромъ. Какъ жалки тѣ люди, которые дѣлають себя рабами богатства своего! Любочестіе могло бы показать имъ лучшія средства къ приобрѣтенію почтенія, естли бы они размышлять захошѣли. Въспомо того, что бы выдумывать случаи къ пышности, для чего не дѣлають они добрыхъ дѣлъ? — Безъ сомнѣнія, прервала Дельфина рѣчь ея: таковымъ образомъ заспавили бы они всѣхъ уважать себя. А сверхъ того можно ли не чувствовашъ великаго удовольствія въ благодѣянніи? Естли ли такая жестокая душа, копорая была бы нечувствительна къ щастію другихъ? — Такая ужасная жестокость прошивна естеству человека, отвѣчала Докпорша; но естли предашья только мечтамъ своимъ и попустишь овладѣть собою пагубному щестлазію, то разумъ нашъ будетъ сжиматься, душа ожесточится и наконецъ совершенно испортишья. — Какъ бы я ни была богата, съ жаромъ сказала Дельфина, однакожь богатство никогда не испортитъ меня. Я буду умѣренна; буду помнить шу скуку, копорую чувствовала

ла я въ самомъ величайшемъ изобилии; буду помнить, что мнѣ надобно было прожить четыре мѣсяца въ хлѣвѣ для узнанія подлинной цѣны того, къ чему я была привязана; а болѣе всего не спану забывать, что естѣ несчастные, и что подавая имъ помощь, наслаждаешься самымъ величайшимъ удовольствіемъ, какимъ только въ жизни нашей наслаждаться можно.,,

Разговоръ сей заключила Дельфина нѣжнѣйшимъ благодареніемъ Докторшѣ, которая въ самомъ дѣлѣ получила на оное вѣчное право, научивши ее разсуждать, мыслить и чувствовать. Дельфина пробыла еще два мѣсяца въ деревнѣ у Доктора, употребляя время сіе на совершенное исправленіе своего нрава и здоровья. Въ началѣ Октября имѣла она удовольствіе увидѣться съ своею матерію. Мелиша съ восхищеніемъ бросилась къ ней на встрѣчу. Дочь ея такъ перемѣнилась, что она едва могла ее узнать: она пропивъ прежняго спала ростомъ гораздо выше, несравненно зроровѣе и цвѣтъ на лицѣ у ней былъ самой лучшей. Мелиша, будучи внѣ себя отъ радости, не спускала съ нее глазъ своихъ, обнимала ее, хотѣла говорить, но языкъ ей не пови-

Новался, и однѣ только слезы изъѣвляли чувства ея. Нѣсколько минуцъ въ молчаніи наслаждалась Докторша симъ пріятнѣйшимъ зрѣлищемъ. Наконецъ сказала она: ошъ васъ взяла я Дельфину почти умирающую, но теперь возвращаю ее вамъ въ совершенномъ здоровьѣ; а всего важнѣе то, что возвращаю ее вамъ съ хорошимъ нравомъ: теперь она кропка, равнодушна, чувствительна, разсудительна, и щастіе ваше можетъ сдѣлать совершеннымъ. Однакожъ она такъ еще молода и такъ еще не утверждена въ добрѣ, что можетъ опять испорчиться, естли хотя мало будете вы на нее смотрѣть сквозь пальцы. А естли хошите вы: предупредить такое нещастіе, такъ вошъ вамъ предписаніе, которому вы слѣдовать должны; оно не слишкомъ жестоко, а необходимо. — Во всей точности буду слѣдовать ему, сказала Мелиша: дайше мнѣ его только, сударыня! — Докторша подала ей бумагу; она развернула ее и читала:

Предписаніе Дельфинѣ.

„Шесть мѣсяцовъ въ году должна она проводить въ деревнѣ; а когда бу-
 „дешъ

„дешѣ въ городѣ, должна очень рѣдко бытъ
 „въ театрѣ. Ей надобно много ходить
 „пѣшкомъ, даже и зимою. Завтракъ и
 „полдникъ ея соспѣять долженъ только
 „въ одномъ хлѣбѣ, исключая то время,
 „въ которое плоды поспѣваютъ. Носить
 „ей надобно самыя простыя плащя; по-
 „тому что онѣ покойны и легки, а про-
 „чія нѣтъ.

„Для предохраненія ея отъ скуки,
 „надлежитъ ей давать читать научи-
 „тельные и пріятныя книги, и ни на
 „одну минуточку не оставялъ ее въ празд-
 „ности. А когда по случаю придуть къ
 „ней въ голову какія нибудь печальныя
 „мысли и она почувствуетъ грусть, то-
 „гда надобно припомнить ей исторію той
 „старухи, кошорой она оказала благо-
 „дѣяніе. — Слѣдуя сему предписанію,
 „Дельфина будетъ здорова, весела и ща-
 „слива. „ —

Мелита одобрила предписаніе сіе,
 обѣщавшись во всемъ исполнять оное, и наи-
 чувствительнѣйшимъ образомъ благо-
 дарила Докторшу. Чрезъ годъ послѣ того
 купила она подмосковную деревню, отъ
 которой до деревни Докторовой было не
 болѣе двухъ верстъ. Дельфина во всю
 жизнь свою сохранила благодарность къ
 До-

Докторшѣ, а къ любезной Генріеттѣ нѣжную дружбу. Сама она приобрѣла отъ всѣхъ любовь и почтеніе, украсивши разумъ свой познаніями, а сердце добродѣтелями: она была разсудительна и благодѣтельна. Мелиша избрала ей достойнаго супруга, копорой почиталъ ее за неоцѣненной даръ Небесъ; они взаимно дѣлали другъ друга щасливыми. —

III.

Госпожа Добролюбова замолчала. Такъ уже кончилась исторія Дельфины! сказала со вздохомъ Кашерина: какъ мнѣ жаль эпова! — Ешьли бы Мелиша, сказала Елисавета, была такъ умна, какъ Докторша: такъ бы Дельфина никогда не была лѣнива, упряма и сердина. Какъ щасливъ тотъ, у кого есть хорошая мать!

Говоря сіе, съ нѣжностію цѣловала Елисавета руки у своей родительницы. Послушайте, мапушка, сказала Кашерина: мнѣ не хотѣлось оспановить васъ въ самомъ любопытномъ мѣстѣ исторіи вашей, а мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы изъяснили мнѣ ту глазную болѣзнь, копорую называющъ бѣльмами. — Бѣльмо есть нѣкоторая темная густота, ко-
по-

порая, распространяясь въ глазахъ нашихъ, лишаетъ насъ зрѣнія (*).

По-

(*) Катарактъ, или бѣльмо, есть помраченіе такъ называемой хрустальной жидкости. Сія жидкость въ естественномъ своемъ состояніи бываеъ прозрачна. Лучи доходятъ черезъ нее до сѣтчатой кожицы, или той части глаза, на которой изображаются предметы посредствомъ лучей свѣта, исходящихъ изъ каждой точки всякой вещи. Когда упомянутая жидкость до нѣкоторой степени загустѣеъ, тогда уже не льзя видѣть ясно. И такъ надобно стараться снять сію густоту, которая покрываетъ глазъ подобно илу, и помрачаетъ свѣтъ. Прежде прокалывали оную только иглою, но густота, оставаяся въ глазу, производила опять прежнюю болѣзнь; нынѣ уже ее обыкновенно снимаютъ. Лѣтъ за сорокъ передъ симъ, способъ излѣченія сего нашелъ Г. Давіель, славной Врачь. Мѣсто снятой густоты занимаетъ окружающая ее стеклянная жидкость, замѣняющая ту прозрачную и хрустальную жидкость, которая превратилась въ оную густоту.

Послѣ сихъ словъ Г. Добролюбова встала. Тогда было гораздо позже обыкновеннаго, но дѣшамъ показался вечеръ гораздо короче; онѣ съ неудовольствіемъ пошли спать, и во всю ночь видѣли во снѣ Дельфину.

На

стому. Операция сія никакъ не мучительна, и можетъ кончиться менѣе, нежели въ минуту. Обыкновенно больной начинаетъ видѣть въ самое же по мгновеніе ока, въ которое густота снимется; послѣ сего завязываютъ ему глаза и предписываютъ только одну легкую и освѣжающую пищу. Если въ глазу не будетъ никакой боли, то постепенно открываютъ ему свѣтъ, и недѣли черезъ при приходитъ онъ въ прежнее состояніе.

Слово Катарактъ употребляется также и въ Географіи, гдѣ оно значитъ рѣчной водопадъ, происходящій отъ чрезвычайной крутизны того мѣста, черезъ которое течетъ вода; или отъ камней, которые задерживаютъ обыкновенное ея теченіе. Древніе называли сіи водопады Catadupes. Рѣка Рейнъ имѣетъ два Катаракта, или водопада: одинъ въ Билефельдѣ-

На другой день сказалъ Петру слуга его Иванъ , что онъ вычислилъ уже , сколько буденъ стоить покупка всѣхъ принадлежностей для стеклянной комнаты ; и что издержки сіи не превзойдутъ десяти рублей . Это удовольствіе стало бы дорого , сказалъ Петръ : можно веселишься и шѣмъ , что гораздо дешевле ; я постараюсь и сестръ своихъ отвратить отъ этой

Фельдъ , а другой въ Лаутернъ , близъ Шифгаузена . Нилъ имѣетъ ихъ большее число , изъ которыхъ два съ ужаснымъ шумомъ между двухъ горъ свергаются . Рѣка Вологда имѣетъ также два водопада въ Задогѣ . Заира , рѣка въ Конго , начинается сильнымъ водопадомъ . Въ Новомъ Йоркѣ , разстояніемъ на три Французскія мили отъ Албаніи , есть такой водопадъ , котораго высота простирается почти до пятидесяти футовъ . Вериской Каскадъ въ Италіи есть одинъ изъ самыхъ высокихъ ; ибо тамошніе жители утверждаютъ , что онъ вышиною въ четыреста футовъ . Славной водопадъ рѣки Ніагары въ Канадѣ вышиною только во сто пятьдесятъ шесть футовъ ; но широта его простирается болѣе , нежели на четверть Французской мили .

этой выдумки. Въ самомъ дѣлѣ пошелъ онъ въ ту же минутѣ къ нимъ въ комнату. Я пришелъ, сказалъ онъ, подашь вамъ случай доказать мамушкѣ, что она не даромъ рассказала намъ исторію Дельфины — „Какъ же, брашець? „ — и что мы воспользовались наставленіемъ Докторши: помните ли слова ея, что не всѣ свои желанія исполнять надобно? — „Очень помню. „ — А наша стеклянная комната будетъ стоить десять рублей — „Десять рублей? „ Точно; а ихъ бы можно было употребить на доброе дѣло. — „Не лзя ли назначить ихъ какому нибудь бѣдному на ежегодное содержаніе? „ — Годъ ими не проживешь, однако же ими можно помочь бѣдной семьѣ. — „Такъ пойдемъ же, брашець, сказать, что стеклянная комната намъ уже не нужна. — Если бы я это напередъ знала, такъ бы не спала прудиться надъ сѣпчочкою. „ — Будемъ чѣмъ нибудь другимъ веселиться; мы перейдемъ у Генриешпы: спанемъ сушить цвѣты, растенія; спанемъ учиться Ботаникѣ, Агркультуру. Мы попросимъ у мамушки денегъ на раздачу нищимъ. —

Мамушка не такъ богата, какъ Мелиша; да и сюда прѣхала она для хозяй-

зай-

зайства ; ей не лзя раздавать много денегъ — однакъжъ вы знаете, какъ она милосерда къ нищимъ. — „Намъ надобно ошыскать какую нибудь бѣдную добрую старушку ; а какъ бы мы рады были , ешьли бы удалось найти слѣпую ! Мы бы послали въ городъ за лѣкаремъ и велѣли бы ему снять у нее сѣ глазъ бѣльма. „ — Хорошо , однакъжъ надобно , чшобы удовольствія наши не стоили машушкѣ ничего ; пошому что она не могла бы намъ въ одно время давать деньги и на пусыя выдумки и на операціи. — „Эшо правда ; все вдругъ не лзя. „

Послѣ сего совѣта дѣши пошли къ Г. Добролюбовой и увѣдомили ее о рѣшеніи своемъ. Она обняла ихъ и похвалила добрыя ихъ сердца. Сохранише навсегда шакія чувства. дражайшія дѣши , сказала она имъ : онѣ содѣлаютъ и ваше и мое щастіе. А чшобы чѣмъ нибудь шеперь наградить васъ , то обѣщаюсь по желанію вашему найти вамъ случай для издержки шѣхъ десяти рублевъ , которыхъ бы стоила спеклянная комнаша. — Ахъ , машушка ! сказала Катерина : дайте намъ еще слово рассказывать исторіи , всякой вечеръ , а не иногда , какъ вы сперва сказали. — Хорошо , отвѣчала Г. Добролюбова : я со-

глашаюсь на это съ шѣмѣ договоромѣ ,
чшобы вы не подавали мнѣ никакой при-
чины кѣ неудовольствію ; а кшо изѣ васѣ
не будетѣ днемѣ умницею , шому вечеромѣ
сказки не слушать. — „Ахѣ ! это на-
казаніе ужѣ слишкомѣ велико , мащущка. ---
Однакожь брашѣ и сестра , кажешся , на
договорѣ согласны. — „Да вишь имѣ
менѣе страха : я ихѣ и моложе и без-
разсуднѣе. „ — За шо я на шебѣ не
такѣ и взыскиваю. — „Правда , ма-
щущка , опещчала Каперина : вы очень
справедливы , однакожь все еще боюсь я ,
чшобы когда нибудѣ не ипши мнѣ спать
безѣ сказки. „

Вѣ шо же ушро пошелѣ Петрѣ съ
Студеншомѣ прогуливашся. Подошедши
кѣ одной избѣ , увидѣли они , что маль-
чикѣ бешѣ другого мащчка , которой
былѣ его и выше ростомѣ и спарѣ лѣ-
шами , и которой спарался шолько оп-
водитиш удары , не думая никакѣ самѣ
драться. Петрѣ подошелѣ кѣ сему по-
слѣднему. Не брашѣ ли это швой ? спро-
силѣ онѣ у него. Нѣшѣ , сударь , опвѣ-
чалѣ мальчикѣ : это сынѣ сосѣда нашего.
Онѣ очень сердитѣ , сказалѣ Петрѣ : да
для чего же ты не бешѣ его самѣ ? —
„Не лзя , сударь : я гораздо его силь-
нѣе. „

нѣе. „ (*) Пётръ посмотрѣлъ на Спуденша и сказалъ ему шихо: Вотъ великодушный мальчикъ! надобно узнать, не въ бѣдности ли живётъ семья его. — Сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ Спуденшъ у мальчика. — „Восемь, сударь. „ — Какъ тебя зовутъ? — „Николаемъ. „ — Живы ли у тебя отецъ и мать? — „Слава Богу, живы; у меня есть еще и маленькой брашишка, Андрей, копорой меня прѣмя годами моложе. Вотъ шамъ и домъ нашъ. „ — Сдѣлайте мнѣ одолженіе, сказалъ Пётръ Своемыслову, согласишесь войти къ нимъ въ избу. Своемысловъ согласился, а Николай побѣжалъ передъ ними указывать дорогу. Вошедши въ избу, Спуденшъ началъ разговаривать съ матерію мальчиковою, копорая передъ нимъ осыпала похвалами сына своего. Онъ еще никогда не наводилъ на меня грусти, сказала она, и хорошимъ своимъ поведеніемъ такъ полюбился нашему Священнику, что онъ спалъ имѣть о немъ особенное спараніе и взялъ на себя трудъ

Е 2

учить

(*) Сочинитель въ самомъ дѣлѣ имѣлъ удовольствіе слышать отвѣтъ сей отъ одного осьмилѣтняго мальчика, копорому теперь пятнацатой годъ, есмьли онъ не умеръ.

учишь его чипашь и писашь. ВЪ самомЪ дѣлѣ мальчикЪ сей никакЪ не похожЪ былЪ на крестьянскаго мальчика; лице было у него шакое привлекашельное, что заспаваляло всякаго его любишь. Машь разсказывала множество добрыхЪ дѣлЪ его; она много наговорила о дружбѣ его съ маленькимЪ братомЪ, хотя сей послѣдній, примолвила она, и дѣлаешь иногда не большія проказы.

ПетрЪ взялъ съ мальчика обѣщаніе припши къ себѣ въ домЪ, и вышедши изЪ избы, продолжалЪ прогулку свою. Почувствововали ли вы, спросилЪ у него СтудентЪ, всю шу великостъ, кошорая заключалась въ ошвѣшѣ эшова мальчика, когда его другой мальчикЪ билЪ? Мнѣ не лъзя плашись ему шѣмЪ же, ошвѣчалЪ онЪ вамЪ: *я гораздо его сильнѣе.* — КакЪ не почувствовать! сказалЪ ПетрЪ: онЪ сжалился надЪ безсиліемЪ злаго мальчишки. А сжалившись надЪ безсиліемЪ, простилъ онЪ и дерзостъ его, примолвилЪ СтудентЪ. — „Николай поступаетъ подобно нашей большей Датской собакѣ, кошорая никогда не огрызаешся на пошельную машушкину собачку, какЪ бы она ее ни кусала.,, — Такое великодушіе ешть добродѣтель столь ешественная,

ная, что ее находятъ въ самыхъ непро-
свѣщенныхъ народахъ, даже и въ самыхъ
худыхъ людяхъ изъ нихъ. Во всеобщемъ
повѣствованіи о путешествіяхъ (*) нахо-
димъ мы, что въ Малабарѣ сотоварище-
ство младенца изъ роду Наивовъ (**)
приводитъ путешественника въ большую
безопасность, нежели защита нѣсколь-
кихъ храбрыхъ воиновъ изъ того же рода:
потому что тамошніе разбойники нико-
гда не нападаютъ на безоружныхъ и имѣ-
ютъ великое уваженіе къ слабости и
юности. Подумайте послѣ такихъ при-
мѣровъ, какъ низокъ пошль человекъ, ко-
торой не имѣетъ споль естественной
добродѣтели, вѣдомой крестьянскимъ дѣ-
тямъ, звѣрямъ и самымъ разбойникамъ.
По справедливости почишаютъ того чу-
довищемъ, кто злоупотребляетъ силу
свою, пришъсня слабаго; потому что
въ самомъ дѣлѣ онъ убійца --- „Убійца?“, --
Конечно. --- Скажите мнѣ, не будетъ ли
убійцею пошль человекъ, который со спа-

(*) L'histoire générale des voyages, abrégée par
M. de la Harpe, tome 5, page 130. Книга
сія переведена уже и на нашъ языкъ подъ
титломъ Исторія о странствіяхъ и проч.

(**) Родъ Наивовъ есть родъ благородныхъ.

гою нападаешъ на другаго, имѣющаго въ рукахъ у себя только одну палку? ---- „Оружію, безъ сомнѣнія, надобно быть одинакому., --- А естли я шеперь и съ одними кулаками брошусь на васъ, шакъ ровной ли будешъ бой? ---- „О нѣтъ! вашъ кулакъ будешъ гораздо пошяжелѣ моего., --- Вы бы не могли меня ранишь, а я легко бы могъ убишь васъ до смерти: естли бы я спалъ съ вами драшся, шакъ развѣ бы я не былъ убійцею, устремляя всю свою силу на слабого? -- „Правда., --- А что бы подумали вы о такомъ богатомъ и знашномъ человекѣ, которой бы богатство и знашность свою захошѣлъ употреблять на пришѣсненіе бѣдныхъ людей? --- „Думаю, что онъ бы столько же почши былъ низокъ и злобенъ, какъ и тотъ, которой бы захошѣлъ драшся съ беззащитнымъ., --- Когда вы, будучи уже совершеннымъ человекомъ, станете поступать жестоко съ подчиненными, то вишь можно будешъ тогда посшупки ваши назвашъ подлыми? -- „Конечно; я чувствую, что шѣ не имѣюшъ ни великодушія, ниже человекѣлюбія, которые при силѣ и знашности своей не хоташъ быть шихими, шерпѣливыми и снисходительными., --- И шакъ на под-

власш-

власныхъ себѣ ничего такого взыскивать не надобно, чего отъ него по справедливости не можно требовать; намъ должно дѣлать ихъ щасливыми, или въ прошивномъ случаѣ мы будемъ пиранами.

Разговаривая такимъ образомъ, Студентъ съ ученикомъ своимъ возвратились домой, въ самое то время, какъ шли садиться за столъ. Они нашли тутъ одного не молодого дворянина изъ сосѣдственной деревни, кошорой имъ былъ незнакомъ и кошораго Г. Добролюбова удержала у себя обѣдать. Сей человекъ назывался Господиномъ Чудинымъ, былъ слишкомъ пятидесяти лѣтъ и видъ имѣлъ очень непривлекательной. На носу сидѣла у него большая бородавка, брови были самыя густыя, а круглой и черной парикъ надѣтъ былъ у него на головѣ такъ, какъ колпакъ, и закрывалъ почти весь лобъ. Сверхъ того онъ еще заикался и былъ очень разсѣянъ. Такой образъ показался Катеринѣ столь чуденъ, что она съ него глазъ не спускала. Всякое слово Господина Чудина смѣшило ее. Однакъ ешрахъ досадить матери заставлялъ ее удерживаться, и во весь обѣдъ вела она еще себя благоприсстойно.

Вспавши изъ за-стола, Своемысловъ провѣдалъ, что Г. Чудинъ играетъ въ шашки. Послѣ открытія сего немедленно предлѣжилъ онъ ему сыграть нѣсколько игоръ. Студентъ, почитавши себя за игрока въ той степени, вздумалъ передъ уѣзднымъ дворяниномъ выдать себя за игрока изъ первой; почему Г. Чудинъ съ величайшимъ смиреніемъ и попросилъ у него впередъ слона. Г. Правосудова и Добролюбова сѣли въ другомъ углу комнашы за пяльцы, а Катерина поставила себѣ стулъ подлѣ Своемыслова, чтобы сидѣть прямо противъ Чудина и разсматривать его. Игра началась; игроки съ обѣихъ сторонъ показывали великое вниманіе и были въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ Г. Чудинъ съ великимъ равнодушіемъ смѣшалъ всѣ шашки. Студентъ улыбнулся, приписывая шакой неожиданной пошупокъ задумчивости. Что вы дѣлаете? закричалъ онъ. Вы ошиблись, сказалъ Чудинъ: не мнѣ опъ васъ, а вамъ опъ меня надобно взять слона. Начнемъ снова. --- Своемысловъ удивился, а Катерина захохотала.

Начали играть другую игру. Студентъ принужденъ былъ взять впередъ слона, усшупленного имъ прежде Чудину,

ко-

копорой ему и далъ машъ, ступивши не болѣе десятии разъ. Побѣжденной Спуденшъ утверждалъ, что противникъ его принадлежитъ къ первой степени, а Г. Чудинъ увѣрялъ, что онъ не принадлежитъ и ко второй.

Во время сего сраженія Катерина лукаво усмѣхалась, повторая нѣсколько разъ, что *Г. Своемысловъ не такъ хорошо играетъ, какъ онъ всегда думалъ*: примѣчаніе, къ которому примѣшивала она нѣсколько колкихъ насмѣшекъ. Г. Добролюбова, сидѣвшая безпрестанно за работою, казалось, совсѣмъ ничего не примѣчала. Лишь только Г. Чудинъ всѣмъ опкланялся и вышелъ за двери, Катерина подошла къ пальцамъ и спросила Г. Правосудову, долга ли будетъ та исторія, копорую она послѣ ужина рассказывать будетъ. На что это тебѣ? спросила Г. Правосудова: какова ни будетъ исторія, да ты ее не услышишь. --- „Почему, бабушка?“, --- Насмѣшливая дѣвушка не стоить того, чтобы брать участіе въ вечернихъ нашихъ забавахъ. --- „Да что я сдѣлала, бабушка?“, --- Послушай, Катерина, сказала Г. Добролюбова: есъли бы я равнаго себѣ челоуѣка вздумала колоть насмѣшками, то хорошо ли бы я поступила?

пила? Конечно бы не хорошо, а дурно и непристойно; могли бы другие люди подумать, что я дурного свойства, и что у меня не много разума. А если бы захошла я сердить такого человека, которой выше меня --- человека, которой по лшамъ и знаніямъ своимъ имѣеть право на мое почтеніе: тогда бы я еще была виновнѣе. Теперь скажи мнѣ, обязана ли ны почитать пріятеля своихъ родителей, такого человека, которой совсѣмъ посвятилъ себя воспитанію своего брата? Г. Своимъ словъ имѣеть право не только на одно почтеніе ваше, но если вы добросердечны, то вамъ его и любить надобно. --- „Да я его и такъ почитаю и люблю, мапушка, сказала Катерина съ слезами.“ --- Однакожь ты смѣялась надъ нимъ, продолжала Г. Добролюбова, и всячески старалась рассердить его. Если бы онъ и въ самомъ дѣлѣ почиталъ себя совершеннымъ игрокомъ безъ всякой основательной причины, такъ развѣ уже тебѣ необходимо надобно пересмѣхать его? Можно ли добросердечному человеку забавляться слабостями другихъ? Можно ли разсудительному человеку быть только злобу? А особливо, если предметомъ эшоа будешь такой

чело-

человѣкъ , котораго намъ любить надо-бно. --- Ахъ, мапушка ! закричала Капе-рина , заливаясь слезами : вижу теперь , что я совсѣмъ не кстапи смѣялась , од-накожь смѣхъ мой былъ не опъ злобы. --- Въ самомъ дѣлѣ , мапушка , примолвила Елисавета , сестрица не хотѣла сердить Г. Своемыслова : я сама шупъ была. ---- Правда ли это , спросила Г. Добролюбова , приспально смотря на Елисавету : правда ли это и точно ли такъ думаешь ты ? --- При сихъ словахъ Елисавета покраснѣлась , опустила глаза къ землѣ и ничего не опвѣчала. --- А ты , Каперица , увѣрена ли въ томъ , что смѣхъ твой былъ не отъ злобы ? продолжала Г. Добролюбова : не забавляло ли тебя по замѣшательство , въ которое пришелъ Своемысловъ ? и ты никакъ не хотѣла колошь его своими шупками ? . . . Испытай себя , и послѣ опвѣчай мнѣ. --- „Мапушка . . . Я не могу лгать . . . я увѣрена , что смѣхъ мой былъ умышленной . . . и недостойна слушать вечернія сказки. „ --- Однакожь ты все еще достойна нѣжности моей , сказала Г. Добролюбова , обнимая ее : по-тому что ты искренна. --- „Такъ уже я , мапушка , никогда не буду слушать того , что вы по вечерамъ рассказывать ста

спанете? „ --- Нѣтъ, восемь дней только должна ты будешь послѣ ужина оставаться насѣ. --- „Ахъ, Боже мой! . . . Да по крайней мѣрѣ проспите ли вы мнѣ? „ --- И теперь прощаю, будучи увѣрена, что въ пропускѣ дочери моей не участвовало ея сердце. --- „Конечно, ма-тушка: это произошло только отъ мало-разумія моего. „ --- Я сама такъ думаю, а раскаяніе свое заставляешь меня надѣяться, что ты уже никогда не впадешь въ такой порокъ. Теперь подойди ко мнѣ ты, Елисавета; мнѣ надобно и тебѣ сдѣлать выговоръ. Для извиненія сестры своей говоришь ты противъ сердечнаго увѣренія . . . „Признаюсь, ма-тушка, . . . однакожь „ . . . Правда, что причина, заставившая тебя сказать неправду, достойна нѣкотораго снисхожденія: однако же мы никогда не должны лгать. Для услуги сестрѣ позволено ли ослушаться приказанія моего, чтобы вы ни въ чемъ не противорѣчили истинѣ? -- „Нѣтъ, матушка. „ --- Ты не только меня не послушалась: ты не послушалась и Бога. --- „Боже мой! „ --- Точно такъ: потому что Богъ лгать не велѣлъ. Къ тому же будь увѣрена, что ложь въ самомъ дѣлѣ никогда не можетъ быть по-ле-

лезною: рано или поздно она опкрывается и безчестипшъ вымыслившаго ее. Напрошивъ того истина, приобрѣтая намъ почпеніе и довѣренность людей, бываетъ намъ полезно даже въ самыхъ пѣхъ случаяхъ, въ которыхъ бы казалась она для насъ опасною и вредною. — Справедливое это примѣчаніе, сказала Г. Правосудова, приводипшъ мнѣ на мысль очень любопытной Анекдотъ изъ Исторіи — Ахъ, бабушка! перервала рѣчь ея Каперина: естли вы расскажете его послѣ ужина, такъ мнѣ ничего не слыхашъ. — Я расскажу его шеперь, сказала бабушка.

Каперина бросилась ее обнимать; она взяла ее къ себѣ на колѣни, а Петрѣ съ Елисаветою подвинули къ нимъ свои стулья. Анекдотъ, которой вы знашь хощите, начала говорить Г. Правосудова, читала я въ Арапской Исторіи (*). Гегіагъ, славной Арапской воинъ, но чловѣкъ свирѣпой, осудилъ на смерть многихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ просилъ у Гегіага позволенія говорить и сказалъ ему слѣдующія слова: „Ты долженъ освободить меня отъ казни: Абдарраманъ нѣкогда поносилъ тебя, но я вступился
„за

(*) Par M. L'Abbè de Marigny, tome II.

„за честь твою и сдѣлалъ его себѣ врагомъ.“ Гегіагъ пребоваѣ отъ него доказательствъ, что онъ говоритъ правду. Воинъ именовалъ ему свидѣтеля произшедшаго сему одного изъ осужденныхъ съ нимъ на смерть. Полководецъ велѣлъ призвать его, и услышавши отъ него подтвержденіе сказанному, простилъ плѣнника. Послѣ того спросилъ онъ у свидѣтеля, не вступался ли и онъ за него прошивъ Абдаррамана. Я не почиталъ эшова за должность свою, отвѣчалъ ему другъ истины. Гегіагъ, не взирая на жестокосердіе свое, пораженъ былъ великодушію его духа. Помолчавши нѣсколько, предложилъ онъ ему другой вопросъ: есть ли я освобожу тебя отъ смерти и неволи, то все ли еще будешь ты врагомъ моимъ? Нѣтъ, отвѣчалъ плѣнникъ, не буду. „Довольно, сказалъ Гегіагъ: я полагаюсь на одно слово твое; я не могу сомнѣваться въ исполненіи обѣщанія твоего, потому что ты доказалъ уже отвращеніе свое отъ неправды, Пользуйся жизнью, которой предпочитаешь ты честь и истину, и прими свободу какъ справедливую награду за такую добродѣтель.“

Видишь, дѣши, продолжала Г. Правосудова, что правда, по словамъ вашей

машери, бываетъ намъ полезною въ самыхъ тѣхъ обстоятельствевахъ, въ которыхъ бы она по видимому могла бытъ для насъ пагубною. Не думали ли вы, что въ рассказанномъ мною случаѣ должна была она умножить свирѣиство самовластнаго и кровожаждущаго Арапа? Однакожъ она сполько хороша и шрогашельна, что не въ злобу привела пирана, но усмирила и обезоружила его. --- А доказавши одинъ разъ, сказала Каперина, что любишь правду, не надобно уже никогда подтверждать чѣмъ нибудь инымъ слова свои. ---- Безъ сомнѣнія: попому что щещены бывающъ всѣ кляшвенныя подтвержденія того человѣка, котораго честность еще не испытана; а кпо доказалъ уже правдолюбіе свое, пому надобно сказать только да, или нѣтъ. Вы конечно вспомните теперь славной опытъ того почтенія, которое Аѣиняне имѣли къ Ксенократу (*). Этомъ Анекдотъ я вамъ

(*) Les annales de la vertu, tome premier, p. 350. — Мы показываемъ здѣсь французскія книги для того, что Читатели наши, върояшно, болѣе упражняются въ чтеніи на Французскомъ языкѣ, нежели на Россійскомъ. Чтеніе хорошихъ Французскихъ книгъ,

вамъ читала. Чшобы обладать такимъ драгоценнымъ свойствомъ, надобно быть истинно добродѣтельнымъ. Всѣ великіе люди вообще славились любовію къ истинѣ, а особливо Ксенократъ, великой Философъ, и Эпаминондъ, Герой добродѣтели, почитавшій всегда за правило *даже и въ шутку не говорить неправды* (*).

Сей разговоръ прерванъ былъ приходомъ Своемыслова, которой сказалъ Г. Добролюбовой, что крестьянской мальчикъ, о которомъ уже Петръ все рассказалъ ей, пришелъ съ своею матерью и дожидается приказанія ея войти къ нимъ. Г. Добролюбова отвѣчала, что она рада видѣть шакого хорошаго мальчика. Студентъ въ ту же минушу привелъ Николая въ комнату и съ матерью, которая принесла Г. Добролюбовой блюдо свѣжихъ яицъ. Все семейство ла-

скало

книгъ, каковыя мы здѣсь показываемъ, для дѣшей похвально; однакожъ желатель-
но бы было, чтобы они читали поболѣе
и Россійскихъ книгъ, писанныхъ чистымъ
и правильнымъ слогомъ. Выборъ такихъ
книгъ могутъ они препоручить родите-
лямъ своимъ.

(*) Discours sur l'histoire universelle de M. Bos-
suet.

скало мальчика. Г. Добролюбова провѣдала уже о всѣхъ обстоятельствахъ крестьянки, и узная, что она была бѣдна, и что мужъ ея едва только начиналъ выздоравливать отъ тяжелой болѣзни, по прозбѣ Петровой дала ей пять рублей, половину того числа денегъ, которыя назначены были на благодѣянія. Мальчику приказала она всякой день ходишь къ Петру играть. „Прикажише ходишь со мною и брату моему, съ поклономъ сказалъ Николай; а то будешь ему безъ меня дома скучно.“ Всѣ похвалили любовь его къ брату, а на прозбу его дано было согласіе.

Между тѣмъ приближался вечеръ. Петръ и Елисавета, видя, сколь тяжело сестрѣ ихъ, что она не будетъ слушать вечернюю повѣсть, рѣшились просишь бабушку ничего не рассказывать по вечерамъ во все время Каперинина наказанія; онѣ лучше хотѣли лишиться величайшаго своего удовольствія, нежели наслаждаться онымъ безъ сестры своей. Г. Правосудова похвалила ихъ, и дѣло было кончано.

Въ одинъ вечеръ, когда Г. Добролюбова разговаривала съ дѣтьми своими, предложила ей Елисавета вопросъ: „Вы не приказываете намъ имѣть никакого

обхожденія съ слугами, для того что они худо воспитаны: такъ для чего же позволяете намъ говорить со многими крестьянами, да и сами, кажется, любите разговаривать съ старикомъ Васильемъ, съ старушкою Варварою и съ Николаевою матерью? „Правда, отвѣчала Г. Добролюбова; однакожь я постараюсь располковать тебѣ это мнимое противорѣчіе. Хотя слуги обыкновенно бываютъ худо воспитаны, однакожь, наслышавшись многому отъ Господь своихъ, говорятъ они не такимъ простымъ языкомъ, какъ крестьяне. Съ другой стороны языкъ ихъ не совершеннѣе: благоразумные люди находятъ ихъ выраженія подлыми, а мысли ребяческими, хотя слова употребляютъ они и хорошія. Не боюсь я, чтобы вы у мужиковъ переняли говорить *ась, гожо, баяль* и проч; такой языкъ столько отличенъ отъ вашего, что вы конечно никогда его не переймете. Напротивъ того не можете вы еще по малолѣтству своему чувствовать всю нескладность языка слугъ нашихъ, слѣдственно нечувствительнымъ образомъ можете такъ къ нему привыкнуть, что начнете и подражать ему. Къ тому же большая часть слугъ бываютъ люди со многими пороками,

ми,

ми, которые по рабскому ихъ состоянію совсѣмъ почти для нихъ неизбѣжны. Если худо воспитанной человѣкъ не прудолюбивъ, лѣнивъ и ведетъ праздную жизнь, то прудно ему бышь добродѣтельнымъ. Лакей, ѣздящій всякой день за карепою своего Господина, почти по неволѣ долженъ проводить жизнь въ праздности. Не находя ничего въ самомъ себѣ, не умѣя ни читать, ниже съ пріятностію разговаривать, дѣлается онъ либо пьяницею, или игрокомъ; нравъ его портится, и скоро лишается онъ почти всѣхъ добрыхъ свойствъ своихъ. Въ слѣдствіе невѣжества, праздности и скуки. Напрошивъ того у кресстьянина, всегда какою нибудь работою занимающагося, удаленнаго отъ городовъ и развратительныхъ примѣровъ, вкусъ бываетъ простой и неиспорченной, а нравъ доброй; въ немъ безпрепятственно возрастаютъ тѣ добродѣтели, которыхъ сѣмя отъ природы влагаются въ сердца наши. Безъ сомнѣнія люблю я говорить съ кресстьянами. Ихъ простота плѣняетъ меня; выраженія ихъ бываютъ часно смѣшны, однакожь не подлы. Они представляютъ мнѣ въ-которое подобіе того щастливаго состоянія рода человѣческаго, въ которомъ пи-

ща, одежда и кровѣ составляли все его потребности. Однимъ словомъ сказать, я люблю бытъ съ ними вмѣстѣ и разсмапривать ихъ, для того что они трудолюбивы и добродѣтельны; я люблю слушать ихъ разговоры, для того что они правдивы и просны. Вчера Сергѣй, крестьянинъ нашъ, увидѣвши рѣзвившуюся Елисавету, съ радости закричалъ: *какая бллая голубушка!* Такое выраженіе маперинскому моему самолюбію было пріятнѣе, нежели обыкновенная похвала въ большихъ городахъ: *она прекрасна.* Впрочемъ не забывайше того, дѣти мои, продолжала Г. Добролюбовъ, что я говорю вообще, и что все пакія сужденія подвержены исключеніямъ. Можно найти крестьянъ порочныхъ, а слугъ добродѣтельныхъ. Въ примѣрѣ можешъ служить вамъ Иванъ, слуга Петрушинъ. А черезъ нѣсколько дней расскажешъ вамъ бабушка чувствительную повѣсть, которая еще лучше докажешъ вамъ, что нѣтъ такого состоянія, въ которомъ бы не лзя было найти людей добродѣтельныхъ. Вы уже знаете, машушка, эту повѣсть? — Знаю, и мы вывѣдали даже все ея подробности отъ одного пріятеля нашего, знавшаго корешко Героевъ ея. ---

,,Ахъ

„Ахъ какъ мнѣ хочется узнать эту повѣсть!“, --- И мнѣ! --- „И мнѣ!“, Черезъ четыре дня будете вы имѣть это удовольствіе. --- „Черезъ четыре дня? это еще долго.“

Наконецъ четыре дня прошли. Какую радость принесли дѣшамъ сумерки! какимъ сладчайшимъ удовольствіемъ пшало ихъ наступленіе ночи! — Въ половинѣ девятаго часа вся семья опужинала: всякой сѣлъ на свое мѣсто, а Г. Правосудова начала рассказывать слѣдующую повѣсть.

IV.

М Ѣ Д Н И К Ѣ ,

или

взаимная благодарность.

Иаковъ II, Король Англійской, принужденъ былъ оставить государство свое. Онъ удалился во Францію, и Лудвигъ XIV далъ ему убѣжище въ Ст. Жерменѣ. Нѣкоторые вѣрные подданные послѣдовали за Королемъ Іаковомъ и тамъ же поселились. Госпожа Вароннѣ, кошорой испо-

рію хочу я вамъ разсказывать, происходила отъ одной изъ сихъ Ирландскихъ фамилій. При жизни мужа своего содержала она домъ свой приспойнымъ образомъ; но спавши вдовою, безъ покровительства и безъ родственниковъ, не могла она получить и части изъ того жалованья, копорымъ жилъ мужъ ея. Между тѣмъ писала она къ Министрамъ, и посылала множество прошеній. Ей отвѣчали, что *прозьбу ея предложили Королю*. Сею надеждою довольствовалась она почти два года. Наконецъ, пославши еще новое прошеніе, получила она формальной отказъ, такъ что уже не осталось ей никакого сомнѣнія въ разсужденіи ея судьбы. Положеніе ея было самое жалостное. Въ прошедшіе два года распродала она все свое серебро и всѣ домовые приборы: не оставалось уже ей никакихъ средствъ. Любовь ея къ уединенію, набожность и худое здоровье, всегда удаляли ее отъ общества; а послѣ смерти мужа ея она почти совсѣмъ никому не казалась. Такимъ образомъ была она безъ помощи, безъ друзей, безъ надежды и въ крайней бѣдности; а къ совершенію злополучія ея, была она угнѣтаема старостию и болѣзнями. Въ сей крайности прибѣгнула она

она къ истинному Источнику всякаго ушѣшенія, ко всеобщему Отцу нашему; къ Тому, Которой могъ перемѣнить судьбу ея, или даровать ей силу шerpвливо сносить ея несчастіе. Она поверглась на колѣни, молила Бога съ вѣрою, и скоро почувствовала въ душѣ своей спокойствіе, получивши силы и бодрость. Съ шepвдостью взирала она на ужасное свое состояніе. Естли уже необходимо, размышляла она, надобно мнѣ лишиться сей брeнной жизни, то не все ли одно, болѣзнь или голодъ прекратитъ ее? не все ли одно, подѣ богатымъ ли балдахиномъ умереть, или на соломѣ? Не уже ли смерть моя будетъ отъ шerго мучительнѣе, что я ничего драгоцѣннаго на землѣ не оставлю? Нѣтъ! напрошивъ шerго не будетъ мнѣ нужды ни въ какихъ земныхъ ушѣшителяхъ; при смерти не надобно мнѣ будетъ приносить никакой жертвы. Оставленная цѣлымъ міромъ, буду я только помышлять о Томъ, Кто міромъ управляетъ; я увижу Его въ готовности принять духъ мой и наградитъ его: смерти буду я дожидаться какъ величайшаго Его благодѣянія.

„Какое мужество! воскликнула Елисавета; можно ли умирать безъ всякаго

сожалѣнія о жизни? „ — Можно, но только одному добродѣтельному, ошвѣчала Г. Правосудова; къ тому же у Госпожи Вароннѣ не было дѣшей . . . „ Ни матери, ни супруга, примолвила дочь ея. „ — Христіанской Законѣ, продолжала Г. Правосудова, дѣлаешь насъ въ смерти Героями; а я уже сказала вамъ, что Госпожа Вароннѣ была истинно набожна (*). — Возвратимся къ нашей повѣсти.

Между шѣмъ, какъ она занималась такимъ размышленіемъ, вошелъ къ ней

вѣ

(*) Извѣстно восклицаніе Французской Принцессы, супруги Регеншовой, прославившейся многими добродѣтелями и великимъ благочестіемъ. Она умирала съ такимъ спокойствіемъ, которое удивило всѣхъ окружавшихъ ее. Причастившись Святыхъ Таинъ, и долгое уже время боровшись со смертію, вдругъ воскликнула она: „Ахъ какъ смерть сладостна! „ Это были послѣднія ея слова. Твердость духа можетъ насъ довести до того, что при смерти не покажемъ мы слабости; однако же смерть все еще не будетъ намъ пріятна: такое чувство можетъ намъ сообщить только непорочность совѣсти и твердая вѣра.

вѣ комнапу слуга ея, Амвросій — одна-
кожъ мнѣ надобно его описатьъ вамъ. Онъ
былъ человѣкъ лѣтъ сорока, и служилъ
уже Госпожѣ Вароннѣ дваццать лѣтъ.
Онъ не умѣлъ ни чипать, ни писать;
опѣ природы былъ сердитъ, не слово-
охотѣнъ, бранчивъ, и видъ имѣлъ всегда
пакой, какъ будто бы всѣхъ поварищей
своихъ презиралъ, а съ Господами хотѣлъ
браниться. Всегдашняя его холодность
и грубость дѣлали услугу его не очень
пріятною. Однакожъ основательность его,
хорошее поведеніе и вѣрность, награждали
наружные недоспашки, и его почипали
всегда добрымъ слугою. При всемъ томъ
знали его только со стороны природныхъ
хорошихъ качествъ; но онъ обладалъ вы-
сокими добродѣтелями, и подъ грубою
внѣшностію сокрывалъ чувствительную
и великую душу.

Госпожа Вароннѣ послѣ смерти мужа
своего распустила всѣхъ слугъ, оставивши
у себя только одну кухарку, горничную,
служанку и Амвросія. Наконецъ пришло
такое время, въ которое надлежало оп-
пустить и послѣднихъ. Амвросій, какъ
я сказала вамъ, вошелъ къ ней въ ком-
напу. Это было зимою; онъ принесъ
беремя дровъ и хотѣлъ класть ихъ въ

каминѣ. „Послушай, Амвросій! сказала ему Госпожа: мнѣ надобно поговоришь съ побою.„ Чувствительной голосѣ, которымъ она произнесла сіи слова, поразилъ его. Онѣ бросилъ на полѣ дрова, обернулся къ ней, и смотря ей прямо въ глаза, сказалъ: „Боже мой! что такое сдѣлалось, сударыня? — „Не знаешь ли ты, Амвросій, сколько я должна кухаркѣ?„ — Вы ничего не должны ни ей, ни мнѣ, ни Марьѣ: вы вчера за цѣлой мѣсяцѣ заплашили. — „Я было позабыла; однакожь скажи, Амвросій, и кухаркѣ и Марьѣ, что онѣ уже мнѣ не надобны; да и самъ ты, другъ мой, поищи себѣ другаго мѣсца.„ — Другаго мѣсца? — . . . Что это значить? . . . Этому не бывать: я умру вашимъ слугою; нѣтъ, сударыня, что бы такое ни было, а я опѣ васѣ не опойду. — „Ты не знаешь, Амвросій, обстоятельство моихъ.„ — А вы не знаете Амвросія. Еслили у васѣ опнимаютъ сколько изъ жалованья покойнаго Барина, что вамѣ не чего будетѣ плашить кухаркѣ съ дѣвкою, такѣ опошлили ихъ: а я, кажется, не заслужилъ еще того, чтобы меня со двора гонять. У меня сердце не каменное, сударыня . . . „Да у меня ничего нѣтъ, Амвросій: нѣтъ ни

од-

одной полушки. Я все уже продала, что имѣла, а мужнино жалованье у меня все отнимающѣ. „ --- Все? не правда; этому бышь не лзя. --- „ Однакожь это такѣ. „ --- Боже мой! --- „ Надобно повиноваться Божиему опредѣленію безѣ всякаго ропота. Я чувствую великое ушѣшеніе въ своемѣ нещастіи, чувствуя въ себѣ покорность къ волѣ Провидѣнія. Множесство людей на шарѣ земномѣ, множесство добродѣтельныхѣ семействѣ въ одномѣ со мною положеніи. По крайней мѣрѣ нѣтъ у меня дѣшей; спраданіе мое не велико, потому что я спрадаю одна. „ -- Нѣтъ, нѣтъ! закричалѣ Амвросій, проливая слезы: нѣтъ! вы не будете спрадать. У меня есть руки: я могу работать. — „ Дражайшій другѣ мой! перервала слова его пронутая Госпожа Варонѣ: я никогда не сомнѣвалась въ твоёмѣ усердіи . . . однакожь я не хочу употребить его во зло. Прошу у тебя только того, чтобы ты нанялѣ мнѣ маленькую комнату въ пятомѣ жильѣ. У меня есть еще нѣсколько денегѣ, которыми могу я прожить два, или три мѣсяца. Я стану работать, стану вязать филе. Ищи мнѣ въ Ст. Жерменѣ работы: востѣ все, чего я отѣ тебя требую, и

чтѣ

что ты для меня сдѣлать можешь. „ —
Въ продолженіи сей рѣчи споялъ Амвросій прошивъ Госпожи своей и въ молчаніи смошрѣлъ на нее; едва она говоритъ переспала, бросился онъ на колѣни и сказалъ: „Бѣдной Амвросій клянешся служишь вамъ до скончанія своей жизни; служишь отъ всего сердца и съ такимъ почтеніемъ, съ какимъ еще не служилъ онъ вамъ никогда. Дваццать лѣтъ вы меня поили, кормили и одѣвали; вами былъ я щасливъ. Часто упошреблялъ я во зло милость вашу и ваше терпѣніе. Простите мнѣ, милоспивая государыня, всѣ шѣ прослупки, до копорыхъ доводило меня мое злонравіе. Будше увѣрены, что я ихъ заглажу; для эпова шолько и прошу я Бога о продолженіи жизни моей. „ — Послѣ сихъ словъ Амвросій, все еще проливая слезы, вспалъ и поспѣшно вышелъ вонъ, не дожидавшись отвѣта.

Не шрудно представить себѣ, сколь живо было чувство признашельности, исполнявшее сердце Госпожи Вароннѣ. Она ощущала, что нѣшѣ шакого зла, копорого бы сладкое чувство сіе облегчить не могло. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ Амвросій возвратился; онъ принесъ

несѣ маленькой кожаной мѣшокъ, и положивши его на каминѣ, сказалъ: „ Слава Богу, сударыня! . . . благодарю васѣ и покойнаго Господина. Тутѣ припцать луйдоровѣ. Деньги получены отѣ васѣ; онѣ вамѣ принадлежатѣ. — „ Боже мой! ты хочешь опдашь по, что заслуживалѣ дваццать лѣтѣ? „ --- Естѣли бы у васѣ были деньги, вы бы меня ссудили. У васѣ ихѣ нѣтѣ, такѣ я ихѣ вамѣ возвращаю. Для эпова - по только деньги и хороши. Знаю, что такое малое число денегѣ не можепѣ совершенно поправить худыя ваши обстоятельства; однакожѣ послушайте, что я сдѣлашь намѣренѣ. Вы знаете, сударыня, что у меня отецѣ былѣ мѣдникѣ, и что я еще не забылѣ перваго ремесла своего; пошому что вѣ праздное время ходилѣ я иногда сѣ позволенія вашего къ мѣднику Никольпу, земляку моему, и по охотѣ работалѣ у него. Теперь возмусѣ я за работу поприлѣжнѣе и гораздо сѣ большимѣ удовольствіемѣ. --- „ Этова уже слишкомѣ много! закричала Госпожа Вароннѣ. Человѣкѣ добродѣтельной! вѣ какое недостойное души швоея состояніе судьба привела шебя!, --- Я доволенѣ, отвѣчалѣ Амвросій, естѣли вы при перемѣнѣ участи вашей будете спокой-

койны. --- „Усердіе швое, Амвросій, наградишъ меня за все. Но могу ли я быть покойна, видя, что ты за меня спрадаешъ?„ — Да почему спрадашь? потому что работашъ спану? да ешь-ли еще эша работа и вамъ будетъ приносить пользу? Нѣтъ, сударыня, нѣтъ! я буду очень щасливъ. Работашъ начну я съ завтрашняго дня. Никольтъ человекъ доброй и не засшавишъ меня быть безъ работы. Онъ здѣсь въ славѣ; ему же теперь работникъ надобенъ. Сила въ плечахъ у меня есть: я заработаю за двухъ, и все дѣло будетъ въ порядкѣ. --- Госпожа Вароннъ, не находя словъ къ изъясненію чувствъ своихъ, подняла глаза къ небу и опшвѣчала шолько однѣми слезами.

На другой день кухарка и горничная дѣвка получили оппускъ. Амвросій началъ въ Ст. Жерменъ маленькую комнату, довольно чистую и свѣтлую, въ прешіемъ жильѣ, и перенесъ въ нее остальныя Госпожи своей домовыя приборы. Послѣ того проводилъ онъ ее шуда. Она нашла въ нвой своей комнатѣ хорошую постелью, покойныя креслы, маленькой шполикъ съ чернилицею и бумагою, надъ кошорымъ разспавлены были въ порядкѣ

на

на пясти, или шести полкахъ книги ея, и большой сундукъ, въ которомъ лежало ея бѣлье, плащье, нитки, серебряной столовой приборъ, потому что Амвросій не хотѣлъ заславить Госпожу свою бѣспя на оловъ, и кожаной мѣшокъ съ прищипашью луйдорами. Въ углу комнашы, за перегородкою, стояла поваренная глиняная посуда. Вошъ, сударыня, сказалъ Амвросій, какую комнашу могъ я приготовить вамъ за опредѣленные вами для эпова деньги. Хотя комнаша одна, однакожь будетъ здѣсь мѣсто спать дѣвкѣ безъ всякаго для васъ безпокойства; подъ вашу постелею лежатъ для нее кожаной пюфякъ. --- Дѣвка? съ удивленіемъ произнесла Госпожа Вароннъ: о какой дѣвкѣ говоришь ты? --- „Да развѣ можно вамъ, сударыня, обойтись безъ дѣвки, которая бы варила кушанье, подавала вамъ, чего вы спросите, и раздѣвала васъ?“, --- Да послушай, Амвросій, . . . О! эта служанка не дорого будетъ вамъ стоить; она дѣвушка лѣтъ шринадцати, денегъ съ васъ никакихъ не потребуетъ, а будетъ довольна тѣмъ, что ей послѣ васъ останется. А что до меня касается, такъ я уже во всемъ съ Никольшомъ уговорился. Я сказалъ ему, что вы, бу-

дучи

дучи принуждены уменьшить расходы свои, должны опустить меня; чшс я не зналъ, за что принялся, и наконецъ рѣшился итти въ работу. Землякъ мой Никольшъ, человекъ богатой и доброй, беретъ меня къ себѣ въ домъ, до котораго отсюда только нѣсколько шаговъ; онъ беретъ меня и поитъ и кормитъ, да всякой день спанетъ мнѣ еще даватъ по ливру. Въ Сп. Жерменъ все дешево; и такъ вы безъ всякой нужды будете жить такимъ доходомъ, имѣя еще въ запасъ нѣсколько наличныхъ денегъ. Я не хотѣлъ вамъ эпова говорить при Сусаннѣ, новой вашей служанкѣ. Теперь приведу я ее къ вамъ. --- Сказавши сіе, онъ ушелъ; но тотчасъ возвратился, приведши съ собою прекрасную дѣвушку. Онъ представилъ ее Госпожѣ своей, говоря: „Вотъ, сударыня, та дѣвушка, о которой я говорилъ вамъ. Отецъ и мать ея бѣдны, однако же они люди прудолюбивые. Дѣшей у нихъ шестеро, и вы сдѣлаете великое благодареніе, естли дочь ихъ возьмете къ себѣ въ служанки.“ --- Послѣ сего Амвросій увѣщавалъ Сусанну вести себя хорошо; наконецъ опкланялся онъ Госпожѣ Вароннѣ, и пошелъ къ пріятелю своему Никольшу.

живши его на сполѣ, сказалъ: *вотъ заработанныя мною съ день деньги.* Не дождавшись отвѣта, призвалъ онъ Сусанну и возвратился къ Никольшу. --- Сколь покоенъ долженъ быть сонъ, и сколь приятно пробужденіе послѣ такого употребленія плода дневныхъ трудовъ! По тому, что мы чувствуемъ послѣ какого нибудь добраго дѣла своего, можемъ мы судить о томъ неслышанномъ удовольствіи, которое производитъ дѣло великодушное.

Амвросій, исполняя вѣрно наложенныя имъ на себя высокія должности, всякой вечеръ приходилъ къ Госпожѣ Вароннѣ и приносилъ ей выработанное дѣньги. Въ исходѣ мѣсяца оставлялъ онъ у себя только нѣкоторое число денегъ, которыя необходимо надобно было плащить за мышь бѣлья и за нѣсколько бутылокъ пива, которое пилъ онъ по Воскресеньямъ и прочимъ праздникамъ. Но и сіе малое число денегъ всегда выпрашивалъ онъ у Госпожи Вароннѣ, принимая то за подарокъ отъ нее. Напрасно увѣряла она, что ей прожить можно и гораздо меньшимъ доходомъ, видя съ прискорбіемъ, что великодушной Амвросій единственно для нее шудитъ: въ такомъ случаѣ онъ

онѢ ее либо не слушалѢ, или казался сколько ошѢ того печальнымѢ, что она бывала принуждена молчать.

Госпожа ВароннѢ, надѢясь съ своей стороны сколько нибудь успокоить Амвросія, также почти беспрестанно работала и вязала филе. Сусанна помогала ей и ходила продавать работу. Но когда Госпожа ВароннѢ сказывала Амвросію о той прибыли, которую доставляетъ ей небольшой торгѢ ея, то онѢ ошѢчалѢ всегда одинаковыми словами: *тѢмѢ лучше*, и вѢ ту же минушу начиналѢ говорить о чемѢ нибудь другомѢ. Время никакѢ не перемѢнило поступокѢ его; вѢ печеніи чепырехѢ лѢшѢ непрерывно показывалѢ онѢ неограниченное усердіе къ ГоспожѢ своей. НаконецѢ пришло по время, вѢ которое ужаснѢйшему несчастію надлежало поразить сердце Госпожи ВароннѢ. ВѢ одинѢ вечерѢ, когда она по обыкновенію дожидалась Амвросія, вошла къ ней вѢ комнату служанка Никольпова, съ увѢдомленіемѢ, что Амвросій занемогѢ и принужденѢ былѢ лечь на постелю. ПослѢ сего печальнаго извѢстія Госпожа ВароннѢ просила служанку проводить себя вѢ ту же минушу къ Никольшу, приказавши СусаннѢ поскорѢе привести шуда лѢкаря.

Приходомъ своимъ удивила она Никольша, кошорой ее отъ роду вѣ глаза не видалъ. Она просила его провести ее вѣ комнашу кѣ Амвросію. — „Да какѣ вамѣ ишши кѣ нему, сударыня! не лъзя.“ — Почему? — „Кѣ нему надобно ишши по лѣсницѣ.“ — По лѣсницѣ? . . . бѣдной Амвросій! . . . проводите меня шуда. — „Да вы, сударыня, можете переломить себѣ и ноги и руки; кѣ шому же лежишѣ онѣ вѣ такой конурѣ, что вамѣ не лъзя будешѣ шамѣ и спать прямо.“ — Сіи слова заставили Госпожу Вароннѣ пролишь нѣсколько слезѣ. Она приступала кѣ Никольшу вести себя шуда. Онѣ провелѣ ее по узенькой лѣсницѣ вѣ темной чердакѣ, вѣ углу кошораго лежалѣ Амвросій на соломѣ. Любезной Амвросій! закричала она увидя его! вѣ какомѣ соспоянніи нахожу себя! А ты всегда говорилѣ, что жилищемѣ своимѣ доволенѣ; что оно очень хорошо . . . Амвросій не вѣ соспоянніи былѣ ей отвѣшпвовашь; около уже часа былѣ онѣ вѣ безпамяшпствѣ. Госпожа Вароннѣ, увидя сіе, поверглась вѣ великую печаль. Наконецѣ пришла Сусанна сѣ лѣкаремѣ. кошорой, взлѣзши на чердакѣ, не мало удивился, увидя подлѣ мѣдникава работника, лежащаго на

на соломѣ, хорошо одѣшую Госпожу благороднаго вида, которая казалась въ величайшемъ опчаяніи. Онѣ подошелъ къ больному, прилѣжно разсматривалъ его, и сказалъ, что его уже поздно призывали. — Подумайте, дѣши, что почувствовала Госпожа Вароннѣ, услышавши ужасное сіе рѣшеніе. — „Самому онѣ себя, сказалъ Никольшѣ. Дней уже съ восемь бѣднякъ былъ боленъ, а работашѣ не переспавалъ, сколько я ему о томъ ни говорилъ. Только еще нынѣ по утру легъ онѣ, да и по съ прудомъ. Чтобы оспашься у меня въ работникахъ, бралъ онѣ на себя работы болѣе того, что человѣку сдѣлать можно; онѣ уморилъ себя трудами.„ — Каждое слово было смертнымъ ударомъ сердцу Госпожи Вароннѣ. Она оборотилась къ лѣкарю, и со слезами просила его не оспавлять Амвросія. Лѣкаръ былъ человѣкъ доброй; сверхъ того все видѣнное имъ возбуждало его любопытство. И такъ онѣ безъ всякой опговорки согласился провести часть ночи подлѣ больного. Госпожа Вароннѣ опправила къ себѣ домой за шюфякомъ, простынею и одѣяломъ, и послала съ Сусанною постелю, на которую Никольшѣ съ лѣкаремъ полсжили Амвросія. Послѣ

сего бросилась Госпожа Вароннѣ на деревянную скамью, и дала свободное теченіе слезамъ своимъ. Въ четыре часа утра лѣкарь ушелъ, пустивши прежде больному кровь, и обѣщавши опять припши въ полдень. — Госпожа Вароннѣ ни на минуту не опходила отъ Амвросія. Цѣлыя сушки провела она подлѣ постели его, не получая отъ лѣкаря никакой надежды. На претій день примѣшилъ онъ въ немъ перемѣну къ лучшему, а ввечеру ручался уже за его жизнь. —

Госпожа Добролюбова перервала шупъ повѣсть матери своей, бояся, чѣобы долгое разсказываніе ее слишкомъ не утомило, хопя тогда не было еще и половины десятаго часа, и просила ее опложись окончаніе исторіи до слѣдующаго дня. Да теперь еще очень рано, сказала съ неудовольствіемъ Елисавета. А развѣ ты не примѣчаешь того, сказала Г. Добролюбова, что бабушка успала, и чѣо она уже нѣсколько разъ кашляла? — „Машушка!“, ... Чувствительному сердцу надобно имѣть болѣе примѣчанія; оно боишься употребить во зло шу благосклонность, коюбрую намъ оказываютъ. — „Извините меня, машушка; я чувствую проступокъ свой.“ — И такъ я увѣрена,
чпю

что ты уже его въ другой разъ не сдѣлаешь и не захочешь, чтобы для удовольствія своего кпо нибудь потерпѣлъ вредъ., — Послѣ сего краткаго насшавленія пошли всѣ ложиться спать, а на другой день Г. Правосудова продолжала испорію свою слѣдующимъ образомъ:

Я не въ силахъ описать вамъ радость и восхищеніе Госпожи Вароннѣ, видя Амвросія внѣ опасности. Она не хотѣла спать еще и слѣдующую ночь; однакожъ Амвросій, пришедшій уже въ себя, неопступно просилъ ее ипши успокоиться. Она возвратилась домой въ величайшей усталости. На другой день пришелъ къ ней лѣкаръ, принимавшій шакое во всемъ участіе и попеченіемъ о Амвросіи вселившій въ нее шакую къ себѣ благодарность, что она не могла отказатьсь отшвѣчать на вопросы его. Она удовлетворила его любопытшству и рассказала ему всю свою испорію. Черезъ шри дня послѣ шого долженъ былъ лѣкаръ возвратиться въ Парижъ, пошому что обыкновенное его жилище было не въ Сп. Жерменѣ. Отшвѣздъ его былъ очень поспѣшенъ; Госпожу Вароннѣ оставилъ онъ въ добромъ здоровьѣ, а Амвросія въ великомъ облегченіи.

Между шѣмъ Госпожа Вароннѣ была въ самыхъ жалкихъ обстоятельствѣхъ. Въ восемь дней издержала она для Амвросія почти всѣ свои деньги: оспяшкомъ могла она еще прожить пять, или шесть дней; однакожъ и чрезъ сіе время Амвросій не могъ еще работашь, и она прешала, помышляя, что нужда можетъ его заставитъ опять взяться за работу, и что ошѣ эпова онѣ опять занемочъ можетъ. Тутъ почувствовала она несчастное свое положеніе. Она упрекала себя за то, что принимала помощь отъ великодушнаго Амвросія. Безъ меня бы, говорила она, былъ онѣ щасливѣ: работа доставила бы ему честное содержаніе. Усердіе ко мнѣ лишило его и спокойствія и щасія. Оно можетъ лишитъ его и жизни. А я, я умру безъ заплашы ему . . . Безъ заплашы? . . . ахъ! еспьли бы и весь міръ былъ въ волѣ моей, и тогда не могла бы я заплашитъ ему; одинѣ только Богѣ заплашитъ ему за святое его дѣло: только Онѣ одинѣ можетъ наградитъ такую добродѣтель!

Въ одинѣ вечерѣ, когда Госпожа Вароннѣ погружена была въ сихъ печальныхъ размышленіяхъ, Сусанна совсѣмъ безъ души вбѣжала къ ней, сказывая, что

что какая-то прекрасная Госпожа хочетъ ее видѣть. Она конечно ошибается, оп-
 вѣчала Госпожа Вароннѣ. Нѣтъ, нѣтъ,
 сказала Сусанна: я сама ее видѣла; она
 сказала: *Госпожа Вароннѣ, которая жи-
 веть здѣсь у Г. Давіста, въ третьемъ
 жильѣ на дворѣ.* Она сказала это изъ
 своей кареты, въ которой впряжены шесть
 хорошихъ лошадей. Я была у воротъ;
 она здѣсь живетъ, сударыня, сказала я
 ей. Она опвѣчала: *потрудись сказать
 Госпожѣ Вароннѣ, чтобы она позволила
 мнѣ на минуту съ нею видѣться.* Я уда-
 рилась бѣжать., . . . Тутъ услышала
 Госпожа Вароннѣ, что у дверей шихо
 стучался. Она вспала въ великомъ дви-
 женіи, отворила двери и увидѣла въ са-
 момъ дѣлѣ прекрасную собою Госпожу,
 которая подходила къ ней съ робкимъ и
 нѣжнымъ видомъ. Госпожа Вароннѣ вы-
 слала Сусанну вонъ. Незнакомая, оспав-
 шись съ нею одна, сказала ей: съ радо-
 стію имѣю щастіе увѣдомишь васъ, мило-
 сивая Государыня, что Королю извѣстны
 уже обстоятельствова ваши, и что ми-
 лость его извлекаетъ васъ изъ вашего
 несчастія. . . . О Амвросій! вскричала
 Госпожа Вароннѣ, сжавши руки и поднав-
 ши глаза на небо съ видомъ живѣйшей

радости и признашельности. Въ сію минупу незнакомая не могла опѣ слезѣ удержашься. Сѣ горячностію схватила она ее за руку, сказавши ей: побдемте, сударыня, побдемте въ приготоовленное для васѣ жилище! . . . Ахѣ, сударыня! перервала ея рѣчь Госпожа Вароннѣ: какѣ могу я вамѣ изѣяснить . . . Но еспьли мнѣ позволишся . . . прошу . . . у меня еспѣ, сударыня, благодѣпель: позволъте мнѣ его о всемѣ увѣдомишъ. — Вы можепедѣлашъ все, чшо вамѣ угодно, опвѣчала незнакомая; а чшобы не заспавишъ васѣ въ чемѣ нибудѣ принуждашъ себя, не поѣду я сѣ вами въ домѣ вашѣ. Позвольте мнѣ полько проводишъ васѣ до карешы вашей, копорая стоишѣ у ворошѣ. — „Кареша моя!„ — Такѣ, сударыня; пойдемте поскорѣе. — Незнакомая повела Госпожу Вароннѣ, копорая насилу могла передвигашъ ноги. Когда онѣ сошли сѣ крыльця, незнакомая сказала слугѣ, дождавшемуся ее шупѣ: *пошли людей Госпожи Вароннѣ*. Послѣдняя не вѣрила ни глазамѣ, ни слуху своему, почиая все за сновидѣніе. Удивленіе ея еще увеличилось, какѣ подбѣжалѣ кѣ ней лакей въ дикой ливреѣ, говоря: *карета, сударыня, готова*. Кареша была небогатая,
одна-

однакожъ очень хорошая. Незнакомая велѣла отворить дверь, и посадя Госпожу Вароннѣ, ее оставила, пошедши садиться въ свою карету. Новой лакей Госпожи Вароннѣ спросилъ ее, куда она прикажетъ ѣхать? Къ мѣднику Никольшу, отвѣчала она дрожащимъ голосомъ.-- Легко можете представить себѣ, дѣши мои, какое движеніе и какой шепетъ въ сердцѣ ея произвелъ видъ этого дома. Она дернула за шнурокъ: карета остановилась; отворивши сама дверь, оперлась она о плечо лакея и пошла къ Никольшу въ лавку. Первой предметъ, представившійся тамъ глазамъ ея, былъ самъ Амвросій въ рабочемъ своемъ плащѣ; онъ едва только могъ вспасть съ постели, однакожъ, не взирая на слабость свою, принялся уже за работу. Госпожа Вароннѣ, увидя его въ трудахъ, почувствовала сладчайшее удовольствіе въ душѣ своей. Онъ прудился для нее, а она пріѣхала освободить его навсегда отъ паяжковъ работы, бѣдности и изнеможенія. Въ полной мѣрѣ наслаждалась она тѣмъ счастьемъ, которое глубочайшая и истинная благодарность можетъ доставить душѣ чистой. Дражайшій Амвросій! воскликнула она съ восхищеніемъ: поди, поди

за мною . . . оставь эту работу, за которую уже тебѣ никогда не будетъ нужды приниматься; участь своя пере-мѣнилась . . . Поди, не медли вкусить благополучіе наше. --- Амвросій, приведенной въ изумленіе, щещно просилъ изъясненія; напрасно просилъ онъ подождать хотя сколько, чтобы успѣть переодѣться и надѣть на себя праздничной свой кафтанъ. Госпожа Вароннѣ не могла его ни слушать, ни отвѣчать на вопросы его. Она схватила его за руку, пошщила съ собою и принудила его сѣсть въ карету. Слуга спросилъ ее, не въ новой ли свой домъ она ѣхать прикажетъ. Да, другъ мой! отвѣчала она съ неописанною радостью, смотря на Амвросія: прикажи везти насъ домой.

Въ каретѣ. Госпожа Вароннѣ уведомила Амвросія о посѣщеніи неизвѣстной благовѣстницы: такъ называла она ее. Амвросій слушалъ ее съ радостью, смѣшенной со страхомъ и сомнѣніемъ; едва вѣрилъ онъ такому чрезвычайному и нечаянному щастію. Наконецъ карета остановилась у воротъ хорошаго низенькаго домика въ Ст. Жерменской роцѣ. Госпожа Вароннѣ и Амвросій вышли. Они вошли въ залу, въ которой дожидалась ихъ не-
зна-

знакомая Госпожа. Подошедши къ Госпожѣ Вароннѣ, и подавая ей бумагу, сказала она: Король приказалъ мнѣ вручить вамъ эту бумагу: эшо указъ о выдачѣ вамъ ежегодно десяти тысячъ ливровъ; а онъ предоспавляетъ вамъ еще волю назначить половину эшова жалованья такому человѣку, какому вы сами за благо разсудите. Какое благодѣяніе! воскликнула Госпожа Вароннѣ. Вошѣ, сударыня, шошѣ человѣкѣ; вошѣ человѣкѣ добродѣтельной, достойной вашего покровительства и милости Его Величества. — Амвросій, споявѣ за Госпожею своею, пришелъ еще въ большее смятеніе; съ видомъ спѣдливымъ отступилъ онъ нѣсколько шаговъ назадъ, снявши съ головы своей колпакъ, и не взирая на чрезвычайную свою радость, былъ онъ въ мучительномъ замѣшательствѣ, слушая такую себѣ похвалу. Сверхъ того ему непріятно было показаться Госпожѣ на первой разѣ безъ парика, въ кожаномъ передникѣ и въ замаранномъ камзолѣ; онъ сожалѣлъ тогда о праздничномъ своемъ кафтанѣ. — Незнакомая приблизилась къ нему. Постой, Амвросій, говорила она ему, постой; позволь мнѣ хотя на минушу посмотретьъ на себя. Да что такое, сударыня?

дарыня? сказалъ Амвросій, переворачивая въ рукахъ колпакъ свой: я не сдѣлалъ еще ничего чрезвычайнаго; шутъ не чему удивляться. Госпожа Вароннѣ перервала слова его, и начала съ жаромъ и поспѣшностію рассказывать всѣ его въ разсужденіи ея одожденія. Послѣ сего повѣствованія незнакомая вздохнула, будучи сердечно тронута; подняла глаза на небо и сказала: наконецъ наслаждаюсь я удовольствіемъ видѣть два истинно чувствительныя и благодарныя сердца, видѣвши прежде такое множество неблагодарныхъ! . . . Простите сударыня! этотъ домъ со всѣми приборами принадлежитъ вамъ, и вы потчасъ получите жалованье за первую претъ. Сказавши сіе, незнакомая пошла къ дверямъ. Госпожа Вароннѣ бросилась за нею, и обливаясь слезами, упала на колѣни. Незнакомая ее подняла, обняла съ горячностію и вышла вонъ. Едва только успѣла она затворить за собою двери, какъ онѣ опять отворились, и Госпожа Вароннѣ увидѣла того лѣкаря, которой спасъ Амвросію жизнь. . . .

„Такъ я и не ошибся! закричалъ Пешръ: я думалъ, что не кому было рассказать незнакомой Госпожѣ всего этого дѣла, кромѣ добродушнаго лѣкаря.“

Пра-

Правда, что ты не ошибся, оповѣчала ему бабушка; и какъ скоро Госпожа Вароннѣ увидѣла его, такъ скоро и догадалась. Оказавши ему всю свою признательность, спрашивала она у него о всемъ, и узнала, что незнакомая называлась Госпожею П. * * * что она жила всегда въ Версалѣи и была при Дворѣ въ силѣ. Два года уже, продолжалъ онъ, я въ домѣ у нее лѣкаремъ, и знаю ея благошворительность; я увѣренъ былъ, что она войдетъ въ ваши обстоятельства, если узнаетъ вашу исторію. Да и въ самомъ дѣлѣ, только что рассказалъ я ей о вашемъ положеніи, купила она этакъ маленькой домикъ и выпросила у Короля по жалованью, о выдачѣ котораго опдала она вамъ указъ.

Тутъ вошелъ слуга и сказалъ Госпожѣ Вароннѣ, что кушанье на столѣ поставлено. Она просила лѣкаря у нее опужинашь. Пришедши въ столовую, сажала она Амвросія подлѣ себя, но онъ не соглашался, говоря, что непристойно ему сидѣть съ Госпожею. Какъ! сказала она: развѣ другъ и благодѣтель мой не равенъ со мною? --- Скромной и великодушной Амвросій повиновался, а госпожа Вароннѣ, сидѣвшая между имъ и лѣкаремъ,

насла-

наслаждалась полнымъ удовольствіемъ, которое нѣжному сердцу можетъ доспавить признапельность и щаспливая возможность изъяснять чувства свои.

На другой день Госпожа Вароннѣ купила Амвросію хорошее плащье, и наилучшимъ образомъ прибрала комнапы его. Во всю свою жизнь она съ нимъ все раздѣляла, и получая деньги, съ нѣжноспію всегда воспоминала о томъ времени, въ которое вѣрной Амвросій носилъ ей по ливру, говоря: *вотъ заработанныя мною въ день деньги.* —

V.

Эта исторія, дѣши мои, продолжала Г. Правосудова, доказываетъ, какъ - то сказала мать ваша, что нѣтъ такого званія, нѣтъ такого состоянія, въ которомъ бы не было добродѣтельныхъ. Она доказываетъ еще и то, что намъ надлежитъ бытъ всегда добродѣтельными, еспли мы точно знаемъ выгоды свои. Рѣдко остается доброе дѣло въ тайнѣ; не возможно, чтобы геройской поступокъ пребылъ неизвѣстенъ и не получилъ славной награды. Амвросій, жертвуя собою Госпожѣ своей, спрашивалъ совѣта у одного

одного только сердца своего. Но положимъ, что имъ правила единственно разумъ и честолюбіе: даже и въ такомъ случаѣ не могъ бы онъ лучше расположить поступки свои для содѣланія себя щасливымъ. Тогда бы онъ такъ размышлялъ спалъ: „Я намѣренъ вознесшись выше состоянія своего: какъ же мнѣ вести себя? Я бѣденъ, неизвѣстенъ: чѣмъ могу я привлечь къ себѣ вниманіе и благоволеніе тѣхъ, которые могутъ перемѣнить судьбу мою? Какія суть самыя вѣрнѣйшія средства для возбужденія къ себѣ въ другихъ людяхъ постоянного вниманія, и для принужденія ихъ взять самое живое участіе въ обстоятельствахъ моихъ? . . . Дарованія? да у меня ихъ нѣтъ. Но хотя бы обладалъ я и великими способностями, однакожь между множествомъ другихъ могъ бы я быть и непримѣченъ. Сверхъ того дарованія магуть нравиться только нѣкоторымъ людямъ. Не многіе познають достоинство ихъ, и въ холодномъ удивленіи, ими возбуждаемомъ, никогда сердце не участвуешь.

„Какоежь достоинство нравится вообще всѣмъ людямъ? Одна только добродѣтель имѣетъ такую силу. Одною

„честностию не могу я прославиться;
„копя она и производитъ въ другихъ лю-
„дяхъ къ намъ почтеніе, однакожь не
„раждаетъ удивленія. — Судьба предла-
„гаетъ мнѣ теперь случай къ достиже-
„нію цѣли моя. Госпожа Вароннѣ по-
„гибаетъ подъ бременемъ бѣдности: и
„такъ надобно мнѣ спасти ее. Благодар-
„ность ея рано или поздно найдетъ сред-
„ства прославитъ доброе мое дѣло. Ме-
„жду тѣмъ буду я молчать; ибо естли
„добродѣтель моя сдѣлается извѣстною
„только черезъ меня одного, то поше-
„ряетъ она всю свою цѣну. . . . „

Это самая правда, перервалъ Петрѣ:
собственная польза могла бы заставить
Амвросія сдѣлать то, что сдѣлалъ онѣ
по добродѣтели. Безъ сомнѣнія, сказала
Госпожа Добролюбова: эта удивительная
связь находится между всѣми людьми и
во всѣхъ случаяхъ жизни. Собственные
выгоды, кто имѣетъ о нихъ справедли-
вое понятіе, должны заставить насъ
быть искренними, честными, справедли-
выми и великодушными. Одинѣ славной
Писатель говоритъ (*): *Одна глупость*
дѣла-

(*) M. Gaillard, Histoire de Charlemagne,
tom. I. pag. 179.

дѣлаетъ людей элыми; одна глупость составляетъ людей обманывать: а по большой еще глупости, привязываютъ къ понятію о силѣ и величествѣ безстыдной порокъ, къ понятію о разумѣ и дарованіяхъ обманъ и коварство.

Какъ, машушка! закричала Елисавета: не уже ли естѣ такіе люди, которые находятъ величество въ порокъ? Къ несчастію, отвѣчала Г. Добролюбова, Исторія покажетъ вамъ многіе тому примѣры. Многіе Историки называютъ великими такихъ людей, такихъ Владѣтелей, которые прославились только несправедливостію и грабительствомъ. Въ примѣръ можно поставить завоевателей міра. — „Такъ по этому можно прославиться и безъ добродѣтели?„ — Конечно; однакожь при всей славѣ будешь несчастливъ и ненавидимъ. Для прославленія себя надобно только сдѣлать чтонибудь чрезвычайное, но для приобрѣтенія истинной славы надобно быть добродѣтельнымъ. — „Я понимаю, что по недоспадку въ размышленіи можно иногда удивляться завоевателямъ міра, потому что храбрость извиняла у нихъ несправедливость; но какъ можно почитать коварство за знакъ разума?„ — Одни

только глупцы шакъ думаютъ; но какъ ихъ очень много, то и найдешь пы много привязанныхъ къ шаковому мнѣнію. Тотъ же Писашель, изъ котораго шеперь сказывала я вамъ одно мѣсто, говоритъ еще: всякой злой челоуѣкъ (*) существенно не имѣетъ никакихъ способностей, всегда удаляется отъ цѣли своей, и рано или поздно необходимо будетъ жертвою коварства своего: ибо не лѣзя совѣмъ укрыться отъ глазъ другихъ людей, или по крайней мѣрѣ отъ подозрѣнія, а всякой челоуѣкъ придетъ противъ того въ элобу, кто откроетъ худую его сторону. — Симъ кончилось пятое вечернее повѣствованіе. Госпожа Добролюбова вспала, и всѣ пошли спать, будучи восхищены исторіею Госпожи Вароннѣ и добродѣшелію Амвросіевою.

Тогда было дваццать пятое Февраля. Холодъ былъ чрезвычайно великъ. Однакожь Г. Добролюбова обѣщалася Петру на другой день поуспру съ нимъ прогуливаться. Петрѣ звалъ мать свою въ березовую рощу: она согласилась. Елисавета и Кашерина не могли имъ сопущствовать,
 для

(*) Histoire de Charlemagne, tom. 2. pag. 460.

для того что онѣ кашляли. Въ десять часовѣ пошли Г. Добролюбова съ сыномѣ своимѣ прогуливаться, а за собою приказали ѣхать карешѣ, потому что до рожи было около чепырехѣ верстѣ: половину дороги надобно было ѣхать, чтобы не заспавить себя дожидаться къ обѣду, кошорой былѣ всегда въ двѣнашцать часовѣ. Во всю зиму не было еще такого холода. Сперва Петрѣ пожимался, но черезѣ чепверть часа увѣрялѣ, что холодѣ уже не такѣ великѣ. Холодѣ не уменьшился, сказала Г. Добролюбова: ты забнешѣ менѣе отѣ того, что нѣсколько уже къ нему привыкѣ. Таково всякое Физическое зло: естѣли оно не смертельно, то къ нему привыкнешѣ. Привычка знакомитѣ насѣ съ такими предметами, кошорые казались намѣ самыми спрашными и опасными. Она знакомитѣ даже и съ самыми болѣзнями, или лучше сказать, она уменьшаетѣ ихѣ и дѣлаетѣ менѣе чувствительными. Весьма хорошо будетѣ, естѣли мы увѣримся въ эшой испиннѣ, чтобы съ бодростію и спокойствіемѣ встрѣчать всѣ спраданія, сопряженные съ жизнию челоѣческой. — Да вишь естѣ, машушка, шакіе люди, сказалѣ Петрѣ, кошорые по природной нѣжности не мо-

густъ привыкнушь ни къ какимъ непріятноспямъ. Вы сами сказывали, что Госпожа Б * * *, лишася по пяжбъ большой части имѣнія своего, никогда не могла привыкнушь къ бѣдности и деревенской жизни. — „Правда, однакожь шакіе примѣры рѣдки; ихъ надобно почищать за изключеніе, къ которому подаюшъ поводъ только самые слабые люди. Впрочемъ шакая слабость не есть слабость естеспвенная: она бываетъ только плодомъ нравспвеннаго развращенія, происходящаго отъ худаго воспитанія.“ — По этому многіе люди, которые намъ очень нещасными кажутся, въ самомъ дѣлѣ нещасны менѣе? — „Они спрадаюшъ менѣе, нежели мы думаемъ; по тому-то самому и достпойны они нашей помощи. Нещасной, сносящій шерпѣливо судьбу свою, безъ всякаго сомнѣнія имѣетъ право на почпеніе наше. Надобно имѣть очень жестокое сердце, чтобы не сожалѣть о злощасномъ, которой отъ многаго спраданія сдѣлался нечувспвишеленъ къ скорби своей. Такое добродѣтельное шерпѣніе достпойно нашего удивленія, — нѣжнаго и дѣяшельнаго соболѣзнованія. -- Мы можемъ проливать слезы о участи спрадающаго, хотя бы мы на его мѣстѣ и не почли участь

участь свою ужасною. Такое возвышенное чувство свойственно всѣмъ благороднымъ сердцамъ; ежедневно видимъ мы удивительные тому примѣры. Напр. когда мнѣ пускающъ изъ одной руки кровь, я сама могу въ другой рукѣ держать свѣчу; но я не могу безъ сердечнаго содроганія смотрѣть, когда пускающъ кровь другому. Когда опецъ вашъ вывихнулъ себѣ руку, и когда ему опять ее вправляли, сносилъ онъ боль съ удивительною швердостію; но онъ едва не упалъ въ обморокъ, когда по же самое случилось съ камердинеромъ вашего дяди., — Эпо я и самъ испыталъ: я падаю, ушибаюсь и обрѣзываю себѣ руки безъ слезъ, а не могу видѣть безъ страха кровь на комъ нибудь другомъ. — „ И такъ видишь, что человекъ по природѣ не всегда себя другимъ предпочитаетъ, и что шощъ, копорой все къ себѣ относитъ, копорой шолько къ одному себѣ чувствителенъ, есть человекъ унижившійся и развращенной. „ —

Разговаривая такимъ образомъ, пришли они къ пространному и глубокому снѣгомъ покрытому лугу, мимо копораго текла рѣка, сверху обледенѣвшая. Петрѣ захотѣлъ прокашиться по льду и побѣжалъ къ куспамъ, копорые покрывали

одинъ берегъ рѣки; онъ забѣжалъ за нихъ, и Г. Добролюбова потеряла его изъ глазъ. Черезъ минушу онъ опять опшуда выскочилъ, и бѣжавши къ ней, кричалъ во весь голосъ: подите поскорѣе, подите! можеть бышь они еще живы! — Чпо ты говоришь? спрашивала Г. Добролюбова: чпо ты видѣлъ? — „Ахъ, машушка! шамъ лежатъ два замерзшіе мальчика.,, — Госпожа Добролюбова удвоила шаги свои. Пепръ, исполненной горести, привелъ ее къ одному кусту, подлѣ копораго лежали мальчики внизъ лицомъ. Г. Добролюбова подошла къ нимъ и увидѣла, чпо старшій мальчикъ былъ въ одной рубашкѣ и лежалъ на младшемъ. Боже мой! закричала она: вѣрно эшо брашья, и одинъ снялъ съ себя изъ великодушія плашье свое, чпобы одѣшь другаго. Какая добродѣпель! . . . дай Богъ, чпобы мы уже пришли сюда непоздно! — Она приказала людямъ своимъ подняшь мальчиковъ и опнести ихъ въ карешу. Пепръ снялъ съ себя верхнюю шубу и одѣлъ ею старшаго мальчика; а Иванъ, слуга его, взявши его къ себѣ на руки, сказалъ, чпо едва ли уже онъ ожимъ можеть. Между шѣмъ поворошилъ онъ мальчика вверхъ лицомъ. Ахъ, Боже

Боже мой! закричалъ Пепръ, взглянувши на него: эпо нашъ Николай съ брашомъ своимъ. Онъ не обманулся. Въ одну минушу покапились у него изъ глазъ слезы. Родительница его, взявши еще болѣе участія въ судьбѣ несчастныхъ мальчиковъ, смѣшала слезы свои съ его слезами. Она ощущала поску, видя изображеніе смерти на лицѣ великодушнаго Николая, и представляя себѣ то опчаяніе, въ которое приведетъ несчастную мать потеряннаго сына. Между пѣмъ Иванъ съ другимъ слугою держали обоихъ мальчиковъ на рукахъ, думая, что они уже умерли. Положите ихъ въ карету, сказала Г. Добролюбова: ты, Иванъ, поѣзжай съ ними, спарайся ихъ по немногу опогрѣвашь и какъ можно скорѣе привезши домой. Яковъ останешся съ нами; мы придемъ пѣшкомъ. Иванъ немедленно исполнилъ повелѣніе Госпожи своей: положилъ ребящъ въ карету и самъ сѣлъ съ ними же. Въ одну минушу кареты спало не видно. Мать съ сыномъ по всей возможности поропились и пришли домой въ великой усталости, а болѣе еще въ безпокойствѣ о судьбѣ Николаевой и брата его. У дверей встрѣшили ихъ Своемысловъ, Елисавета и Катерина. Они живы,

живы! закричали послѣднія, бросившись къ матери своей. Петръ заплакалъ отъ радости и кинулся обнимать сестеръ. Гж. Добролюбова со всѣми дѣтьми спѣшила въ ту комнату, въ которой положили Николая съ братомъ. Оживленіе ихъ было примѣтно, однакожь они были безъ чувствъ. Гжа. Добролюбова послала за матерью, которая и пришла въ самое по время, какъ Андрей, потерпѣвши отъ холода менѣе брата, раскрылъ глаза и началъ нѣсколько говорить. Черезъ часъ спалъ уже и Николай приходитъ въ память. Онъ узналъ мать, и назвалъ именемъ брата своего. Къ вечеру пріѣхалъ лѣкарь, за которымъ посылали въ сосѣдственной городъ. Онъ сказалъ, что мальчики будутъ живы, хотя были они еще въ мучительномъ состояніи. Мать ихъ, нѣсколько успокоенная, рассказала Гжѣ Добролюбовой, что они по утру пошли за дровами, но зашли гораздо далѣе обыкновеннаго. А какъ уже пришло время имъ возвратиться, а ихъ еще не было, то послала она за ними мужа своего. Но его обманули слѣды другихъ ребятъ, и онъ пошелъ по той тропѣ, которая привела его въ другіе кусты, а не въ тѣ, гдѣ отъ безсилія и холода упали дѣти ихъ.

Во весь вечеръ занимались Пётръ и сестры его Николаемъ; цѣлой домъ показывалъ великую любовь къ сему мальчику. Чшобы увидѣть дѣйствіе лѣкарства, которое ему дали, никто не хотѣлъ лечь спать прежде полуночи; а нѣкоторые изъ слугъ и всю ночь не отходили отъ Николая. Лишь только еще свѣтало начало, Пётръ уже былъ у дверей той комнаты, въ которой онъ лежалъ. Съ величайшею радостію узналъ онъ, что обнимъ братьямъ спало гораздо легче; что они говорили и были въ совершенной памяти. Послѣ обѣда Николай вспалъ. Пётръ получилъ позволеніе войти къ нему въ комнату. Онъ обнималъ его съ несказаннымъ удовольствіемъ. На другой день могъ уже Николай самъ рассказать всѣ подробности своего происшествія.

Все семейство окружило Николая, котораго цѣлой вечеръ занималъ вниманіе слушателей своимъ повѣствованіемъ, будучи посаженъ между матерью и маленькимъ братомъ. Въ самыхъ пріятныхъ выраженіяхъ рассказывалъ онъ, какъ братъ его, вмѣсто того, чшобы набирать дрова, усѣлся на снѣгу и такъ прозябъ, что лишился всѣхъ чувствъ; что онъ напрасно согрѣвалъ его плащемъ своимъ и шеръ у него

него руки; что наконецъ, увидя его *совсѣмъ посинѣвшаго* и, недвижимаго, началъ онъ кричать; что онъ нѣсколько разъ кликалъ на помощь къ себѣ отца, но не слыша никакого *отзвѣса*, началъ *горько плакать*. Что слезы его текли на лице къ брату и въ ту же минуту *замерзали*, *отъ чего онъ еще болѣе плакалъ*; что онъ, не взирая ни на что, не лишился бодрости и хотѣлъ поднять брата на плеча къ себѣ, но *окостѣнѣвши отъ стужи*, ослабѣлъ и упалъ подлѣ него; что въ сей крайности вздумалъ онъ прибѣгнуть къ послѣднему средству для спасенія Андреевой жизни, скинулъ съ себя все платье и одѣлъ его; что въ ту минуту открылъ Андрей глаза, посмотрѣлъ прямо на него и *оттолкнулъ отъ себя* платье, какъ будто бы хотѣлъ заставить его, опять одѣться. Послѣ этого, продолжалъ Николай, *стало мнѣ, самъ не знаю что. Я какъ бы засыпать сталъ, совсѣмъ позабылся и упалъ на братишку. Болѣе, право, ни чего не знаю.*

Петръ вдругъ вскочилъ со стула и бросился къ Николаю на шею. Николай пришелъ въ изумленіе: ибо поступокъ свой почиталъ онъ столь естественнымъ и обыкновеннымъ, что никакъ не могъ
понять,

понять, чему шупѣ удивляться. Послѣ сего повела его мать домой. Когда они ушли, Гжа. Добролюбова начала говорить о добродѣтели мальчиковой. Великодушное его дѣйствіе доказываетъ истинну того, что я себѣ на сихъ дняхъ говорила, сказала она Петру: по ествѣ, что предпочитаешь себя другимъ не столь естественнo, какъ многіе думаютъ. Николай скинулъ съ себя все плашье; попому что собственное спраданіе было ему легче спраданія брата своего. Какое же возвышенное чувство есть сожалѣніе, производя такія святыя дѣла. Оно не ослабляетъ душу, но возвышаетъ ее; заставляешь забывать опасности, презираешь смерть и скорби. Не противься никогда такому добродѣтельному побужденію. Храни тщательно въ сердцѣ своемъ по дѣятельное и нѣжное соболѣзнованіе, которое столь естественнo сердцу человеческому, и которое исчезаетъ только при возвращеніи. — Послѣ сего Гжа. Добролюбова хотѣла ийти спать, но Петрѣ удержалъ ее, изъясняя ей желаніе свое никогда не разставаться съ Николаемъ. Хорошо, отвѣчала она, желаніе швое можно исполнить. я возьму Николая къ себѣ въ домъ и буду его съ

шо-

шобою вмѣстѣ воспитываешь. Пётръ вспрыгнулъ отъ радости: я научу его всему, что самъ знаю! закричалъ онъ. Да хорошо ли будетъ, сказала Каперина, отнять у отца и матери такого сына? Я возьму его для того, отвѣчала Г. Добролюбова, чтобы сдѣлать его благополучнымъ; отецъ и мать безъ всякаго сомнѣнія не захотятъ пожертвовать выгодами сына собственному своему удовольствію: кого мы истинно любимъ, того желаемъ видѣть щасливымъ, хотя бы для этого намъ съ нимъ и навсегда разлучиться надлежало. —

На другой день спросила Г. Добролюбова у родителей Николаевыхъ, хотятъ ли они добровольно отдать ей на воспитаніе сына своего. Такое милосливое предложеніе заставило ихъ пролить радостныя слезы; принимая оное съ восхищеніемъ, приносили они Господу въ чувствительнѣйшихъ выраженіяхъ свою благодарность. Николай заплакалъ, услышавши, что ему надобно разлучиться съ родителями и братомъ. Однакожь онъ очень пронулъ былъ шюю любовію, которую оказывалъ ему Пётръ, и весьма желалъ научиться всему тому, что онъ зналъ.

Дѣши

Дѣши Гжи. Добролюбовой дни чепыре сполько занимались Николаемъ, что позабыли и вечернія повѣсти; но наконецъ напомнили они мапери, что она должна имъ по обѣщанію своему разсказать исторію. Вы по справедливости удивлялись тонкости и добродѣтели Амвросіевой, сказала она имъ: вы безъ сомнѣнія думаете, что не лъзя уже показать болѣ великодушія, любви и величества души, но я разскажу вамъ такую исторію, въ которой найдете вы примѣръ гораздо возвышеннѣйшихъ чувствъ. Я нѣсколько разъ осперегала васъ опъ коропкаго обхожденія съ служанками; потому что въ самомъ дѣлѣ бывающъ онѣ по большой части развращеннаго нрава. Однакожь будьте увѣрены, что и изъ нихъ бывающъ нѣкопорыя разумны и добродѣпельны; въ примѣръ чего и выслушайте исторію, копорая почти въ моихъ глазахъ случилась, когда я была во Франціи. —

VI.

Великодушіе дружбы.

Въ одной изъ сѣверныхъ Провинцій Франціи находишся такая частица земли, въ коѣрой честь и добродѣшель занимающъ мѣсто законовъ и доставляющъ щасливымъ жителямъ спраны сея надежное спокойствіе . . . „Ахъ, какая завидная земля! Какъ она называется?„ — Она называется С * * * — „Были ли вы шамъ, машушка?„ — Будучи во Франціи, имѣла я удовольствіе видѣшь эту страну и удивляться благополучному ея состоянію. Въ жителяхъ наша я шамъ неписанное простодушіе и прудобіе; самой языкъ ихъ отличенъ отъ грубости языка прочихъ Французскихъ крестьянъ. Матери шамъ нѣжны, дѣви благодарны и послушны, а дѣвушки скромны. Порочное сладострастіе и зависть шамъ неизвѣсны. Увидишь шамъ пріятное равенство, согласіе, непорочные нравы и всѣ добродѣтели, составляющія щастіе людей въ первыхъ вѣкахъ міра. Владѣтель сей земли имѣлъ такую супругу, коѣторая достойна была

была жипь вѣ семѣ благополучномѣ мѣстѣ, Госпожа С * * * соединяла сѣ просвѣщеннымѣ разумомѣ благодѣтельную душу. Она любила чшеніе и рукодѣлье: она вышивала ковры и сажала цвѣпы. Вѣ саду было у ней нѣскольکو ульевѣ пчелѣ (*); она смопрѣла за ними, и воспитывала еще шелковыхѣ червячковѣ. Будучи хорошею хозяйкою, пеклася она о домашнемѣ устройствѣ, и старалась исполнять всѣ шѣ должности, которыхѣ уже само исполнение бываешѣ пріятно, а особливо вѣ деревенской жизни. Сѣ великимѣ удовольствіемѣ ходила она на ппичной дворѣ и вѣ погребѣ, вѣ которомѣ спояли сѣ молокомѣ кринки, и вѣ шаковыхѣ упражне-

Часть ІХ. Но. 10. I нияхѣ

(*) Пчелы суть родѣ мухѣ, которыя производяшѣ сладкую клейкую матерію, называемую медомѣ. Нынѣ разводятся онѣ по большей части только вѣ домахѣ, а прежде были дики и наполняли дѣса вѣ Россіи, вѣ Польшѣ и вѣ другихѣ сѣверныхѣ земляхѣ, и жили вѣ прещинахѣ на деревьяхѣ и на камняхѣ. Когда пчелы займушѣ улей, то стараются сперва всѣ дыры и прещины замазать нѣкоторою смоляною матерію, которая сначала б-

ваешѣ

ніяхъ находила для себя утѣшеніе, средства къ наученію и достаточной жизни при умѣренныхъ доходахъ — „Къ наученію? перервала повѣствованіе ея Елисавета: къ какому же наученію?„ — Къ наученію самому существенному, отвѣчала Г. Добролюбова. Вы уже знаете, что Натуральная Исторія есть наука очень обширная. Она имѣетъ множество частей, равно полезныхъ, равно достойныхъ любопытства нашего, которыя весьма просто и безъ всякаго труда можно узнать въ деревенской жизни, занимаясь хозяйствомъ. Опыты и предметы научаютъ лучше книгъ. Отъ чтенія книгъ часто остаются въ головѣ только слова; но опыты раждаютъ въ ней понятія и
впеча-

ваетъ мягка, а послѣ становится жесткою. Сія матерія совсѣмъ отлична отъ меда и воску; она есть родъ смолы и ее употребляютъ въ Медицинѣ. Исключая обыкновенныхъ пчелъ, находится еще множество другихъ родовъ, которыя называются осами, шмелями и проч.

Гвадалупскія пчелы производятъ темно-віолетовой воскъ, котораго цвѣтъ никакъ перемѣнить не лзя; онъ сполько мягкъ, что сотамъ бытъ изъ него не можно.

впечатлѣваютъ незагладимое воспоминаніе. Я знала въ Москвѣ одну женщину, которая, прочитавши множество Физическихъ книгъ, не умѣла отличить листья яблони отъ листьевъ вишни. Не живши никогда въ деревнѣ, во многихъ отношеніяхъ будешь смѣшнымъ невѣждою. Какъ можно въ городѣ узнать различныя чудеса природы? Плоды видимы только на рынкѣ, или на сполыхъ, а цвѣты въ спаканыхъ. Не лзя имѣть никакого понятія о работахъ поселянъ, о деревенскихъ забавахъ, о невинныхъ удовольствіяхъ, презираемыхъ только шѣми, которые ими никогда не наслаждались. Одинъ изъ знаменитыхъ писателей нынѣшнихъ временъ, Г. Бюффонъ, говоритъ: *Все желаемое нами сверхъ того, что сама природа предлагаетъ, стоитъ намъ великаго труда, и удовольствіе доставляетъ единственно то, что она намъ предлагаетъ.* — „Да видѣть есть такія люди, машушка, сказала Катерина, которые спраспно любящъ Москву и большія собранія: надобно, чшобы они находили въ томъ великое удовольствіе. „ — Такія люди, отвѣчала она, живутъ въ безпрестанномъ безпокойствѣ, въ такомъ шумѣ, которой не только отнимаешь у нихъ возможность

думаешь, но лишаетъ ихъ возможности и чувствовать; а въ такомъ состояніи нельзя наслаждаться никакимъ щастіемъ; воображеніе наше бываетъ тогда въ безпорядкѣ, и отдааетъ сердце наше въ добычу спраснямъ и необузданнымъ вождельніямъ. — „А что такое спрасъ, матушка? „ — Чрезвычайная склонность къ какому нибудь предмету: такая склонность, которая противна разуму. — „Да вишь ешь, матушка, и непропивныя разуму спраси? „ — Не всякая чрезмѣрность непроспительна, однакожь она всегда ешь плодъ легкомыслія. На примѣрѣ, женщина, любящая спрасно своего мужа . . . „Не уже ли можно ее назвашь безразсудною? „ — Конечно; она очень несчастлива, попому что безъ разсудка нѣтъ щастія. — „Да вишь женѣ надобно любить мужа своего оцѣ всего сердца? „ — Конечно. — „Такъ, какъ вы башюшку любите, „ — Безъ сомнѣнія. — „Не предпочипаете ли вы башюшку всему? „ — Что разумѣешь ты подѣ словами *всему предпочипать*? Развѣ предпочипеніе ешь та *чрезвычайная* склонность, о которой я теѣперь говорила? — „Однакожь разговаривать съ нимъ вы любите лучше, нежели играшь на

на клавесинѣ, чишашь, или прогуливашь-ся., — Правда, что разговоръ съ нимъ, или одно удовольствіе его видѣшь, предпочту я всѣмъ забавамъ въ мірѣ; скажу еще и то, что его щастіе для меня дороже моего. — „И это все не спросашь, матушка?“, — Нѣтъ. — „Да что же еще можешь произвести спросашь?“, — Чрезвычайности. Знаешь ли ты Гжу. Слабому слову? — „Ту, копорой мужъ за годъ передъ симъ для увеселенія своего ѣздилъ въ Парижъ, копорая съ печали отъ того занемогла, и копорую вы ѣздили ушѣшашь?“, — Да. Она можешь служить вамъ примѣромъ спросашь. Спросашь отнимаешь бодрость и силу сносишь спрданіе. — „Да вишь не лзя опврашишь лихорадку, ешьяли она къ кому придетъ?“, — Не лзя; но когда спросашь нами не владѣешь, то опсущствіе не нанесешь намъ никакой болѣзни; здравой разумъ научишь сносить съ шерпнїемъ учаспъ свок. Гжа. Слабому слова имѣешь къ мужу своему совершенную спросашь; сообщество съ нимъ не только она предпочишашь всякому другому, но и никакое сообщество не можешь ей безъ него нравиться. Удовольствїемъ смопрѣшь на него не пожертвуетъ она должноти за-

ниматься воспианіемъ дѣшей. — „О нѣшъ, машушка! вы не паковы; однакожь вы любите бапюшку не менѣе того, какъ Гжа. Слабомыслова любитъ своего мужа, потому что бапюшкино щастіе предпочитаете вы своему. Гжа. Слабомыслова любитъ сильнѣе, а вы лучше. Эпощъ примѣръ доказываетъ мнѣ, что и самая позволенная спрасъ можешъ ввести въ худое; не щипая болѣзни, производитъ она безпечность въ разсужденіи дѣшей, а послѣ. . . . Все это никуда не годится. — Всякая спрасъ затмѣваетъ нашъ разсудокъ, и смотря по обстоятельству, приводитъ насъ въ большее или меньшее заблужденіе. — „Можно ли, машушка, не давать спрасьямъ воли? — Конечно, потому болѣе, что мы сами въ себѣ воспитываемъ ихъ; а какъ онѣ возрастаютъ только поспешно, то и легко ихъ заморить можно. Почувствовавши, что какая нибудь склонность слишкомъ въ насъ усиливается, надобно стараться ее угнѣтать и . . . „Да почему узнаешь, когда начнетъ спрасъ? — Признакомъ начала ея будешъ то, что мы чувствуемъ въ себѣ возможность пожертвовать нѣкошорыми своими должностями какому нибудь предмету, увеселенію, вкусу. . . .

„Ахъ,

„Ахъ, Боже мой! закричала Каперина: такъ и во мнѣ есть спраспи! попому чпо я часпо бы жерпвовала книгою про-гулкѣ, шашкамѣ, своему чижику, своей бѣлкѣ, да и сама не знаю, чему, еспли бы все было вѣ моей власпи.„ — Эпо доказываетъ, чпо книги шебѣ бывающѣ иногда скучны: чувство, обыкновенное вѣ швоихѣ лѣшахѣ! Но при другихѣ удовольствіяхѣ не будешъ пы жалѣшь ни о чи-жикѣ, ни о бѣлкѣ; пы не опдаешъ имѣ шочнаго предпочпенія, слѣдспвенно и нѣтъ вѣ шебѣ спраспи. Тебя можно на-звать шолько легкомысленною, неоснова-пельною и лѣнивою. — „А! шеперь раз-умѣю. Вѣ спраспи начнешъ сперва оп-давать чему нибудъ передѣ прочимѣ пре-имущество, а послѣ не захочешъ уже исполнять шого, чпо намѣ дѣлать бы должно было.„ — Правда. — „Есп-ли бы, машушка, случилось мнѣ сдѣ-латься шакою прилѣжною, чшобы всѣмѣ прочимѣ удовольствіямѣ предпочла я уче-ніе, шо надобно ли бы мнѣ было спа-раться испреблять прилѣжность свою?„ --- Нѣтъ, попому чпо шакое предпочпеніе было бы основательно. — „Такъ по эшому еспь спраспи и хорошія, машуш-ка?„ — Нѣтъ, одно предпочпеніе не

составляетъ еще спраспи. Естльи бы охота къ ученію мѣшала исполнять пѣ должности, которыя налагаетъ на насъ общежитіе, по оно было бы тогда порочно. Всякая чрезмѣрность, называемая спраспію, производитъ худые плоды. Спраспъ насъ ослѣпляетъ, вводитъ въ слабости и заставляетъ бытъ во многомъ несправедливыми. — „Мнѣ это очень прискорбно. Когда вы говорите, мапушка: *я люблю страстно Катиньку свою*, такъ это только одно обыкновенное выраженіе? „ — Естльи бы я сказала, что *люблю тебя до безумія*, по пожелаала ли бы ты, чтобы я сказала правду? --- „О нѣтъ, мапушка! я не хочу видѣть въ васъ никакихъ слабостей. „ — Не уже ли послѣ всего шеперешняго разговора нашего ты еще не понимаешь, что спраспъ и разсудокъ никогда между собою согласны бытъ не могутъ; что всякая спраспъ сопряжена съ нѣкоторою степенію безумія? *Люблю до безумія, люблю страстно*, сущъ въ самомъ дѣлѣ упопробительныя только выраженія. Впрочемъ не милосердо бы было съ швоей стороны хотѣть того, чтобы я любила тебя спраспно: я впала бы въ порокъ, а ты въ истинномъ смыслѣ ничего бы не выиграла. Естльи бы

бы надобно было для спасенія вашей жизни пожертвовать мнѣ своею, по я охотно бы ею пожертвовала. Для васъ сдѣлаю я всякое героическое дѣло, какое только спроситъ вдохнуть можетъ; но не пресупаю для васъ ни одной изъ должностей моихъ, по есть, любовь можетъ возвысить душу мою, а не приведетъ меня въ заблужденіе, или унижить. Не уже ли хочешь ты, Каперина, чтобы я имѣла другія чувства? — Ахъ, нѣтъ, мамушка! закричали всѣ дѣти, бросившись обнимать мать, которая съ нѣжностію прижимала ихъ къ груди своей и не могла удержаться отъ слезъ, чувствуя, что слезы Каперинины лились къ ней на руку. Послѣ минушнаго молчанія, нѣжностію произведеннаго, начался опять разговоръ. Послушайте, мамушка, сказалъ Петръ: мнѣ еще хочется предложить вамъ одинъ вопросъ о спрасяхъ. Естьли по несчастію овладѣетъ къмъ нибудь сильная спрасть, по можно ли опять отъ нее освободиться? — „Безъ сомнѣнія можно; ибо мы во всемъ себя побѣдимъ можемъ, естьли только захотимъ. Но въ томъ случаѣ, о которомъ ты говоришь, бываетъ это усиліе очень мучительно. Легко предохранить себя отъ спрастей, но побѣдимъ ихъ очень

трудно., — Да какъ же можно предохранить себя отъ нихъ? — „Надобно заблаговременно приучиться во всемъ пребывать совѣща у разума, и побѣждаешь себя во всѣхъ шѣхъ случаяхъ, которые его оскорбляютъ; надобно помнить, что мы всегда въ глазахъ вашняго премудраго Существа, которому всякая чрезмѣрность негодна. Можно всегда быть въ безопасности отъ сильныхъ страстей помощію Религіи, господства надъ самимъ собою и прилѣжнаго упражненія въ трудахъ.„ ---
 Если всякаго рода чрезмѣрность порошна, то надлежитъ ли удивляться поступку Господина Лагаре, эпова чрезвычайнаго Француза, о которомъ сказывалъ намъ Г. Своемысловъ, что онъ отказался отъ міра, изъ замка своего сдѣлалъ больницу для бѣдныхъ и во всю жизнь занимался надзираніемъ надъ ними? —
 „Безъ сомнѣнія надлежитъ этому поступку удивляться и почитать его за примѣръ добродѣтели.„ ---- Однакожь Г. Лагаре любилъ *страстно* челоувѣчество, —
 „Страстями называютъ обыкновенно только такія ощущенія, которые основываются на личномъ нашемъ удовольствіи и влекутъ насъ къ нѣкоторымъ предметамъ; или привязанность къ нѣкоторому насла-

наслажденію (*); или любовь къ различнымъ увеселеніямъ (**); или разные пороки, копорыхъ, несобственно назвали спрасями, на прим. гнѣвъ. Но человекѣлюбіе есть самое безкорыстнѣйшее ощущеніе; чѣмъ оно пространнѣе, тѣмъ почтеннѣе. Лишить себя всего имѣнія для любимаго своего предмета, есть дѣло благородное и похвальное, ибо такая жертва подлинно велика; но опдашь все несчастнымъ, къ копорымъ не привязываетъ насъ никакая особенная склонность, исключая сожалѣнія, посвятить имъ всю свою жизнь, отказаться для нихъ отъ тысячи пріяшностей и поступать съ ними какъ съ любезными дѣтьми, единственно для того, что они несчастливы: вопъ дѣйствіе испинно героической добродѣтели! Такая благодѣтельность въ самомъ дѣлѣ можетъ быть названа спрасію; но эта спрасъ совсѣмъ оплична отъ другихъ спрасей, попому что она совершенно безкорыстна, производитъ только доброе, и есть, пакъ сказать, вдох-

---

(*) Какъ по скупость, увеселяющаяся спянжаніемъ богатства.

(**) Такова есть спрасъ къ игрѣ.

вдохновеніе Самаго Божества: ибо безъ Религіи никакъ не возможно достигнуть такой степени въ добродѣтели. — А если бы, машушка, у Г. Лагаре были дѣти, такъ ошдалъ ли бы онъ все имѣніе свое бѣднымъ? — „Конечно бы не ошдалъ; ибо сперва надобно исполнить шѣ должности, которыя наложены на насъ природою. Г. Лагаре могъ бы тогда удѣлять бѣднымъ только опѣ излишества своего, и будучи обязанъ воспитывать своихъ дѣтей, не былъ бы онъ въ состояніи посвятить себя услугѣ бѣднымъ. „

Вы уже, машушка, по милости своей ошвѣчали на всѣ наши вопросы: я надѣюсь, что вы теперь будете разсказывать исторію Госпожи С * * *. Съ охотою, ошвѣчала Гжа. Добролюбова: да у меня уже изъ памяти вонъ вышло, гдѣ я остановилась. — „Вы намъ сказали, что Гжа. С * * * была щастлива, для того что она была благодѣтельна, любила деревню, садила цвѣты, чистала, трудилась, имѣла пчелъ, червячковъ — вы шупъ остановились. „ — И такъ, продолжала Госпожа Добролюбова, будучи довольна своею участію, вела она пріятную и незанятую жизнь. Она не могла помогать бѣднымъ

день-

деньгами, попому что супругъ ея былъ весьма небогатъ; однакожь при всеобщемъ не пропускала она ни одного дня безъ оказанія благодарностей. Въ деревнѣ у нее не было ни Доктора, ни лѣкаря; она разумѣла нѣсколько Ботанику, со вниманіемъ читала исторію лѣкарственныхъ травъ, сочиненную Господиномъ Цусмелемъ, и знала наизусть Тиссопово воззваніе къ народу, швореніе весьма полезное, воспаляющее сердце чувствительнаго читателя чиспѣйшимъ огнемъ челоуѣколюбія. (*) Госпожа С * * * при всѣхъ знаніяхъ своихъ

(*) Желательно бы было, чтобы какой нибудь ученой и челоуѣколюбивой мужъ восхотѣлъ и на нашемъ языкѣ сочинить такую книгу, которая бы имѣла предметомъ Физическое и нравственное благо поселянъ нашихъ; можно почти ручаться за великое удовольствіе, съ каковымъ принято будетъ такое швореніе отъ всѣхъ Папріотовъ. Во всѣхъ земляхъ такого рода книги увѣнчаны одобреніемъ. Въ прошедшемъ году въ Германіи разобрали на подписку 18098 экзем. книги, названной: Noth- und Hülfsbüchlein für den Landmann, то есть нужная и полезная книга для поселянина.

ихъ не думала осправлять должность подлиннаго Медика; ибо никакой благо-разумной человѣкъ не возьмется за лѣче-ніе, естли онъ не учился врачебной на-укѣ. Однакожь она посѣщала больныхъ и не допускала ихъ упошреблять опасныя лѣкарства, предписывая имъ шакія, ко-шорыя нѣкакыхъ худыхъ слѣдствій имѣть не могла; она присылала къ нимъ здо-ровыя похлебки, вино, бѣлье, и своими посѣщеніями, ушѣщеніемъ и человѣколю-біемъ ободряла ихъ; она доказывала, что при самомъ небольшомъ доспапкѣ можно быть благодѣтельнымъ, и что дѣ-лая возможное добро, насладишься пол-нымъ удовольствіемъ, кошорое можешъ доставить благодѣтельность.

У Госпожи С * * * была служанка, называвшаяся Маріанною, кошорая служила ей двѣнаццать лѣтъ. Она показала во многихъ случаяхъ совершенную свою чест-ность, безкорыстіе и любовь къ Гжѣ. своей, кошорой добродѣтелями она обла-дала, подражая примѣрной ей жизни. Надобно сказать, что она никогда не была въ Парижѣ, и ничто не могло ис-портишь, ниже перемѣнить природныхъ ея щасливыхъ свойствъ. Госпожа С * * * ѣжно ее любила, и попеченіе о ея щастіи

щастіи составляло для нее одно изъ самыхъ пріятнѣйшихъ удовольствій, Маріанна, Судучи немного спарѣ Госпожи С * * *, надѣялась умереть въ услугахъ у нее; однакожь Провидѣнію угодно было иное. Госпожа С * * * занемогла такою болѣзнію, копорая въ началѣ казалась очень неопасною, но могла сдѣлаться смертельною при самомъ малѣйшемъ небреженіи. На смерть взирала она не только безъ ужаса, но еще и съ кропкимъ вселіемъ, свойственнымъ добродѣтельной и испиннѣ Христіянскихъ исполненной душѣ. Всѣ окружавшіе Госпожу С * * * предавались справедливой скорби, спрашася ее лишиться; но сама она показывала непоколебимую швердось. Строгое воздержаніе продолжило на нѣсколько мѣсяцевъ ея жизнь. Бодрость давала ей силы: она не лежала на постелѣ, ходила, читала, по обыкновенію призывала къ себѣ многихъ деревенскихъ дѣвушекъ, учила ихъ, давала имъ работу и занималась разговорами съ вѣрною своею Маріанною: къ ней часто приходилъ приходской Священникъ, и крѣпость съ равнодушіемъ никогда ее не оставляли.

Въ одно утро пріятныхъ дней Майскихъ встала она на самомъ еще разсвѣтѣ,

свѣтъ, и съ Маріаною пошла въ поле прогуливаться. Она взшла на холмъ, съ котораго открывались въ восхищительномъ видѣ отдаленные предметы; она легла на праву, а Маріанна сѣла у ногъ ея. Черезъ нѣсколько минутъ Госпожа С*** всшала, оперлась о плечо Маріанны, и сказала: какъ пріятно для меня эшо мѣсто! какая прекрасная картина! Посмотри, Маріанна, на эшотъ лугъ, по которому мы сшолько разъ гуляли. Однажды нашли мы шу знакомую свою старушку, Лору, изнемогшую отъ несеннаго ею кузова съ кормомъ; въ рукъ у ней было еще тяжелое ведро съ яблоками: ты сняла съ нее кузовъ, а я, не смотря на ея сопрошивленіе, взяла ведро, и такимъ образомъ проводили мы ее до хижины. Помнишь ли, какъ мы радовались дорогою, иришедши къ ней въ хижину, и за завтракомъ, копорымъ угостила насъ благодарная старушка? Посмотри направо: видишь ли шамъ зеленыя шропы вокругъ пруда, въ которомъ мы часто удили рыбу во время нашей молодости? Въ эшомъ же самомъ мѣстѣ плели мы съ Мареою и Бибешою маленькія корзинки, и наполняли ихъ фіалками и лѣсными орѣхами. Видишь ли шамъ внизу хижину нашей Марьи?

Марьи? Помнишь ли, что ты ей в два дни сшила свадебное платье, которое я подарила ей? — Немного подале влѣво, вижу ту рошу, в которую ходила я в праздничные дни по приятнымъ лѣшнимъ вечерамъ съ ученицами своими. Какъ сладостны были для меня тѣ минушы, которыя проводила я тамъ, будучи окружена невинными деревенскими дѣвушками! Ты конечно помнишь еще долгія и забавныя исторіи, которыя рассказывала намъ Маргарета, и тѣ веселыя пѣсни, которыя приятнымъ и спройнымъ голосомъ пѣла намъ Гонорина. — Всякой предметъ возбуждаетъ здѣсь во мнѣ какое нибудь воспоминаніе. . . . Какъ сладостно оно вѣ шеперешнемъ моемъ состояніи! —

Когда Госпожа С * * * перестала говорить, Маріанна отворопилась отъ нее, чтобы сокрыть слезы, которыхъ уже она удержатъ не могла. — Послѣ минушнаго молчанія Госпожа С * * * подняла руки къ небу, произнося сіи слова: Существо высочайшее, которое, кажешся, зрю я сквозь оныя блистающія облака, небо украшающія! Богъ мой, внимающій мнѣ и чашающій вѣ душѣ моей! благодарю Тебя, Творца и Благодѣшеля моего, за щастливое мое состояніе, вѣ которомъ

безопасна я отъ гоненій злобы, отъ зло-
словія зависти, отъ заразительной язвы
злыхъ примѣровъ и обмана хитрыхъ ко-
зней. Ничто не могло ослабить разума
моего и развратить сердца. Я не знала
ни Двора, ни города; я знала, что есть
льстецы, честолюбивые, ложные мудрецы
и шакія люди, которыя коварствомъ уни-
жаютъ и развращаютъ себя гордостію:
я воздыхала о ихъ заблужденіи, и ша-
кое чувство часто разрушало пріятность
сна моего. Я сожалѣла о злыхъ, но жила
всегда отъ нихъ въ отдаленіи. Будучи
свободна отъ жестокихъ спрасей и уда-
лена отъ шумныхъ и обольстительныхъ
забавъ, жизнь моя протекла въ щаспли-
вой неизвѣстности. Щасіе мое было
шѣмъ совершеннѣе, что оно не возбуждало
никого прошивъ меня къ зависти; невин-
ность и спокойствіе, вѣрная дружба и
нѣжныя ощущенія челоѣколюбія, услаж-
дали всѣ часы жизни моей: я обладала
всѣми истинными благами! . . . И въ самую
сію страшную минушу, въ которую па-
мять прошедшаго мучитъ порочнаго чело-
вѣка, представляюща воображенію моему
пріятнѣйшія воспоминанія. . . . Съ восхище-
ніемъ помышляю, что только одной добро-
дѣтели обязана я шѣмъ великимъ щасіе-
емъ,

емъ, копорымъ я наслаждалася. — Боже мой! коль безконечна благосць Твоя! Повелѣвая убѣгать зла, показываешь Ты намъ единое средство быть на землѣ щастливыми, обѣщая еще по ту сторону сей плѣнной жизни безсмертную награду. ---

Тутъ упала она въ объятія къ Маріаннѣ. Жаръ, съ копорымъ она говорила, истощилъ ея силы. Маріанна посмотрѣла ей въ лице, и увидя ее блѣдну, неподвижну и закрывшую глаза, подняла великой вопль. Госпожа С * * * взглянула, и пожалвши съ нѣжностію у Маріанны руку, сказала ей съ кропкою усмѣшкою: что ты, Маріанна? не уже ли ты, будучи истинно благочестива, не ко всему еще готова? не уже ли ты медлишь еще съ вѣрою принести жершву? . . . Мы опять соединимся, сердечной другъ мой, соединимся неразлучно. . . . Утѣшайся моимъ спокойствіемъ. . . . Надѣюсь, что въ замкѣ С * * * будешь ты имѣть всегда свободное жилище. . . . Ахъ! какъ бы желала я сдѣлать себя гораздо щастливѣйшею! . . . Признаюсь, что мнѣ хотѣлось бы еще исполнить одно желаніе — Тутъ Маріанна устремила глаза на свою Госпожу, и вниманіе, съ копорымъ приготовлялась она слушать ее, удержало ея слезы.

Ты знаешь, продолжала Госпожа С * * * что здѣсь есть учительница, которая дѣшею крестьянскихъ учить-чишать. Всѣ почти поселяне могутъ плашить ей, однакожь есть и такіе, которые по великой своей бѣднотѣ никакой платы за дѣшею своихъ давать не въ состояніи, хотя учительница и беретъ самую малую. Если бы я прожила еще нѣсколько лѣтъ, то накопила бы, можетъ быть, столько денегъ изъ доходовъ своихъ, чтобы могла опредѣлить учительницѣ ежегодную плату, за которую бы она стала учить бѣдныхъ крестьянскихъ дѣвушекъ даромъ; для этого довольно бы было дваццати луйдоровъ. Но какъ Богу не угодно позволишь мнѣ насладиться такимъ удовольствіемъ, то я и покаряюсь волѣ Его безъ роптанія. — Маріанна схватила руку у Госпожи С * * *, воскликнувши: о святая душа! — Она не могла сказать ничего болѣе; рыданіе не давало ей говорить. Госпожа С * * * вспала, оперлась о плечо ея, и пошла назадъ въ замокъ.

Послѣ сего разговора прожила Госпожа С * * * еще нѣсколько дней. Слабость принудила ее слечь въ постелю. Маріанна, угнѣшенная сердечною печалію,

ни на минушу отъ нее не отходила. Весь домъ былъ въ слезахъ. Дворъ наполненъ былъ жителями, которые попеременно приходили навѣдываться о состояніи *милостивой госпожи* своей, всеобщей ихъ благодѣшельницы, и которые уходили изъ замка только для того, чѣобы ипши въ церковь молиться о продолженіи драгоценной ея жизни. Наконецъ почувствовала Госпожа С * * * приближеніе послѣдняго часа съ такою твердостью, которая извѣстна только однимъ истиннымъ Христіянамъ. На рукахъ у Маріанны испустила она послѣднее дыханіе... „Ахъ, Боже мой! закричала Катерина: что будетъ съ бѣдною Маріанною?„

Долгое время не спавши, пришла она въ изнеможеніе; а внутренняя скорбь еще болѣе ослабила ея здоровье, и она опасно занемогла. Но едва, только пришедши опять въ состояніе встать съ постели, рѣшилась она оставить С * * *, собрала небогатое свое имущество, пошла въ церковь, гдѣ была погребена ея Госпожа, омочила слезами гробъ ея, и отправилась въ Шарлевиль, отчизну свою, къ сожалѣнію Священника и всѣхъ жителей. Два года ничего о ней было не слышно. Наконецъ Священникъ получилъ отъ нее

кошелекъ сѣ двашцашью луйдорами и
письмо слѣдующаго содержанія:

Шарлевиль, 24 Сентября, 1775.

ПОУТЕННОЙ ОТЕЦЬ!

„Посылаю къ вамъ двашцашь луй-
„доровъ, по число денегъ, которое, какъ
„вамъ извѣстно, покойная моя Госпожа
„и благодѣтельница желала имѣть пе-
„редъ смертію. Слава Богу, что послѣ-
„дняя ея воля исполнися, и совершился
„то доброе дѣло, которое занимало ея
„мысли! Если бы у меня было болѣе
„денегъ, то бы я самолично вручила
„вамъ посылаемые при семъ двашцашь
„луйдоровъ; но у меня нѣтъ и сполько,
„чтобы заплашить за половину дороги.
„При всемъ томъ сердце мое спокойно,
„копя всегдашнее воспоминаніе покой-
„ной Госпожи и заснавляетъ меня проли-
„вашь слезы; а теперь уже сложила я сѣ
„себя то бремя, которое тягошило меня
„день и ночь. Покорнѣйше васъ прошу
„раздать деньги займы надежнымъ
„людямъ, чтобы учительница могла
„ежегодно получать отъ нихъ прибыль.
„Я почту себѣ за великое утѣшеніе,
„если

„если она впредь крестьянскихъ бѣдъ,
„ныхъ дѣвушекъ будетъ учить даромъ,
„и если всѣ мащери въ деревнѣ вашей,
„даже и въ сосѣдствѣ, которыя не могутъ
„давать никакой платы, спанутъ при-
„сылашь къ ней своихъ дѣшей. Надѣюсь,
„что невинныя дѣти и родители ихъ
„будутъ всегда молиться за благодѣ-
„шльницу свою, и что вы скажете имъ,
„кому они благодарностию обязаны. Между
„шѣмъ прошу я Бога только объ одной
„милости, а именно о томъ, чтобы Онъ
„подалъ мнѣ средство когда нибудь воз-
„вратиться въ С * * *. Когда увижу я
„собственными глазами училище, заве-
„денное благошвореніемъ покойницы,
„тогда уже ничего болѣе въ мѣрѣ не по-
„желаю. „

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю
честь быть

Вашею

Покорною служницею

Маріанна Рамбургъ.

Священникъ пришелъ въ величайшее
удивленіе, читая сіе письмо; душа его
удобна была ощущать всю великоспъ-
шакого дѣйствія. На другой день послѣ

обѣдни прочиталъ онъ всенародно письмо ошѣ Маріанны. Всѣ поселяне рыдали, и самъ Священникъ, не могши удерживать слезъ, часто долженъ былъ останавливаться. . . .

„Я такъ и думалъ, сказалъ Пётръ: сколько бы у меня выкашилось слезъ, естъли бы я шамъ былъ! Да состоялась ли школа?„

Конечно. Священникъ ошдалъ въ ростъ двашцать луйдоровъ. Сіе число денегъ, плодъ двулѣшняго шруда добродѣтельной Маріанны, приносило учительницѣ столько прибыли, что она могла учить даромъ всѣхъ бѣдныхъ дѣшей въ С * * *.

Теперь скажите мнѣ, дѣши, не надобно ли въ разсужденіи добродѣтели ошдать Маріаннѣ преимущество передъ Амвросіемъ? — „Ахъ, машушка! она еще гораздо лучше его сдѣлала: ничего не мудрено, что сожалѣніе засшавило Амвросія усердно работашь для Госпожи Вароннѣ, за что благодарность ея послѣ его и наградила.„ — Амвросіева добродѣтель все будешъ добродѣтелию, однакожь Маріаннѣ необходимо надобно ошдать преимущество;

спво: одно почшеніе кѣ памяти Госпожи заставило ее принести всѣ шѣ жертвы, копорыя принесѣ онѣ для сохраненія жизни своей Госпожи. Поступокѣ Амвросія достоинѣ удивленія, но поступокѣ Маріанны превышаетѣ всякую похвалу. По тому, что сдѣлала Маріанна для умершей Госпожи своей, судите, что бы она сдѣлала для спасенія жизни ея. — Не уже ли думаете вы, дѣши, что исторія Маріанны кончилась? — „Да какѣ же, матушка?“, — Развѣ не чувствуете вы, что нѣтъ еще развязки? Не говорили ли мы, что великодушному дѣлу не лѣзя, рано или поздно, не получить награды? — „Ахѣ! шѣмѣ лучше, матушка! и такѣ Маріанна будетѣ награждена, и вечерняя повѣсть еще не окончана? Какая же радость! — Такѣ что же будетѣ далѣе, матушка?“, — Маріанна, отдавши все то, что имѣла, начала снова работашъ, хотя уже и не съ такимѣ напряженіемѣ силѣ, ибо работала она только для содержанія своего. Въ сіе время умерѣ одинѣ изѣ родствениковѣ ея, копорой, будучи проношѣ ея добродѣтелию, оставилѣ ей ежегоднаго дохода двѣсти шестьдесятѣ ливровѣ. Получивши такое небольшое наследство и безпрестанно работая, Ма-

ріанна почитала себя богатою; къ тому же городъ Шарлевиль, въ копоромъ она жила, свободенъ отъ всякой подати (*) и въ изобиліи производилъ все нужное для жизни. Однакожь она издерживала для себя только самое необходимое, чтобы имѣть возможность подавать нѣкоторую помощь бѣднымъ.

„И такъ все Маріаннино награжденіе состояло въ двухъ стахъ шестидесяти ливрахъ! сказала съ печальнымъ видомъ Елисавета: на нашихъ деньгахъ будетъ это не болѣе семидесяти рублей. — Знай, отвѣчала Гжа. Добролюбова, что Маріанна съ 260 ливрами, живучи въ Шарлевиль и будучи трудолюбива, по соспоянію своему была богатѣе придворной Французской Госпожи, имѣющей ежегоднаго дохода дваццать пять тысячъ ливровъ. Вообще можно сказать, что богатство, возносящее насъ выше нашего соспоянія, не есть для насъ щастіе. —

А

(*) Шарлевиль, лежащій въ дваццати пяти миляхъ отъ Парижа въ Шампаніи, не платилъ Коронѣ никакого рода податей.

А по чему, мапушка? спросилъ Петрѣ. --- Положимъ, опвѣчала Гжа. Добролюбова, чшобы Иванъ, слуга швой, получилъ завтра въ руки пять сотъ тысячъ рублевъ. — „Иванъ бы совершенно былъ щасшливъ; у него доброе сердце, и онъ бы сдѣлалъ много добра.“ — Положимъ, что такое щаспие и не вскружило бы ему головы, не сдѣлало бы его щеславнымъ, гордымъ и безсмысленнымъ: однакожь при всемъ помъ былъ бы онъ жалокъ. Иванъ умѣетъ чипать и писать, хорошо мыслишь, и въ шеперешнемъ своемъ соспо-яніи онъ человекъ завидной: но что бы шакое былъ онъ въ *большомъ свѣтѣ*? Не былъ ли бы онъ подверженъ всякаго рода насмѣшкамъ? какъ бы сохранилъ онъ честь дома своего? каковы бы были его разговоры и внѣшніе поступки? могъ ли бы онъ владѣшь своимъ имѣніемъ и судишь, честенъ ли его управишель, или нѣшь? Онъ бы захопѣлъ женишься: конечно не женишься уже онъ шогда на какой нибудь мѣщанкѣ, но захочетъ взять жену благородную и хорошо воспитанную, кошорая пойдетъ за него только для однихъ денегъ, а послѣ будетъ мучишь его жизнь; по чему Иванъ нашъ при богатствѣ своемъ могъ бы быть и нещасшливъ и смѣшенъ.

Но

Но положимъ, чптобы къ нему пришло шеперь въ руки шолько пять шысячь рублевъ: будучи свободнымъ человкомъ, могъ бы онъ насъ по волѣ оставишь и женишья на какой нибудь купеческой дочери, кошпорая принесла бы ему за собою въ приданое штакже шысячь пять, или шесъ; имѣя достоинства и знанія, не совсѣмъ обыкновенныя по соспоанію его, былъ бы онъ всѣми любимъ, могъ бы войшъ въ торгъ и бышь шасшавымъ человкомъ. — „Правда, матушка; но ештли бы Иванъ и получивши пять сошъ шысячь рублей оштался въ прежнемъ своемъ соспоаніи, не захошѣлъ жишь въ городъ, купилъ бы себѣ землю, нанялъ работниковъ, женился на деревенской дѣвушкѣ и всѣ бы оставшіяся деньги употребилъ на благодѣянія: шо не уже ли бы надъ нимъ смѣяшься спали и онъ бы не былъ шасшавъ? — Иванъ очень честной человкъ, но шы хочешь уже его сдѣлать Философомъ и Героемъ; а я ни шого, ни другаго за возможное не почиаю. Къ шому же надобно еще, чптобы жена его была шакая же Героння, и чптобы всѣ дѣши ихъ были Философами; а безъ шого жена не согласишья большою чашпію богашства своего подѣлишья съ бѣдными,

да и дѣши также спануть думать, и бѣдной Иванъ безпрестанно долженъ будетъ отъ всего семейства своего слушать упрёки. — „Такъ ему женишься не надобно,“ — А естли ему женишься захочешся? — „Да положимъ, что ему не захочешся эшова никогда,“ — Такъ у него дѣшей не будешъ: какого же великаго удовольствія ты его лишасшь! — „Ахъ, мапушка! пусть будешъ у него хорошая мать, такъ онъ ничего не потеряешъ!“, — Другъ мой! . . . Но пусть будешъ все такъ, какъ ты хочешь. Я кладу, что Иванъ имѣетъ нѣжную мать, которая будешъ жить съ нимъ въ сельскомъ его домикѣ; онъ спанешъ жить весьма умѣренно и значное число денегъ ежегодно будешъ употребляшь на помощь бѣднымъ: но не уже ли думаешь ты, что богатство не навлечетъ на него множества хлопотъ? — „Да какихъ же, мапушка?“, — Иванъ не знаетъ сердца человѣческаго; коварныя люди войдутъ къ нему, въ довѣренность, показывая, будшо хошашъ научать его всему доброму и споспѣшествовать благодѣтельности его. Думая дѣлать добро, будешъ онъ ими обманутъ, обкраденъ, раззоренъ, и, вмѣсто всякаго добра, обогатитъ обманщиковъ и злодѣевъ.

дѣвѣ. — „Но естли будешъ онѣ имѣть довѣренность къ однимъ умнымъ и честнымъ людямъ?“, — Къ несчастію, людей съ пропивными свойствами гораздо больше. И такъ прошу васъ замѣшпть, сколько надобно дѣлашь чрезвычайныхъ и почти невозможныхъ предположеній, чшобы Иванъ могъ бытъ благополученъ, естли бы завтра ошѣ руки щастія получилъ онѣ пять сотѣ тысячъ рублей. ---- „Вѣ правду говорите, мапушка. Теперь чувствую, что для благодѣяній не довольно одного добраго сердца: надобно имѣть еще и просвѣщенной разумъ. Понимаю и то, что несчастливѣ человекъ, естли изъ природнаго своего состоянія переходитъ онѣ въ вышнее.“ — То естъ такой человекъ, какъ Иванъ и добродѣтельная Маріанна, и человекъ безъ воспитанія; ибо люди добродѣтельные, просвѣщенные и знающія хорошо сердце человеческое, могутъ бытъ щастливы во всякомъ состояніи: по крайней мѣрѣ ни въ какомъ состояніи не могутъ они бытъ не на своемъ мѣстѣ. — „Хорошее воспитаніе очень важно.“ — Конечно; оно дѣлаешъ насъ ко всему способными, открываешъ намъ тысячу средствъ къ поправленію худыхъ обстоятельствъ, предохраняешъ насъ отъ

ошѣ глупой гѣрдосши, копорю весьма часто надуваетѣ щастіе, или, по крайней мѣрѣ, оно научитѣ насѣ скрывать ея. Оно облегчаетѣ чувство неравенства, нудитѣ людей любить насѣ и доспавляетѣ намѣ сладчайшія удокольствія. Оно дѣлаетѣ для насѣ уединеніе пріятнымѣ, а въ мѣрѣ показываетѣ насѣ всѣмѣ съ хорошей стороны; оно доводитѣ до совершенства разумѣ, удобряетѣ сердце и разверпываетѣ душевныя способности. Судите же, любезныя дѣши, какою благодарностію обязанѣ хорошо воспитанной человекѣ всякому, бравшему какое нибудь участіе въ воспитаніи его. --- „А особливо родителамѣ своимѣ,“ ---- Безѣ сомнѣнія; и кто чувствуетѣ, такѣ какѣ вы, всѣ свои кѣ нимѣ обязанности, потѣ сердечно любитѣ и почитаетѣ и учителей своихѣ, равно какѣ и прочихѣ приспавниковѣ, копорымѣ удѣлили они нѣкопорыя свои права. — Послѣ сего Гжа. Добролюбова вспала, обняла дѣшей и послала ихѣ ложитѣся спать.

На другой день разговаривали дѣши по обыкновенію о вчерашней повѣспи. Онѣ не пересспавали хвалитѣ добродѣтельной Маріанны Рамбургѣ, но не взирая на все то, что имѣ говорила Гжа. Добролюбова,

любова, не могли онѣ увѣришься, чшобы Маріанна была по достоинству щасшлива. Двумя спами шесспидесятью ливрами годоваго дохода она сама съ нуждою прожить можешѣ, сказала Катерина; а что бы помогашѣ бѣднымѣ, ей надобно безпрестанно работашѣ, издерживая для себя, какѣ говоритѣ машушка, шолько самое необходимое: эшо мнѣ очень прискорбно. Я желала бы, чшобы она по крайней мѣрѣ могла помогашѣ бѣднымѣ безѣ всякаго для себя опшгощенія.

Я все слышала, сказала Катеринѣ послѣ ужина Гжа. Добролюбова, что ты говорила о Маріаннѣ. Да опѣ чего же ты краснѣешь? — „Машушка, . . . ; Ештли тебѣ досадно, что я подслушывала разговоры твои съ братомѣ и сестрою, такѣ впередѣ за десять шаговѣ опѣ меня громко не говори. — „Ахѣ, машушка! мнѣ опѣ васѣ шаншѣ нечего.„ — Такѣ опѣ чего же краснѣешь? опвѣчай мнѣ. --- „Опѣ того, что, не смотря на вчерашнее ваше разсужденіе, я утверждала, будшо бы добродѣшель Маріаннина получила очень несовершенное награжденіе; а шеперь чувствую, что я очень виновата, думая различно съ моею машушкою.„ ---- Будь увѣрена, что мнѣніе швое несправедливо, еспшли

естьли оно съ моимъ не согласно. Когда доказательства мои тебя не убѣждаютъ, такъ предлагай мнѣ свои сомнѣнія: я всегда готова тебя слушать и опвѣчать тебѣ. И такъ естьли ты различнаго со мною мнѣнія, то, кажется, надобно тебѣ въ помѣ чистосердечно передо мною признаваться: я даже опъ тебя и пре-
 бую эпова. Но говоря о помѣ съ другими, простиупаешья цзб прошивъ того почте-
 ния, которое ты обязана имѣть ко мнѣ. Сверхъ того, естьли ты несправедливо поняла меня, то не возможно мнѣ будешъ вывести тебя изъ заблужденія, естьли ты мнѣніе мое не при мнѣ критиковать спанешъ. — „Крипиковать? Ахъ, ма-
 пушка! что это за слово! „ — Можешъ бышь сказала я уже слишкомъ сильно. Однакожь не говорила ли ты, что Мари-
 анна по швоему мнѣнію недовольно награ-
 ждена, и что ты со мною въ эпомѣ не-
 согласна? . . . Хочешъ ли ты выслушать
 доказательства мои? — „Ахъ, мапушка!
 съ величайшею радостію; я буду спа-
 раться понимать васъ, чтобы согласно
 съ вами думать. „ — Вишь ты недо-
 вольна шѣмъ, что Марианна по мнѣнію
 швоему не совершенно щасплива? — „Да,
 мапушка. „ — А что можешъ сдѣлать
 Часть IX. Но, 12. Л совер-

совершенно счастливымъ человека честнаго, простаго, трудолюбиваго и въ великодушїи до вышшей степени дошедшаго? . . . Не уже ли деньги? . . . Ты конечно этого не думаешь. — „Но естли денегъ желаешь на доброе, такъ вѣшь онѣ могутъ еще щастіе наше увеличить. „ — И такъ благодѣтельность можетъ по своему мнѣнію дѣлать людей честнолюбивыми, а этому быть вѣдьзя. Богатства желаютъ всегда либо ¹⁰ гордости, или по корыстолюбію. Естли къ благодѣтаніямъ побуждаетъ человека не суешность, такъ онѣ бываетъ совершенно доволенъ тѣмъ, что помогаетъ бѣднымъ по своей возможности. Богатой благодѣтель подаетъ съ большимъ шумомъ, а бѣдной съ большимъ удовольствіемъ. — „Почему же, матушка? „ — Понять не трудно: чѣмъ дѣйствіе наше лучше, тѣмъ болѣе доставляетъ оно намъ удовольствія. — „Это совершенная правда. „ — Дѣйствіе бываетъ тѣмъ лучше, чѣмъ дороже оно стоитъ. Человекъ, имѣющій двадцать тысячъ рублей годоваго дохода, и проживающій только десять, чтобы оснатокъ отдавать бѣднымъ, дѣлаетъ конечно доброе дѣло, и, по нещасію, весьма рѣдкое. Однакожь чего онѣ

лишатъ

дѣлаетъ себя? Нѣкоторыхъ блестящихъ бездѣлокъ, нѣкоторыхъ брилліаншовъ, нѣкоторыхъ излишнихъ украшеній. Удерживая у себя ежегодно десять тысячъ, можетъ онъ имѣть всѣ невинныя пріятности въ жизни, которыя доставляютъ счастье. Онъ опказался опъ однѣхъ суешныхъ излишностей; такая жертва не важна, а очень блестяща: она прославляетъ его и возбуждаетъ къ нему во всѣхъ почтеніе. Онъ безъ сомнѣнія счастливъ и достоинъ быть таковымъ. Но счастье бѣднаго благошворителя счастливо болѣе его счастья. Представь себѣ Маріанну съ двумястами шестидесятью ливрами ежегоднаго дохода; представь, что она дѣлаетъ добро только для Бога и совѣсти своей; вообрази ее себѣ цѣлой день работающую для того, чтобы вечеромъ опнести шихонько какому нибудь больному, или бѣдной матери небольшое число денегъ, накормить ослабѣвшаго мясною похлебкою, либо примѣ или четверымъ ребятамъ доставить клѣбъ. Послѣ этого поди за нею мысленно домой, и ты увидишь ее возвращающуюся съ заплаканными глазами, еще шѣми сладостными слезами омоченными, которыя она пролила. Она вхо-

дипѣ въ маленькую свою комнапу, и ужинѣ ея, можешѣ спашься, будешѣ со-
спояшѣ полько въ одномѣ салатѣ; но она
скажешѣ сама въ себѣ кушанье, опѣ
копорого мнѣ на нынѣшній день отка-
зашься надобно, насыщаешѣ чепверыхѣ
нешаспныхѣ. — Такая мысль наполняешѣ
ея сердце сладоспнымѣ удовольспвіемѣ.
Она воспоминаешѣ благодарность бѣдной
машери; еще, кажешься ей, слышишѣ она
слова ея и видишѣ дѣпей сѣ жадноспію
бросающихься на хлѣбѣ, копорого онѣ
щещно уже два дни просили. --- Не дол-
жно ли шакое воспоминаніе усладитѣ бѣд-
ной ея ужинѣ? Сѣ какимѣ удовольспвіемѣ,
сѣ какою вѣрою, вспавая изѣ за спола,
помолишья она Богу, сказавшему: *Внем-
лите милоспныи вашья не творити предѣ
исловѣки, да видими будете ими: аще ли
же ни, мзды не имате отѣ Отца вашего,
иже есть на небесехѣ* (*). Маріанна не
имѣла щаспія и славы извлечь изѣ бѣд-
носпи множеспва нешаспныхѣ; не завела
она ни училищѣ, ни больницѣ, однакожь
подавала она милоспныю шайно, да и
подавала шо, чшо для нее самой было
весьма нужно. Она не искала ни похвалѣ,
ни

ни одобренія другихъ людей: одна Религія и любовь къ челоувѣчеству управляла ею. Въ размышленіяхъ своихъ, въ своемъ сердцѣ и въ воспоминаніяхъ дѣлъ своихъ, а особливо въ принесенныхъ ею жерпвахъ, находить она неиспощимой источникъ благополучія; коротко скажешь, она еще въ здѣшней жизни вкушаетъ часть безсмертнаго Ангельскаго блаженства, будучи довольна сама собою и увѣрена въ милоспи Божіей. — Теперь, надѣюсь, ты уже поймешь, что Маріанна, будучи богашѣе и помогая бѣднымъ безъ опнятія у себя нужнаго, не могла бы столько утѣщаться своею милоспиною, потому что она не столько бы для нее дорога была. Это знаешь ты по себѣ. Тебѣ прислали кузовъ съ яблоками: ты раздѣлила ихъ съ братомъ и сестрою. Прасковья принесла тебѣ ягненка: сестра попросила его, а ты отдала. Скажи теперь, которое изъ этихъ двухъ дѣйствій принесло тебѣ болѣе удовольствія? — „Отдавши сестрицѣ бѣленькаго ягненка, я болѣе радовалась.“ — А видишь тебѣ жаль было съ нимъ разстаться? — „Жаль, машушка; однакожь это самое и заставило меня почувствовать то великое удовольствіе, ко-

второе сдѣлаетъ онѣ сестрицѣ. Я думала, что сестрица будетъ въ восхищеніи, если я подарю ей ягненка; я представляла себѣ ея удивленіе и радость, и думала, что подаривши его, болѣе буду радоваться, нежели играя имѣ сама. Я взяла у няни розовую ленточку, повязала ее на шею ягненка и побѣжала искать сестрицу. Сердце у меня очень билось — однакожь отъ радости. Я была въ восхищеніи., — Принося великодушно какуюнибудь жертву, всегда бываемъ мы въ такой радости: чѣмъ болѣе жертва, тѣмъ мы довольнѣе собою. По радости, копорую ты ощущала, воображая радость сестрину, когда бы она ягненка въ подарокъ получила, можешь ты судить о той, копорую чувствовашь должно, подавши помощь несчастному семейству, бывшему въ опасности умереть отъ голода и бѣдности. — „Ахъ, мамушка! безъ всякаго труда могу я себѣ это представить. Но когда позволили вы намъ имѣть по величайшее удовольствіе, чтобы помогать несчастнымъ?., — Въ слѣдующую зиму, возвращаясь въ Москву, если вы во все это время будете себя вести хорошо. — „Это будетъ самое лучшее для насъ награжденіе.

Но

Но когда, матушка, и здѣсь нѣтъ очень несчастливыхъ людей, то какъ же быть имъ въ Москвѣ, въ такомъ хорошемъ городѣ, въ которомъ живетъ множество людей богатыхъ? — Несчастныхъ найдешь во всякомъ городѣ; а что касается до богачей, то они еще менѣе другихъ помогаютъ бѣднымъ. Чѣмъ многочисленнѣе городъ, тѣмъ болѣе въ немъ нищихъ: роскошь, владычествующая въ большихъ городахъ, бываетъ обыкновенною по тому причину. — „Одно это можетъ отъратить человѣка отъ городской жизни, а деревню напрошивъ того сдѣлать пріятною. Да какъ же, матушка, найти тѣхъ несчастныхъ, о которыхъ вы говорите? Я знаю, что тѣ еще не самые здощастные, которые просятъ милосердію. Больные, не имѣющіе силы выйти и на улицу, . . . Такихъ-то бываетъ множество въ большихъ городахъ; не бываетъ въ нихъ почти ни одной улицы, въ которой бы не лзя было найти такого человѣка. — „Боже мой! и мимо домовъ ихъ безпрестанно ходятъ? и сосѣди ихъ не заботятся о нихъ? . . . Такъ вы думаете, матушка, что и на нашей улицѣ въ Москвѣ есть такіе бѣдные? У меня бы отъ этого глазъ съ глазомъ во всю

ночь не сошелся. Какъ можно спать покойно, когда подумаешь, что за спо шаговъ, можешь быть, живешь опъ себя бѣдной больной человекъ, валяющійся на соломѣ!., — Сохрани навсегда такое чувство человекѣлюбія, любезная дочь; когда же будешь у себя деньги, и себя захочешь купить какихъ нибудь бесполезныхъ бездѣлокъ, по вспомни эту мысль и скажи сама себѣ: деньгами, которыми заплачу я за эту игрушку, могшую бы мнѣ въ два дни наскучить, могу я спасти жизнь умирающаго младенца и безупѣшной матери. — „Ахъ! я никогда не стану покупать лишнихъ бездѣлицъ.„ — Не говори этого: потому что по всей вѣроятности не можешь сдерживать своего обѣщанія. Довольствуйтесь только необходимымъ, а прочее отдавать бѣднымъ, есть дѣйствіе такой добродѣтели, которой не лзя ожидать опъ дѣшей. Хорошо, еслии увѣришь и въ томъ, что эта добродѣтель существуетъ, и что только она одна можетъ человека сдѣлать на землѣ щасливымъ. Приучайтесь съ нынѣшняго еще времени размышлять о тѣхъ малостяхъ и бездѣлкахъ, которыя часто бывають предметомъ вашихъ желаній. Подумайте,
что

что онѣ доставляютъ только преходящія удовольствія, забавы суешныя и мечшательныя; подумайте также напрошивъ того, что и одно повѣствованіе о добромъ дѣлѣ васъ прогаешъ, восхищаетъ и заставляешъ проливать слезы — Что бы вышло, если бы такое дѣло вы сами сдѣлали? — Приводите себѣ иногда на мысль множество несчастныхъ, помящихся голодомъ тогда, когда вы хлѣбъ бросаете; они дрожатъ отъ холода, не имѣя одежды, а вы рѣжете свое платье для наряда куколъ. Такія размышленія сдѣлаютъ васъ человеколюбивыми и бережливыми; пошому что безъ бережливости не лзя быть щедрымъ. И такъ привыкайте ничего не бросать даромъ, налагайте сами на себя небольшія жертвы, и старайтесь управлять собою. Не забывайте никогда, что посредствомъ одной добродѣтели можно сдѣлаться почтеннымъ, любимымъ и щастливымъ; не забывайте и нашихъ разговоровъ и вечернихъ повѣстей. Душа ваша мало помалу будетъ возвышаться, а разумъ просвѣтлится: вы будете истинными благодѣтелями, услажденіемъ и славою вашей матери. — „Мнѣ бы теперь же хотѣлось сдѣлать васъ щастливою, мамушка. Развѣ совсѣмъ не лзя

въ моихъ лѣтахъ имѣть шакого добраго сердца, чтобы для бѣдныхъ отказатьсь отъ бездѣлокъ? — Въ лѣтахъ твоихъ не возможно имѣть основательнаго разсудка, чтобы достигнуть того совершенства, о которомъ ты говоришь. Ты еще ничего не видала, все для тебя ново, все тебя прельщаетъ; но когда научишься судить основательно, тогда множество малостей, которыя теперь нравятся тебѣ и привлекаютъ къ себѣ твои глаза, покажутся тебѣ пустыми, и ты станешь уважать единственно то, что трогаетъ сердце: но ничто совершенно его не довольствуешь, кромѣ благодѣянiя. Впрочемъ никто не обязанъ отдавать всего излишка своего бѣднымъ. Евангелiе предписываетъ намъ давать милостыню (*), но оно не повелѣваетъ намъ для выгоды другихъ людей лишаться всего. Хотя бы шло, кто совершенно одушевленъ духомъ Евангелiя, и отдалъ нищимъ все свое имущество: однакожь Христiанской законъ не требуетъ того, чтобы мы всѣми житейскими удовольствiями жертво-

---

(*) Просящему у тебе дай: и хощаго отъ тебе зяпти не отврати. Матѳ. гл. 5. ст. 42.

швовали челоѡколюбію; онѡ требуетѡ
только, чтобы мы воздерживались отѡ
исполненія прихостей, для заглажденія
многихѡ пороковѡ нашихѡ благошворені-
емѡ. — „Все это для меня понятно.
Кто посредственно хорошѡ, тотѡ от-
даетѡ небольшую часть своего излишка;
кто очень хорошѡ и набоженѡ, тотѡ
отдаетѡ болѡе половины; а кто совер-
шенно хорошѡ, тотѡ отдаетѡ все. —
Роспись твоя очень справедлива. — „Да
вы только теперь сказали, матушка,
что не лзя бытъ щедрымѡ безѡ
бережливости? — Конечно. Что ты
потеряешь и промотаешь, то украдешь
у нищихѡ. Небережливость порочна еще
болѡе по тому, что она не доставляетѡ
намѡ никакого удовольствія. На прим. ка-
жется, у меня вѡ карманѡ записка тѡмѡ
вещамѡ, которія ты, Катерина, нынѡ-
шнимѡ годомѡ потеряла; няня твоя от-
дала мнѡ ее. . . Вотѡ она. Ты потеряла
черную шафтяную маншелю, шесть но-
совыхѡ плашковѡ, четыре пары перчатокѡ,
два наперстка, при игольника и ножницы.
Все это надобно было покупать снова и
заплатить за то рублейѡ десять. Если
бы ты была осторожнѡе, такѡ бы десять
рублей осталось у меня вѡ карманѡ, и

я могла бы употребить ихъ либо на какое нибудь для себя удовольствіе, или на благодѣяніе. Буде ты не постараясь освободиться отъ этого порока, такъ онъ съ возрастомъ твоимъ будетъ мнѣ становиться дороже; потому что, пришедши въ лѣта, будешь ты имѣть у себя много дорогихъ вещей. Завтра расскажу я тебѣ такую исторію, которая въ разсужденіи небрежливости, надѣюсь, можешь сдѣлать въ тебѣ впечатлѣніе. —

„Да для чего же не теперь, матушка? Теперь еще очень рано.“ — Для того, что я еще не кончила вчерашней повѣсти. — Какъ! закричали всѣ дѣти: исторія Маріанны Рамбуръ еще не кончена!„ — Я вамъ не сказывала, что она вся. Вы меня безпрестанно оспанавливали, и вопросы ваши не дали мнѣ времени продолжать повѣсти. Я старалась доказать вамъ, что худо воспитанныя люди вообще бывають достойны сожалѣнія, когда непредвидимая судьба выводитъ ихъ изъ того состоянія, въ которомъ они родились. Я увѣрила, естли не ошибаюсь, Катерину, что Маріанна Рамбуръ съ 260 ливрами ежегоднаго дохода могла быть щастлива; однакожь я не сказала, чтобы это не боль-

большое наслѣдство составляло все награжденіе, копорымъ Небо увѣнчало добродѣшель ея. Я вспомнила вамъ положеніе, что *великодушное дѣйствіе и въ самомъ эдѣшнемъ мірѣ никогда безъ награжденія не остается*. Послѣ эпова вы всѣ закричали, что 260 ливровѣ въ годѣ дохода очень не много, не узная, подлинно ли все награжденіе ея въ эпомѣ состояло. — „Вижу теперь, что не надобно поропиться дѣлать заключенія, и что прежде рѣшенія надобно все узнать почно. Мы заслуживали, чтобы вы въ наказаніе намъ не досказывали конца Маріанниной испоріи; однакожь бы эшо было для насъ очень прискорбно. — До эпова прискорбія и доведши я васъ не намѣрена. Довольно для меня и шого, что вы впередъ обѣщаешь судить и заключаешь не слишкомъ поспѣшно.

Возвратимся къ Маріаннѣ. Въ уединеніи своемъ услышала она, что Священникъ въ С * * * чиналъ письмо ея всенародно; ей было эшо очень непріятно. Она писала о семъ къ Священнику такъ: „Мнѣ очень жаль, что вы разгласили ша- „кое дѣло, копораго бы никому знашь не „надобно, кромѣ Бога и васъ. „Хотя ша- „кое сожалѣніе было очень искренно, одна- „кожь

кожъ скоро весь Шарлевиль узналъ исторію Маріанны. Первыя люди въ городѣ старались ее увидѣть и познакомиться съ нею. Многія даже изъ нихъ употребили всѣ возможные средства принудить ее принять помощь, въ которой ея положеніе, казалось, имѣло нужду. Но Маріанна никакъ на то не соглашалась, отвѣчая всегда, что она ни въ чемъ нужды не имѣетъ, и что она совершенно довольна своею участвію. Наконецъ Священникъ деревни С * * * по обстоятельству своимъ долженъ былъ ѣхать въ Парижъ. Пріѣхавши туда, при всякомъ случаѣ рассказывалъ онъ поступокъ своей Героини. Между прочимъ рассказалъ онъ прогательную сію исторію одной Госпожѣ, вручивши ей нѣкогорыя Маріаннины письма и описаніе заведенной ею школы. Сія Госпожа отдала бумаги сіи одному ученому своему пріятелю, чтобы онъ помѣстилъ ихъ въ своемъ сочиненіи, которое онъ тогда готовился отдать въ печать (*) — „Какъ! жизнь Маріанны напечатана? Я этому очень рада; Маріанна уже прославилась.“

(*) Подъ названіемъ: la Fete de la Rose, напечатанная при романѣ, наименованномъ: les Amours de Pierre le Long.

вилась., — Не смотря на скромность свою, спала она известною. Но послушайте, чѣмъ все кончилось. — „Такъ вотъ еще развязка! Сердце у меня бьется. Что же, машушка?„ — Одинъ молодой Принцъ, который былъ тогда въ пвоемъ аѣша, Пепруша — Надобно сказать, что онъ подавалъ и въ дѣшствѣ, подавалъ и теперь надежду, что величїе добродѣтели его не уступитъ величїю шого званїя, къ которому его Провидѣнїе назначило — Сей Принцъ, такъ какъ и вы, любезныя дѣти, любилъ слушать прогашельныя повѣсти: онъ возбуждали все вниманїе его, производили сильно влечашельнїе въ его сердце и начертывались у него въ памяти. Особа, участвовавшая въ его воспитанїи, рассказала ему однажды исторїю Марїанны Рамбуръ. При концѣ повѣсти молодой Принцъ, заливаясь слезами, воскликнулъ: *какъ жаль, что я еще ребенокъ!* — Для чего, милосливой государь? спросили у него. — „Я наградилъ бы эту добродѣтельную дѣвицу.„ — У васъ есть нѣжной родитель. — „Могу ли я попросить его?„ — Безъ всякаго сомнѣнїя; прозьба ваша очень его обрадуетъ. — Принцъ, внѣ себя отъ радости, вскочилъ, бросился вонъ изъ

ком-

комнашы, пробѣжалъ черезъ коридоръ въ прешій эшажъ, вбѣжалъ въ билліаршную комнашу, въ кошорой было человѣкъ десять посстороннихъ. Но Принцъ не видалъ никого, кромѣ своего родишеля. Не взирая на природную свою заспѣнчивость, бросился онъ въ его объятія, и рыдая, сказалъ ему: *Батюшка! я хочу просить васъ объ одной милости.* Отведя его въ другую комнашу, предложилъ онъ ему прозъбу свою такимъ образомъ, что родишель пролилъ слезы. Онъ обнялъ сына своего, радуясь его чувствительности, и прижимая его къ своему сердцу, сказалъ: теперь же своимъ именемъ пошлю повелѣніе о ежегодной выдачѣ Маріаннѣ Рамбуръ шести сотъ ливровъ. — „Теперь, машушка, перервала Катерина, я совершенно довольна. . . . Какой добродушной Принцъ! Какъ же, думаю, былъ онъ веселъ! . . . Вѣрно онъ самъ захошѣлъ писать къ Маріаннѣ, чтобы уведомишь ее о такой новости, — Самъ, и письмо написалъ такое:

С. Л. 2 Авг. 1782.

„Я очень щаспливъ, что меня уведомили о поступкѣ, кошорой былъ дѣйствіемъ вашей дружбы къ Госпожѣ С***

„ибо

„ибо сіе подаетъ мнѣ случай сказать
„вамъ, какъ я пронутъ имъ. Мнѣ хотѣли
„доказать, сколь хороша добродѣшель,
„и сколь достойна она любви; и для
„того рассказали мнѣ вашу исторію.

„Я обязанъ вамъ урокомъ, которой
„у меня никогда изъ памяти не выдешъ,
„и которой я всегда съ чувствительной-
„стью воспоминаю. Примите, сударыня,
„о выдачѣ вамъ ежегодно по шести сотъ
„лировъ указъ, къ вамъ посылаемой, въ
„знакъ моего удивленія и живѣйшаго уча-
„стія, которое я во всю жизнь мою буду
„бращать въ судьбѣ вашей.

„При семъ же письмѣ прилагаю по-
„велѣніе выдать вамъ за первую чет-
„верть года полторадеся лировъ, щипая
„съ перваго числа прошедшаго Іюля.

Представьте себѣ, любезныя дѣти,
какое дѣйствіе произвело это письмо въ
чувствительной душѣ Маріанны; болѣе
по тому, что приложенной указъ напол-
ненъ былъ самыми уважительными и про-
гательными выраженіями. — И такъ
Маріанна по сосоянію своему, а болѣе
по мѣсту своего жилища, сдѣлалась очень
богатою, будучи почитаема всѣми почи-
ташелями добродѣтели.

VII.

„Ахъ, мапушка! какая прекрасная исторія! — Какъ полюбила я маленькаго добродѣтельнаго Принца!„ — Я надѣюсь, что завпрашня повѣсть вамъ не менѣе полюбится. Но теперь уже поздно, и намъ пора разойтись. — „Послушайте, мапушка! какая будетъ ша исторія, которую вы намъ завпра по милости своей рассказываете намъ рены?„ — Я расскажу вамъ исторію Эгланшины, онъ лѣности исправленной. — „Эгланшина! . . . Какое прекрасное имя! . . . И она была лѣнива?„ — Эпошъ порокъ еще не самой страшной, но вы увидите, какія можетъ онъ произвести непріятности. Между тѣмъ пойдѣмъ ложиться спать. — Сии слова возбудили великое любопытство въ дѣтяхъ, и онъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали назначеннаго для повѣстей времени, въ которое мать ихъ и начала рассказывать исторію свою, которую увидимъ въ слѣдующей Части.

В Е С Н А.

Наступаетъ весна и гонитъ къ сѣверу жестокую зиму. Вездѣ является пріятная переменна. Солнце возвышается, низпосылаетъ лучи свои на землю гораздо прямѣе, жаромъ своимъ распллетъ снѣжныя громады и превращаетъ ихъ въ мутную воду, а горы воздымаютъ къ небесамъ зеленѣющія главы свои.

Часто еще возвращается зима съ бурями своими и налагаетъ цѣпи мраза на блѣдное упряе; устращаетъ водныхъ пщцѣ, прилетѣвшихъ изъ жаркихъ странъ Юга, и нудитъ ихъ искать въ частомъ проспникѣ убѣжища отъ хлада. Но скоро уже мразъ не будетъ сжимать воздухъ; скоро уже испребятся всѣ признаки зимы, и сѣверныя вѣтры закроются въ мрачныхъ своихъ пещерахъ.

Наконецъ весна побѣждаетъ. Зима надолго долженствууетъ удалиться отъ предѣловъ нашихъ со всѣми своими бурями и мразами. Теплота солнечная, проникая въ сокъ растений, одѣваетъ ихъ зеленію, сею всеобщою одеждою юной Природы, въ которой тѣнь со свѣтомъ соединяется. Зефиромъ ведомая, спѣшитъ зелень сія отъ влажнаго луга къ сухому пригорку. Древа распускаются, и готвятъ густыя сѣни для прохладенія утомленнаго человѣка.

Южной вѣтрѣ навѣваетъ на лазуревое небо тяжелыя облака, исполненныя дожда весеннего. Сперва являющся онѣ въ видѣ небольшихъ пятенъ; но густой парѣ, отъ земли подѣмлющійся, быстро мчится на высоту и густою шмою небо покрываетъ. Вдругъ повергается зефирѣ въ совершенную тишину. Никакое дыханіе не препенетъ въ лѣсахъ дремучихъ, и не колеблетъ блистающихъ листочковъ осинника. Разливающійся рѣки, широко простирая воды свои, забыли, кажешся, свое печеніе. Все пребываетъ въ молчаніи и пріятномъ ожиданіи.

Отверзаются облака; сперва, опуская тихія капли, производящъ онья едва примѣтную зыбь на поверхности водъ, но по шомъ въ изобиліи проливаютъ на жаждущую землю сокровища свои. Гуляющіе среди рощей, помраченыхъ множествомъ листьевъ, едва слышатъ низпаденіе дожда. Но возможно ли тогда въ тѣни остаться, когда благое небо сыплетъ въ лоно Природы правы и цвѣты съ плодами? Все оживляется. Веселіе видно во взорахъ животныхъ; самыя горы, долины и лѣса, благодарящъ, кажешся, всеобщаго Творца. Величественной челобѣтъ, шествуя среди радостнаго шворенія, чувствомъ живѣйшей благодарности восхваляетъ высочайшую Благость.

Къ вамъ, опроки! обращаюсь я; къ вамъ, чувствительныя и нѣжныя души, могущія

гушія живѣе ощущать красоты Природы! Ядѣ развращенія не споль еще сильно дѣйствуетъ во внутренности вашей; природной вкусѣ не совсѣмѣ погибѣ въ васѣ, и вы еще можете быть друзьями моими. Идите за мною, юные челобѣки! разсматривайте тѣ картины, которыя буду я писать въ глазахъ вашихъ: вы увидите въ нихъ кисть Природы, ибо она учила меня живописи.

Цѣлой день Сизливаютьъ облака пипательной запасѣ свой, и удожденная земля исполняется распительной жизни. Наконецъ на западномъ небѣ проглядываетъ солнце изъ отверзтія красищихся облаковъ, пріятно измѣняющихся передъ лучами онаго. Быстрое озареніе мгновенио освѣщаетъ гору, пронизываетъ сквозь лѣсѣ и препенетъ на водахъ. Между тѣмъ являешся великая ээирная дуга, освѣчаемая восточнымъ облакомъ; испещренная различными цвѣтами, отъ краснаго просцираешся она до віолетоваго, сливающагося съ цвѣтомъ неба и исчезающаго. Для глазъ мудраго распускаютьъ шумѣ облака различную нить свѣта, а юной пастухѣ видитъ на небѣ распроспершуюся дугу, и бѣжитъ къ тому мѣсту, гдѣ, по мнѣнію его, надобно ей землѣ коснуться; но съ удивленіемъ примѣчаетъ, что играющая дуга отъ него удаляется, а наконецъ и совсѣмѣ пропадаетъ. — Наступаетъ тихая ночь, и насыщенная земля ожидаетъ утренняяго луча,

чтобы явить бальзамическія сокровища, дождемъ на нее изліянные.

Покрываютъ землю зеленыя травы, которыхъ роды и самой искуснѣйшей Бопаникъ изчислить не можетъ. Природа щедрою рукою на всѣ стороны разметала сѣмяна свои, разнесла ихъ въ вѣтрахъ и перемѣшала съ дождемъ. Но кому изъяснить силы ея? Кто чистымъ взоромъ проникаетъ въ сіе таинственное сокровище здравія, жизни и радости; въ сію пищу человѣка, когда онъ еще жилъ въ невинности и простотѣ, и, не зная болѣзней, былъ не хищникомъ міра, но повелителемъ его?

Оку моему открывается просторная долина, среди коей чистѣйшіе ручьи извиваются. Тутъ лилія пѣтъ росу, блестящую на зелени. Западной вѣтерокъ со всѣхъ сторонъ несетъ ко мнѣ благовоніе; сама Аравія не можетъ похвалиться пріятнѣйшимъ: оно вливается во всѣ чувства, проникаетъ въ душу и приводитъ ее въ сладостнѣйшее восхищеніе. Достоянъ возрѣнія и сей лугъ, усѣянный разнообразными цвѣтами, гдѣ Природа является въ прекрасной будничной одеждѣ. Разсматривающее око видитъ безпредѣльные красоты, необозображенные подражательнымъ искусствомъ. Тутъ миллионы трудолюбивыхъ пчелъ перелетываютъ съ мѣста на мѣсто, садятся на цвѣточные головки и
малень-

маленькимъ своимъ насосомъ выпягиваютъ изъ нихъ чистѣйшую сущность, эфирную душу.

Когда духъ любви, возбужденной оживляющимъ воздухомъ, овладѣетъ сердцемъ, тогда совокупаются пщицы въ хоры и начинаютъ воспѣвать пѣсни, бывши долгое время въ молчаніи. Пѣніе ихъ бываетъ сперва тихо, но нѣжное вліяніе усиливается, и пѣсни ихъ становятся громогласнѣе. Жаворонокъ, вѣспникъ упра, воспаряетъ со звучнымъ пѣніемъ; еще прежде, нежели исчезаютъ пѣни, поетъ онъ на воздушныхъ высотахъ подъ облаками сѣдѣющаго дня, и вызываетъ изъ гнѣздъ многочисленные роды пѣвцевъ. Всѣ рощи, всѣ кусты исполняются сладкогласія. Между пѣмъ соловей отплагаетъ пѣніе свое до наступленія ночи; онъ молчитъ и внимаетъ пѣснямъ другихъ пщичекъ. Всѣ прочія поютъ; самыя пѣ пщицы, которыхъ пѣніе называемъ мы карканіемъ и чиликаніемъ, присоединяя гласы свои ко гласамъ другихъ пщичъ, увеличиваютъ пріятность всеобщаго концерта.

Любовь песетъ въ пщичкахъ; сладкопѣніе, раздающееся по дубравамъ, кусточкамъ, пустынямъ, полямъ, лугамъ, есть гласъ любви. Любовь, могущественная! ты правишь подсолнечною! ты хранишь роды пварей, сбивая въ сердцѣ каждаго существа. Тебя обожала Древность; тебѣ Египтяне подъ именемъ Апоры сооружали храмы; именуя тебя

Венерою, приносила тебѣ Греція чистѣйшія жершвы. Будь благословенна, всеобщая Любовь!

Наконецъ каждая чета лепитъ гуды, куда влечетъ ее или удовольствіе, или безопасность. Онѣ удаляются въ дремучіе лѣса и тамъ гнѣздятся. Иныя ввѣряютъ плодъ свой колкой защитѣ терновника, иныя густотѣ малиновыхъ кустовъ; иныхъ укрываетъ вѣшвистое дерево, давая имъ насѣкомыхъ своихъ на пищу, а мохъ на гнѣзды. Нѣкоторыя оплещаютъ на удаленныя долины и въ дикія пустыни. Но большая часть пшичекъ любящъ лѣсное уединеніе, въ коемъ увеселяетъ ихъ тихое журчаніе источниковъ. Онѣ сносятъ сухія вѣшвы, и съ неподражаемымъ искусствомъ строятъ себѣ домики, обмазывая ихъ иломъ. Часто прилепающъ онѣ ко многочисленнымъ стадамъ овецъ и воловъ, и подбираютъ шерсть ихъ, по правѣ вѣшпромъ развѣваемую; иногда же психонько уносятъ съ гумна соломенки, пока жилище ихъ еще несовершенно.

Когда перплѣливая самка прилѣжно сидитъ на гнѣздѣ своемъ, не отвлекаема отъ личекъ своихъ ни голодомъ, ни любовію къ гулянію: тогда нѣжной ея супругъ сидитъ прошивъ нее и неупомимо улаживаетъ скуку ея пѣснями своими; или заснуваетъ иногда ея мѣсто, когда она сходитъ съ гнѣзда для вкушенія принесенной имъ для нее пищи.

Когда

Когда же время исполнися, и пшеницы по-лучашъ совершенную жизнь, тогда самка раз-биваетъ носкомъ своимъ шлѣбную темницу ихъ, и выходитъ на свѣтъ слабое семейство, беспреспаннымъ крикомъ пребудущее корма. Какія спраси, какія жаркія ощущенія любовнаго попеченія чувствуютъ тогда новыя родители! Онѣ лепшатъ и немедленно прино-сятъ имъ пищу; едва успѣютъ раздѣлить ее на равныя части, уже снова лепшатъ за нею. Такъ поступаетъ чета вѣрныхъ супруговъ, поверженныхъ въ злополучіе, и живущихъ въ уединенной хижинѣ среди дремучихъ лѣ-совъ, но исполненныхъ благородныхъ чувствъ и увеселяющихся попеченіями, надѣясь на покровительство Неба; такъ забываютъ они собственную свой голодъ, взирая на дѣ-тей своихъ, и отдающъ имъ все.

Не только презираютъ птицы сіи всякой прудъ, но любовь, вдыхаемая великимъ Оп-цемъ весны, вселяетъ въ нихъ и удивитель-ную хитрость. Когда хищная лиса прибли-жается ко гнѣзду ихъ, тогда укрываются онѣ съ пшеницами своими въ густотѣ бли-жайшихъ суковъ; когда же хищной человѣкъ хочетъ въ гнѣздѣ изловить ихъ, тогда вы-летаютъ онѣ, и, паря у него надъ головою, отвлекаютъ его слѣ пшеницовъ. Сколь жалки вы, пѣвцы лѣсные, когда человѣкъ лишаетъ васъ свободы и заключаетъ въ тѣсную клѣтку! головки ваши бывають тогда опягчены пе-

чалію, перья ломаются и перьяютъ прежній блескъ свой; пѣніе ваше лишается тогда почти всей прежней пріятности. Пощадите, друзья любви и лѣснаго сладкогласія, пощадите сихъ нѣжныхъ пварей! не заставляйте соловья сокрушаться о тщетныхъ заботахъ. Возвращаясь съ пищею, часто съ ужасомъ находить самка гнѣздо свое пустое; не видя шѣхъ, для которыхъ принесла кормъ, роняетъ она его на землю. Крылышки ея препекутъ, и едва долепаетъ печальная до густой сѣни вѣшвистой ивы, шупъ, предавшись опчальнію, всю ночь воспѣваетъ она спрданія свои.

Между шѣмъ младыя пшички оперяются и по внутреннему побужденію спремются изъ гнѣзда на чистой воздухъ. Въ часы тихаго и пріятнаго вечера, въ которой лѣса, одѣянные злымъ сіяніемъ, исполняются бальзамическаго запаха, новые сіи граждане посѣщаютъ воздушныя пространства. Прыгая на вѣшвахъ, удаляются онѣ еще отъ края, спрашася ввѣрить себя пустотѣ. Наконецъ родители и вожди ихъ лепятъ передъ ними и нудятъ ихъ слѣдовать своему примѣру: имѣя къ нимъ безпредѣльную довѣренность, бросаются онѣ за ними внизъ съ вѣшвей; воздухъ пріемлетъ ихъ въ нѣдра свои, и онѣ лепятъ, будучи научены пому самою Природою. —

Возвожу взоръ на зеленые пригорки, и вижу пасуха, сидящаго на свѣжей муравѣ и покойно разсмапривающаго заходящее солнце. Вокругъ его разсыпаются бляющія спада; исполнены веселія, прыгающъ агнцы. Почувствуя жажду, всѣ спада спѣшатъ къ чистому источнику, уже нѣсколько сполѣпшій кропкихъ овецъ напоявшему. Уполивши жажду, разсыпаются онѣ по кустамъ, пригорки окружающимъ. —

Не уже ли человекъ не присоединитъ улыбку свою ко всеобщей улыбкѣ Природы, когда и небо и земля спараются купно возвысить существо его и увеселить его душу? Не уже ли и въ сіе время свирѣпыя спрасти будутъ палишь грудь его, въ то время, когда каждое дуновение вѣтерка разноситъ миръ по шворенію? Бѣгите въ свѣтлыя пемницы свои, недостойные сыны земли! не держайте ходить по весеннему коври, вы, пребывающіе нечувствительными къ спраданію ближняго! Но васъ, благомыслящія души, въ которыхъ Творческая благость сіяетъ яснѣе, нежели во всѣхъ иныхъ тваряхъ, васъ призываетъ весна къ пиршеству всему; вы составляете вышшую красоту Природы. Подобно тихо дѣйствующему небу, часто нечаяннымъ благодѣніемъ приводите вы въ изумленіе нещаснаго, въ уединеніи живущаго. Для васъ развѣваютъ Зефиры благосми весеннія; для васъ изливаются въ обиди на землю

землю! пышательные дожди; для васъ свѣтитъ солнце, для васъ, цвѣтъ человѣчества! Радуйтесь, имѣя причину радоваться! Всѣ времена года васъ благопріеѣмствуютъ; теперь весна соплешаетъ для васъ особенно вѣнокъ изъ пышныхъ розъ своихъ и вѣнчаетъ имъ главы ваши. Послѣ долгаго весенняго дня жизни наступилъ ясной вечеръ, и вы заснете сномъ сладчайшимъ; освобождены отъ тѣлесности, души ваши возлепятъ къ новымъ явленіямъ, гдѣ любовь и блаженство вѣчно царствуютъ. —

Ты всемъ управляешь, небесной Отецъ нашъ! вездѣ видна рука Твоя. Изліяніе Духа Твоего есть душа шворенія; безъ него все бы погибло и возвратилось въ первое ничтожество, которое могущественнымъ Словомъ Своимъ Ты въ бытіе превратилъ. Тебѣ поклоняется Природа со всѣми шварями. Зефиры шикимъ вѣяніемъ хвалятъ Тебя. Тебя возвѣщають мрачныя пустыни, гдѣ древніе дубы густыми сѣнями своими вселяли въ душу мою благоговѣніе къ Тебѣ. Спремительные вихри, потрясая усрашенной міръ, проповѣдываютъ Твое могущество. Ручьи прославляютъ Тебя журчаніемъ своимъ; Тебя прославляютъ и быстрыя рѣки своимъ шумомъ. Величественной океанъ, шайнственной міръ чудесъ, мчитъ отъ предѣловъ къ предѣламъ звукъ славы Твоея. И травы и цвѣты и плоды благовоіемъ своимъ превозносятъ Твою щедрость. Хоры пшичекъ Тебя величаютъ.

чаюшѣ. Источникъ дня, огненное солнце, изливая на весь міръ свѣтъ, говоритъ мнѣ: не думай, чѣсбы свѣтъ сей, надбляющій жизненною теплотою тебя и всѣхъ шварей, собственно изъ меня изходилъ; нѣтъ, онъ сообщенъ мнѣ Опцемъ свѣтовъ, и Ему только обязанъ ты благодареніемъ. Луна и звѣзды по же говорятъ мнѣ. Громы гремятъ въ хвалу Твою; молнія блискаетъ въ Твою честь. — Восхвали же, о человекъ! восхвали и ты Бога. Ты глава, ты сердце, ты языкъ всего шворенія. Если бы судьба повелѣла мнѣ жить на краю міра, въ опдаленныхъ спранахъ Аравіи; тамъ, гдѣ восходящее солнце позлащаетъ сперва Индійскія горы, или гдѣ заходящіе лучи его озаряютъ Ашланпическіе острова: и тамъ бы равно ощущалъ я бытіе Бога, вездѣ присутствующаго, и тамъ бы радовался. Великъ Господь въ дѣлахъ Своихъ, великъ!

К О Н Е Ц Ъ   І Х   Ч А С Т И .

ОГЛАВЛЕНІЕ

Содержащихся въ сей Части повѣстей.

Стран.

<i>Вступленіе.</i>	- - - -	3
<i>Дельфина, или щастливое кѣлѣченіе.</i>	-	20
<i>Мѣдникъ, или взаимная благодарность.</i>		101
<i>Великодушіе дружбы.</i>	- -	144
<i>Весна.</i>	- - -	195

ВЪ Университетской книжной лавкѣ въ Москвѣ, продаются слѣдующія книги; также можно всѣ оныя получить, по тѣмъ же цѣнамъ, чрезъ всѣ Почтовыя Конторы.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ:

- 1) Достопамятности Императрицы Екатерины II, 1779. въ 8. Москва, 60 к. бум. 65 к. пер. 85 к.
- 2) Дѣтская книга, или общія мнѣнія и изъясненія вещей, коимъ дѣтей обучать должно, изданіе второе, 1780. въ 8. Москва, 25 к. бум. 30 к.
- 3) Дѣтская Философія, или нравоучительные разговоры между одною Госпожею и ея дѣтьми, сочиненныя для поспѣшествованія истинной пользы молодыхъ людей 2 Части, 1776 и 1779. въ 12. Москва, 120 к. бум. 130 к. 170 к.
- 4) Дѣтское чтеніе для сердца и разума, 8 Частей 1785 и 1786. въ 8. Москва, 5 руб. бум. 540. к. пер. 600 к.
- 5) Золотой прутъ, восточная повѣсть, 1782. въ 8. Москва, на бѣлой бумагѣ 80 к. бум. 85 к. пер. 105 к.
- 6) Карманная, или памятная книжка, для молодыхъ дѣвицъ содержащая въ себѣ наставленіе прекрасному поведению, съ показаніемъ, въ чѣмъ должны состоять упражненія ихъ, 1784. въ 8. Москва, 25 к. бум. 30 к.
- 7) Книга премудрости и добродѣтели, или состояніе человѣческой жизни, Индѣйское нравоученіе, 3 Части, 1786. на бѣлой бумагѣ, въ 8. Москва, 70 к. бум. 75 к. пер. 1 руб.
- 8) Наставленіе отъ отца дочерямъ, 1784. въ 8. Москва, 35 к. бум. 40 к.
- 9) Описаніе крашкоего образа жизни, нравовъ и обрядовъ въ разныхъ Народахъ, 1782. въ 8. Москва, 55 к. бум. 60 к. пер. 80 к.
- 10) Основанія начальныя дѣтскаго Христіанства, по вопросамъ и отвѣтамъ расположенныя, которыя большею частію изображены

словами самаго Священнаго Писанія для Дѣтскаго чтенія, 1786. на бѣлой бумагѣ, вѣ 8, Москва, 30 к. бум. 35 к.

11) Оспровѣ надежды, иносказаніе для дѣтскаго чтенія, 1785. вѣ 8. Москва, на бѣлой бумагѣ 35 к. бум. 40 к.

12) Письма нѣкоторой духовной особы и его дочери, писанныя изъ деревни къ его сыну, находящемуся вѣ Лондонѣ, 1784. вѣ 8. Москва, 60 к. бум. 65 к. пер. 85 к.

13) Правила истинныя Христіанскаго воспитанія дѣтей, предложенныя вѣ писмѣ, вѣ копиромѣ содержатся такъ же начальныя основанія Христіанской Религій и жизни для людей всякаго сословія, 1785. вѣ 8. Москва, 40 к. бум. 45 к.

14) Путьеводитель юношества, или наставленія отца къ сыну, съ приобщеніемъ краткаго сочиненія подѣ заглавіемъ: Чувствительность, 1786. вѣ 8. Москва, на бѣлой бумагѣ 40 к. бум. 45 к.

15) Путешествіе добродѣтели, или спранствованіе по свѣду юнаго Китайскаго Царевича съ Философомъ, предводителемъ спвовавшимъ и научавшимъ онаго, вѣ новѣйшія времена случившееся, 2 Части, Москва, 1782 вѣ 8. на бѣлой бумагѣ 90 к. бум. 100 к. пер. 115 к.

16) Театръ для пользы Юношества, на голландской бумагѣ, Москва, 1779 вѣ 8. 130 к. бум. 140 к. пер. 160 к.

Онѣ же на Россійскомъ и Французскомъ, 255 к. пер. 285 к.

17) Училище юныхъ дѣвицъ, или разговоры матери съ дочерью, подающіе ясныя понятія и нужныя познанія для юности, служащія продолженіемъ и дополненіемъ Дѣтскаго Училища, 1784. вѣ 8. Москва, 90 к. бум. 100 к. пер. 115 к.

18) Примѣры мудрости и добродѣтели, выбранныя изъ исторіи, съ наставленіями для дѣтей, И. Ф. Феддерсеномъ 2 Части, для Дѣтскаго чтенія вѣ 8, 1787, М. 125 коп. бум. 135 коп. пер. 150 коп.